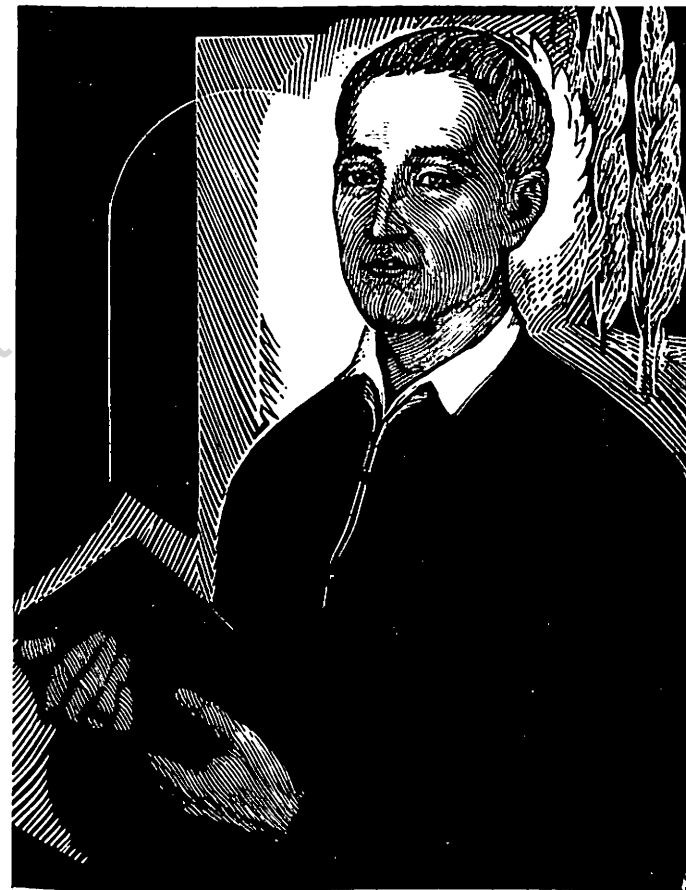

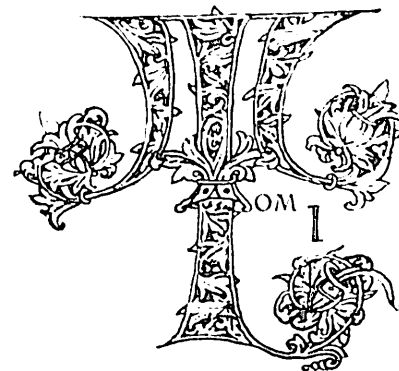
Видавництво
художньої
літератури
«Дніпро»
Київ — 1972

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА

ВИБРАНІ ТВОРИ
В ДВОХ ТОМАХ

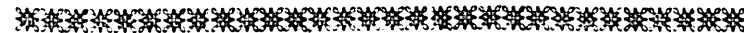
Упорядкування,
підготовка текстів
та примітки
Б. А. Деркача

Художник
В. Я. Чебанік

САД
БОЖЕСТВЕННЫХ
ПѢСНЕЙ,
прозябшій из зерн
священнаго
писанія

БАСНИ
ХАРЬКОВСКІЯ
ІНШІ ТВОРИ

ПѢСНЬ 1-я

Сложенна 1757 лѣта в сію силу: *Блаженны непорочны,
в путь ходящии в законъ господнем.*

Бои́тся народ сойти гни́ть во гробъ,
Чтоб не был послѣ участный,
Гдѣ горит огонь неугасный;
А смерть есть святая, кончит наша злая,
Изводит злой войны в покой.

О, смерть сія свята!

Не боится совѣсть чиста ниже Перуна огниста, ни!
Сей огнем адским не жжется,
Сему жизнь райска живется.
О, грѣх-то смерть родит, живу смерть наводит,
Из смерти ад; душу жжет глад.
О, смерть сія люта!

Блажен, о блажен, кто с самых пелен
Посвятил себе Христови,
День, ночь мыслит в его словѣ,
Взяв иго благое и бремя легкое,
К сему обык, к сему навик.

О, жребій сей святой!
Кто сея отвѣдал сласти, вѣк в мірски
Не может пасти, ни!
В наготах, в бѣдах не скучит;
Ни огонь, ни мечь не разлучит;
Все сладость разводит, на сердце не всходит
Развѣ тому, естли кому
Дал знать искус драгій.

Христе, жизнь моя, умерый за мя!
Должен был тебѣ начатки
Лѣтъ моих, даю остатки.
Сотри сердца камень; зажжи в нем твой пламень;
Да смерть страстям и злым сластям,
Живу тебѣ мой свѣтъ.

А как от грѣхов воскресну, как одѣну плоть небесну,
Ты в мнѣ, я в тебѣ вселюся,
Сладости той насыщуся,
С тобою в бесѣдѣ, с тобою в совѣтѣ,
Как дня заход, как утра восход.
О, се златых вѣк лѣтъ!

ПѢСНЬ 2-я

Из сего зерна:
По землѣ ходяще, обращеніе имамы на небесѣх.

Оставь, о дух мой, вскорѣ всѣ земляныи мѣста!
Взойди, дух мой, на горы, гдѣ правда живет свята,
Гдѣ покой, тишина от вѣчных царствует лѣтъ,
Гдѣ блещит та страна, в коей неприступный свѣтъ.

Оставь земны печали и суетность мірских дѣл!
Будь чист хоть на час малый, дабы ты выпры возлетѣл,
Гдѣ Іаковль господь, гдѣ невечерняя заря,
Гдѣ весь ангелскій род лице его выну зрят.

Се силоамски воды! омый скверну от очес,
Омый всѣ членов роды, дабы возлетѣть до небес,
Ибо сердцем нечист не может бога узрѣть
И нелзя до сих мѣст земленному долетѣть.

Душа наша тѣлесным не может довольна быть;
Она только небесным горит скуку насытить.
Как поток к морю скор, так сталь к магниту прядет.
Пламень дрожит до гор, так дух наш к богу взор рвет.

Кинь весь мір сей прескверный.
Он-то вточь есть темный ад.
Пусть летит невѣжь враг черный;
Ты в горный возвысись град.

И, по землѣ ходя, вселися на небесах,
Как учит Павел ты в своих чистых словесах.

Спѣши жь во вѣчну радость крыльми умными отсель,
Ты тамновиш радость, как быстропарный орел.
О треблаженна стать, всего паче словесе!
Кто в свой ум может взять, развѣ сшедый с небесе?

ПѢСНЬ 3-я

Из сего сѣмени:

*Прорасти земля быліе травное, сирѣчь:
Кости твоя прозябнут, яко трава, и разбогѣют (Исаіа).*

Весна любя, ах, пришла! Зима люта, ах, прошла!
Уже сады расцвѣли и соловьев навели.

Ах ты, печаль, прочь отсель! Не безобразь красных сел.
Бѣжи себѣ в болота, в подземныи ворота!

Бѣжи себѣ прочь во ад! Не для тебе рай и сад.
Душа моя процвѣла и радостей навела.

Щастлив тот и без утѣх, кто побѣдил смертный грѣх.
Душа его — божій град, душа его — божій сад.

Всегда сей сад даст цвѣты, всегда сей сад даст плоды.
Всегда весною там цвѣтет и лист его не падет.

О боже мой, ты мнѣ — град! О боже мой, ты мнѣ — сад!
Невинность мнѣ — то цвѣты, любовь и мир — то плоды.

Душа моя есть верба, а ты еси ей вода.
Питай мене в сей водѣ, утѣшь мене в сей бѣдѣ.

Я ничего не боюсь; одних грѣхов я страшусь.
Убій во мнѣ всякій грѣх: се — ключ моих всѣх утѣх!

ПѢСНЬ 4-я

Рождеству Христову.

Из сего зерна:

С нами бог, разумѣйте, языцы, сирѣчь:

Помаза нас бог духом;

Посла духа сына своего в сердца наша.

Ангелы, снижайтесь, ко землѣ сближайтесь,
Господь бо, сотворшій вѣки, живет нынѣ с человеки.
Станте с хором вси собором,
Веселитесь, яко с нами бог!

Се час исполняется! Се сын посылается!
Се лѣта пришла кончина! Се бог посылает сына.
День приходит, дѣва родит,
Веселитесь, яко с нами бог!

Обѣщан пророками, отчими нароками,
Рѣшит в послѣднѣя лѣта печать новаго завѣта;
Дух свободы внутрь нас родит,
Веселитесь, яко с нами бог!

Даніилов каменю! Из купины пламеню!
Несѣченный, опадаеш! Огнь сѣна не поपालеш!
Се наш камень! Се наш пламень!
Веселитесь, яко с нами бог!

Расти ж благодатию, новый наш ходатаю!
Расти, да возможеш стати, да попалиш супостаты,
Да вселенну, зря спасенну,
Веселимся вси, яко с нами бог!

Мы ж тебѣ, рожденному, гостеви блаженному,
Сердца всѣх нас отверзаем, в душевный дом
призываем.

Пѣснь спѣвая, восклицая,
Веселящаяся, яко с нами бог!

ПѢСНЬ 5-я

Рождеству Христову. Из сего зерна:
Роди сына своего первенца, и повит его,
и положи его в яслѣх.

Тайна странна и преславна!
Се — вертеп вмѣсто небес!
Дѣва херувимов главна,
И престолом вышним днесь.
А вмѣщен тот в яслѣх полно,
Коего есть не довольно
Вмѣститъ и небо небес.

О блаженны тѣи очи,
Что на сію тайну зрят,
Коиx в злой мірской полночи
Привела к богу заря.
Ангелскій ум тайну видит,
А плотскій муж ненавидит,
Та бо всѣм им буйство есть.

Мы же секрет сей небесный
Всегорящим сердцем чтим
И, хоть как скот безсловесный,
Из-под Христа сѣно ядим.
Поколь, в мужа совершенна
Взросши, возможем блаженна
Самаго бога вкусить.

ПѢСНЬ 6-я

В конец сего: *Испусти змій за женою из уст своих воду,
яко рѣку, да ю в рѣцѣх потопит.
Той сотрет тебѣ главу.*

Вонми, небо и земля, нынѣ ужаснися!
Море, безднами всѣми согласно двигнися!
И ты, быстротекущій, возвратися, Іордане,
Прійди скоро крестити Христа, Іоанне!

Краснозрачныя лѣса, стези отворите,
Предитечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныи же языци, купно с нами всѣ ликуйте,
Ангелскія хоры, вси в небѣ торжествуйте!

Снїйде спас во Іордан, ста в его глубинѣ,
Се снїйде на нь и дух свят в видѣ голубинѣ.
Сей есть сын мой возлюбленны, отец из облак вѣщае,
Сей мессія обновит естество все ваше.

Освяти струи и нам, змїю сотри главу,
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
Да не потопит нас змій. И мы всѣ от земна края
Да почити полещем до твоего рая.

ПѢСНЬ 7-я

Воскресенію Христову. Из сего зерна:
*Единонадесять ученицы идоша в Галилею на гору,
амо же повелѣ им Іисус. Пасха!*

Кто ли мене разлучит от любви твоей?
Может ли мнѣ наскучить дивный пламень сей?
Пусть весь мір отбѣжит!
Я буду в тебѣ жить, о Іисусе!

Веди мене с тобою в горній путь на крест;
Рад я жить над горою, брошу долню персть.
Смерть твоя — мнѣ живот,
Желчь твоя — сластей род, о Іисусе!

Язвы твои суровы — то моя печать,
Вѣнец мнѣ твой терновый — славы благодать,
Твой сей поносный крест —
Се мнѣ хвала и честь, о Іисусе!

Зерно пшенично в нивах естли согніет,
Внѣшность естли нежива, нов плод внутрь цвѣтет.
За один старый клас
В грядущій лѣтній час сторичный даст плод.

Сраспни мое ты тѣло, спригвозди на крест;
Пусть буду звнѣ не цѣлой, дабы внутрь воскрес.
Пусть внѣшний мой изсхнет,
Да новый внутрь цвѣтет; се смерть животна.

О новый мой Адаме! О краснѣйшій сын!
О всегосвѣтнѣй сраме! О буйства Афин!
Под буйством твоим свѣт,
Под смертью — жизнь без лѣт. Коль темный
закров!

ПѢСНЬ 8-я

Воскресенію Христову. Из сего зерна:
O! o! Бѣжте на горы! (Захарія).
Востани, спяй! Покой даст бог на горѣ сей (Icaia).

Объяли вокруг мя раны смертоносны;
Адовы бѣды обойшли несносны;
Найде страх и тма. Ах година люта!
Злая минута!

Бодет утробу терн болѣзни твердый;
Скорбна душа мнѣ, скорбна даже к смерти.
Ах, кто мя от сего часа избавит!
Кто мя исправит?

Так африканскій страждет елень скорый;
Он птиц быстрѣ пить спѣшит на горы,
А жажда жжет внутрь, насыщенна гадом
И всяким ядом.

Я на Голгофу поскорю поспѣю;
Там висит врач мой меж двою злодѣю.
Се Іоанн здѣ при крестѣ рыдает!
Крест лобызает.

О Іисусе! О моя отрадо!
Здѣ ли живеши? О страдалцев радость!
Дажь спасительну мнѣ цѣльбу в сей страсти,
Не даждь вѣк пасти.

ПѢСНЬ 9-я

Святому духу.
Из сего:
Дух твой благій наставит мя на землю праву.
Снизшед, языки слія.
Разгласная возшумѣ.

Голова всяка свой имѣет смысл;
Сердцу всякому своя любовь,
И не однака всѣм живущим мысль:
Тот овец любит, а тот козлов.
Так и мнѣ вольность одна есть нравна
И безпечальный, препростый путь.
Се — моя мѣра в житіи главна;
Весь окончится мой циркуль тут.

Ты, святой боже и вѣков творец,
Утверди сіе, что сам создал.
При тебѣ может все в благій конец
Так попасть, как к магниту сталь.
Аще ж не право зрит мое око,
Ты мене, отче, настави здѣсь;
Ты людских видиш, сидяй высоко,
Разных толь мнѣнній безсчетну смѣсь.

Тот на восточный, сей в вечерній край
Плывет по щастье со всѣх вѣтрил,
Иной в полночной странѣ видит рай,
Иный на полдень путь свой открыл.

Один говорит: вот кто-то косит!
А другій спорит: се ктось стрижет,
А сей: у воза пять кол, голосит.
Скажи: кій бѣс нам в прах мысль сѣчет?

ПѢСНЬ 10-я

Из сего зерна:

*Блажен муж, иже в премудрости умрет
и иже в разумѣ своемъ поучается святынь (Сирах).*

Всякому городу нрав и права;
Всяка имѣет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков,
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идет с ума.

Петр для чинов углы панскіи трет,
Федька-купец при аршинѣ все лжет.
Тот строит дом свой на новый манѣр,
Тот все в процентах, пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идет с ума.

Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Тѣ формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак,—
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.

Тѣх беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур,—
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума:
Как бы умерти мнѣ не без ума.

Смерте страшна, замашная косо!
Ты не щадиш и царских волосов,
Ты не глядиш, гдѣ мужик, а гдѣ царь,—
Все жереш так, как солому пожар.
Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чія совѣсть как чистый хрусталь...

ПѢСНЬ 11-я

В конец сего: *Бездна бездну призывает, сирѣчь:
В законѣ господни воля его. Дал бы ти воду живу,
волѣ — волю и безднѣ твоей бездну мою.*

Нелзя бездны окіана горстью персти забросать,
Нелзя огненного стана скудной каплѣ прохладять.
Возможет ли в темной яскинѣ гулять орел?
Так, как в поднебесный край вилетѣв он отсель,
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человѣцѣ, вод всѣх ширшій и небес.
Не насытишь тѣм вовѣки, что плѣняет зрак очес.
Отсюду-то скука внутрь скрежет, тоска, печаль,
Отсюду несытость, из капли жар горшій всталь.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О роде плотскій! Невѣжды! Доколѣ ты тяжкосерд?
Возведи сердечны вѣжды! Взглянь выпсрь, на небесну
твердь.

Чему ты не ищеш знать, что то зовется бог?
Чему не толчеш, чтоб увидѣть его ты мог?
Бездна бездну удолит вдруг.

ПѢСНЬ 12-я

Из сего зерна: Блаженны нищи духом, сіестъ:
Премудрость книжника во благовремени празднества
и, умалаяйся в дѣяніих своих, упрямудрится (Сирах).
Упразднитеся и разумѣйте...

Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить,
Буду вѣкъ мой коротати, гдѣ тихо время бѣжит.
О дуброва! О зелена! О мати моя родна!
В тебѣ жизнь увеселенна, в тебѣ покой, тишина!

Города славны, высоки на море печалей пхнут.
Ворота красны, широки в неволю горьку ведут.
О дуброва! О зелена! и прочая.

Не хочу ѣздить на море, не хочу красных одеж:
Под сими крыется горе, печали, страх и мятеж.
О дуброва!.. и прочая.

Не хочу за барабаном ити плѣнять городов,
Не хочу и штатским саном пугать мѣлочных чинов.
О дуброва! и прочая.

Не хочу и наук новых, кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовых, в коих сладостна дума.
О дуброва! и прочая.

Ничего я не желатель, кромѣ хлѣба да воды,
Нищета мнѣ есть пріятель — давно мы с нею сваты.
О дуброва! и проч. .

Со всѣх имѣній тѣлесных покой да воля свята,
Кромѣ вѣчностей небесных, одна се мнѣ жизнь свята.
О дуброва!.. и проч.

А естли до сих угодій и грѣх еще побѣдитъ,
То не знаю, сей выгоды возможет ли лутче быть.
О дуброва!.. и проч.

Здравствуй, мой милый покою! Вовѣки ты будеш мой.
Добро мнѣ быти с тобою: ты мой вѣкъ будь, а я твой.
О дуброва! О свобода! В тебѣ я начал мудрѣть,
До тебе моя природа, в тебѣ хочу и умрѣть.

ПѢСНЬ 13-я

Из сего:
Изыйдите от среды их...
Приди, брате мой, водворимся на селѣ.
Тамо роди ты мати твоя
(Пѣснь пѣсней).

Ах поля, поля зелены,
Поля, цвѣтами распещренны!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах ваши волоса, вы, кудрявые лѣса!

Жайворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выпрь летя, сверчит,
А сей на вѣтвах свистит.

А когда взойшла денница,
Свищет в той час всяка птица,
Музыкою воздух растворенный шумит вкруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выганяет
И на свою свирѣль выдает дрожливый трѣль.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлѣба куском умру на мѣстѣ таком.

ПѢСНЬ 14-я

Древняя малороссійска о суетѣ и лести мірской.
В сей силѣ:
На стражи моей стану и възыду на камень (Аввакум).
Обновленна в 1782 лѣтѣ.

1

Коликая слава нынѣ?
Зри на буйность в сей годинѣ!
О Израиль! Гидры звѣря,
Коль велика в ономъ мѣра,
Нужно разумѣти.

2

Нынѣ — скипетр и булава,
Утро вставши — худа слава,
Сердце пробуждает сквозѣ,
Руцѣ связанны и нозѣ.
Как избѣгнуть сѣти?

3

Днесъ пїяна скачет воля,
Утро вставши — тщетна доля.
О Израиль! Водна звѣря
Камо цѣль ведет и мѣра?
Нужно что прозрѣти.

32

4

Сирен лестный окіана
Сладкимъ гласомъ обаянна;
Бѣдная душа на пути
Хочетъ навсегда уснути,
Не доплывши брега.

5

Плоть, мір! О несытый аде!
Все тебѣ яд, всѣмъ ты яде!
День, ночь челюстями зѣваеш,
Все безъ взгляду поглощаеш.
Кто избѣжитъ сѣти?

6

Се пучина всѣхъ есть жруща!
Се есть челюсть, всѣхъ ядуща!
О Израиль! Кита звѣря —
Се тебѣ толк, мѣгъ и мѣра,
Плоть не насыщаетъ.

7

Ах, простри бодро вѣтрила,
И ума твоего крила,

33

Пловущи по бурном морю,
Возведи зѣницы вгору,
Да путь потечет прав.

8

Лутче жити во пустынь,
Затворившись во яскинь,
Пребывать в мѣстах безвѣстных
И не слышать гласов лестных.

9

Будь ты мнѣ Ираклій тщивый,
Будь Иона прозорливый,
Главы попали змѣины,
Китовой из блевотины
Выскачь мнѣ на кефу.

ПѢСНЬ 15-я

Великой субботѣ.
Из сего зерна:
*Почи бог в день седьмой.
Еще внидут в покой мой.*

Лежиш во гробѣ, празднуеш субботу
По трудах тяжких, по кровавом поту.
Князь никоих дѣл в тебѣ не имѣет,
Князь сего міра, что всѣми владеет.
О неслыханны се слѣды!
О новый роде побѣды!
О сыне Давидов!

Сыне Давидов, Лазаря воззавый
Из мудростей земных до небесной славы,
Убій тѣлесну и во мнѣ работу!
Дажь мнѣ с тобою праздновать субботу,
Дажь мнѣ ходить в твой слѣды,
Дажь новый род сей побѣды,
О сыне Давидов!

ПѢСНЬ 16-я

В сію силу:
Дугу мою полагаю во облацѣ.

Прошли облака. Радостна дуга сіяет.
Прошла вся тоска. Свѣтъ наш блистает.
Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ вѣдра,
Если миновал мрак и шум мірскаго вѣтра.

О прелестный мір! Ты мнѣ — окіан, пучина.
Ты — мрак, облак, вихр, тоска, кручина.
Се радуга прекрасная мнѣ вѣдро блистает,
Сердечная голубочка мнѣ мир вѣщает.

Прощай, о печаль! Прощай, прощай, зла утроба!
Я на ноги встал, воскрес от гроба.
О отрасли Давидовска! Ты брег мнѣ и кифа,
Ты радуга, жизнь, вѣдро мнѣ, свѣтъ, мир, олива.

ПѢСНЬ 17-я

*Житейское море,
воздвигаемое зря и проч.*

Видя житія сего я горе,
Кипящее, как Чермное море,
Вихром скорбей, напастей, бѣд,
Разслаб, ужаснулся, поблѣд.
О горе сущим в нем!

Возвратил я бѣдный бѣг мой вскорѣ,
Чтоб не скрытись с фараоном в морѣ.
Се к пристани тихой бѣжу
И воплем плачевным глашу,
Воздѣв горѣ руцѣ:

О Христе! не даждь сотлѣть во адѣ!
Даждь мнѣ в твоём жить небесном градѣ,
Да не повлечет мя в свой слѣд
Блудница мір, сей темный свѣтъ!
О милости бездна!

ПѢСНЬ 18-я

*Господь гордым противится,
смирнным же дает благодать.*

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнѣзда высоко!
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
От ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью.
От, от! кохти он острит!

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны вѣтры повѣвають,
Руки явору ламают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течет поточок близко;
Видно воду аж до дна.

На что ж мнѣ замышляти,
Что в селѣ родила мати?
Нехай у тѣх мозок рвется,
Кто высоко вгору дмется,
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣк.
Так минет мене все лихо,
Щастлив буду человек.

ПѢСНЬ 19-я

*В сей конец: Нѣсть наша брань к плоти и крови...
Попереша льва и змія...
Воспріймите и меч духовный, иже есть глагол божій.*

Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!
Грызеш мене измлада, как моль платья, как ржа сталь.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Гдѣ ли пойду, все с тобою вездѣ всякій час.
Ты, как рыба с водою, всегда возлѣ нас.
Ах ты, скука! ах ты, мука, люта мука!

Звѣряку злу заколеш, если возмеш острый нож,
А скуки не побореш, хоть мечь будет и хорош.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Добросердечное слово колет сих звѣрей,
Оно завсегда готово внутрь твоих мыслей.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!

Христе, ты — меч небесный в плоти нашея ножнах!
Услыши вопль наш слезный, пощади нас в сих звѣрях!
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Твой нам свышше глас пресладкій, аще возревет,
Как молнія, полк всѣх гадких звѣрей ражженет.
Прочь ты, скука, прочь ты, мука, с дымом, с чадом!

ПѢСНЬ 20-я

Нареченная Сигор.

В сем маленьком, по высоком градикѣ
пирует Лот со дщерьми:
*Во градѣ бога нашего,
в горѣ святѣй его; уподоблю его мужу мудру,
основавшему храмину свою на камень.
Кто взыйдет на гору господню?*

Кто сердцем чист и душею,
Не нужна тому броня,
Не нужен и шлем на шею,
Не нужна ему война.
Непорочность — то его броня,
И невинность — алмазна стѣна..
Щит, меч и шлем ему сам бог.

О міре! Мір безсовѣтный!
Надежда твоя в царях!
Мниш, что сей брег безнавѣтный!
Вихрь развѣет сей прах.
Непорочность — се тебѣ Сигор,
И невинность — вот небесный двор!
Там полещи и там почій!

Сей свят град бомб не боится,
Ни клеветничіих стрѣл,
И хитрых мин не страшится,
Всѣгда цѣл и не горѣл.

Непорочность есть то адамант,
И невинность есть святѣй то град.
Там полещи и там почій!

В сем градѣ и врагов любят,
Добро воздая врагам,
Для других здравіе гублят,
Не только добры другам.
Гдѣ ж есть оный толь прекрасный град?
Сам ты град, з души вон выгнав яд,
Святому духу храм и град.

ПѢСНЬ 21-я

В конец сего: *Возвѣсти ми, его же возлюби душа моя;
гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши в полудни?*

Щастіе, гдѣ ты живеш? Горлицы, скажите!
В полѣ ли овцы пасеш? Голубы, взвѣстите!
О щастіе, наш ясный свѣтъ,
О щастіе, наш красный цвѣтъ!
Ты мати и дом, появися, покажися!

Щастіе! Гдѣ ты живеш? Мудрыи, скажите!
В небѣ ли ты пиво пьешь? Книжники, возвѣстите!
О щастіе, наш ясный свѣтъ,
О щастіе, наш красный цвѣтъ!
Ты мати и дом, появися, покажися!

Книжники се всѣ молчат, птицы тож всѣ нѣмы,
Не говорят, гдѣ есть мать, мы же всѣ не вѣмы.
О щастіе... и прочая.

Щастія нѣтъ на землѣ, щастія нѣтъ в небѣ,
Не заключилось в углѣ, индѣ искать требѣ.
О щастіе... и прочая.

Небо, земля и луна, звѣзды всѣ — прощайте!
Всѣ вы мнѣ — гавань дурна, вперед не ожидайте.
О щастіе... и прочая.

Всѣ я минул небеса, негли вдаль обрящу,
И преисподняя вся, негли его срящу.
О щастіе... и проч.

Се мой любезный прескор, скачет младый елень
Выше небес, выше гор; крин мой — чист, нов,
зелен.

О щастіе, мой свѣтъ ясный!
О щастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати и дом, нынѣ вижу, нынѣ слышу!

Сладость его есть гортань, очи голубины,
Весь есть любовь и Харрань, руцѣ кристаллины.
О щастіе... и проч.

Не прикасайся ты мнѣ, абіе мя срящешь,
Не обрѣтай мя извнѣ, абіе обрящешь.
О щастіе... и проч.

Ах! Обрати мнѣ твой взор: он мя воскриляет,
Выше стихій, выше гор он мя оперяет.
О щастіе... и пр.

Сядем себѣ, брате мой, сядем для бесѣды.
Сладок твой глагол живой, чистит мнѣ всѣ бѣды.
О щастіе, мой свѣтъ ясный!
О щастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты — мати и дом, днесь ты вижу, днесь ты слышу.

В полдень ты спиш на горах, стадо пасеш в кринах,
Не в Гегесенских полях и не в их долинах.
О щастіе... и проч.

ПѢСНЬ 22-я

*Помни послѣдняя твоя, и не согрѣшиши (Сирах).
Есть путь, мнящійся быти прав,
послѣдняя же его — ад (Притчи).*

Распрости вдаль взор твой и разумны лучи,
И конец послѣдній поминай.
Всѣх твоих дѣл в кую мѣть стрѣла улучит,
Наблюдая всѣх желаній край,
На коих вещах основал ты дом?
Если камень, то дом соблюдет.
Если ж на пѣскѣ твоих стать хором,
От лица земли вихр разметет.

Всяка плоть пѣсок есть и мірска вся слава,
И его вся омерзѣет сласть.
Возлюби путь узкій, бѣгай обща нрава;
Будь твоя господь с Давидом часть,
Если нужно есть вернуться в Сіон,
То зачем тебѣ в мір снисхождать?
Путь опасен есть во Іерихон,
Живи в градѣ, иже всѣх нас мать.

Если жь опустился ты в сію дорогу,
Бог скорѣе путь да преградит,
Ибо знаеш, что снѣйшовши в бездну многу,
То ум в безднѣ зол наш не радит.

О ты, иже все дух тойжде еси,
И число твоих не скудѣет лѣтъ,
Ты разбойничи в нас духи смѣси!
Пусть твоя сокрушит буря сѣть!

ПѢСНЬ 23-я

Из сего: *Изчезаша в суетѣ днѣ... Искупующе время...
Упразднитеся и уразумѣйте.*

О дражайше жизни время,
Коль тебя мы не щадим!
Коль так, как излишне бремя,
Всюду мещем, не глядим!
Будто прожитый час возвратится назад,
Будто рѣки до своих повернутся ключей,
Будто в наших руках лѣтъ до прибавки взять,
Будто наш з безчисленных составленный вѣкъ дней.

Для чего ж мы жить желаем
Лѣтъ на свѣтѣ восемсот,
Ежели мы их теряем
На всякій бездѣлицъ род?
Лутче час честно жить, неж скверно цѣлый день,
Лутче один день свят от безбожнаго года,
Лутче один год чист, неж десятков сквернен,
Лутче в пользѣ десять лѣтъ, неж весь вѣкъ без плода.

Брось, любезный друг, бездѣлья,
Пресѣчи толикий вред,
Сей момент пріймись до дѣла:
Вот, вот время уплывет!
Не наше то уже, что прошло мимо нас,
Не наше то, что породит будуща пора,

Днешній день только наш, а не утренній час.
Не знаем, что принесет вечерняя заря.

Если ж не умѣш жити,
Так учись фигуры сей!
Ах, не может всяк вмѣстити
Разум хитрости твоей.

Знаю, что наша жизнь полна суетных вѣк,
Знаю, что преглупая тварь в свѣтѣ челоуѣк,
Знаю, что чѣм живет, тѣм горшій он дурак,
Знаю, что слѣп тот, кто закладает себѣ вѣк.

ПѢСНЬ 24-я

Римскаго пророка Горатія,
перетолкованна малороссійским діалектом в 1765-м годѣ.
Она начинается так:
*Otium divos rogat in patenti...*¹ и пр.
Содержит же благое наставленіе к спокойной жизни.

О покою наш небесный! Гдѣ ты скрылся с наших глаз?
Ты нам обще всѣм любезный, в разный путь разбил ты нас.

За тобою то вѣтрила простирают в кораблях,
Чтоб могли тебе тѣ крила по чужих сыскать странах.

За тобою маршируют, разоряют города,
Цѣлый вѣк бомбандируют, но достанут ли когда?

Кажется, живут печали по великих больш домах;
Больш спокоен домик малый, естли в нужных сыт вещах.

Ах, ничем мы не довольны — се источник всѣх скорбей!
Разных ум затѣв полный — вот источник мятежей!

Поудержмо дух несытый! Полно мучить краткій вѣк!
Что ль нам дать край знаменитый? Будеш тоже челоуѣк.

Вить печаль вездѣ лѣтает, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣс, молній всѣх быстрее, может нас сыскать вездѣ.

¹ Покою просить у богів у відкритому... (Лат.)

Будьмо тѣм, что бог дал, ради, разбиваймо скорбь шутя,
Полно нас червям снѣдати, вить есть чаша всѣм людям.

Славны, напимѣр, герои, но побиты на полях.
Долго кто живет в покоѣ, страждет в старых тот лѣтах.

Вас бог одарил грунтами, но вдруг может то пропасть,
А мой жребій с голяками, но бог мудрости дал часть.

25-я ПѢСНЬ ОТХОДНАЯ

Отцу Гервасію Якубовичу,
отходящему из Переяслава в Бѣлгород
на архимандритскій и судейскій чин в 1758-м годѣ.
Из сего зерна:
*Господь сохранит вхожденіе твое и исхожденіе твое,
не даст во смятеніе ноги твоея.*

Ѣдеш, хочешь нас оставить?
Ѣдь же весел, цѣлый, здоровый,
Будь тебѣ вѣтры погодны,
Тихи, жарки, ни холодны;
Щастлив тебѣ путь вездѣ отсель будь!

Путныи ищезнут страхи;
Спите, подорожны прахи,
Скоропослушныи кони
Да несут, как по долонѣ,
Щастливым слѣдом, как гладеньким льдом!

Облаки, проч, вы невѣрны!
Не лійтесь, дожди чрезмѣрны!
Варь не ожжи полуденный,
Свѣтом луны озаренный;
Щастлив сей путь повсюду в ночь будь!

Той твои направит ноги,
Кой дал землю и дороги,

Бодно сѣдѣе высоко
Путь твой хранящее око.
Щастлив сей отход благословит вход.

Радуйся, страна щастлива!
Пріймеш мужа добротлива.
Брось завистливые нравы!
Вѣрен его есть познавый.
Щастлив на степень, конец на блажен.

ПѢСНЬ 26-я

Епископу Іоанну Козловичу,
входящему во град Переяслав
на престол епископскій из 1753 года.

Из сего зерна:

*Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ ваш предъ челоуѣки,
яко да видятъ ваша добрая дѣла...*

Поспѣшай, гостю, поспѣшай,
Наши желанія увѣнчай!
Какъ мусикійскій сличный слухъ
Сладостю тѣло и движетъ духъ,
Такъ всежеланный твой приходъ
Цѣлый подвигнулъ градъ и весь народъ.

Граде печальный Переяслав!
Часто сиротство твое дознавъ,
Измѣну вышняго смотри.
Се свѣтлый день тебе озари,
По волнамъ твой корабль шалѣлъ,
Се в корабль паки твой кормчій сѣлъ.

Онъ путь управитъ до небесъ,
Преднося Христовыхъ свѣтъ словесъ.
В немъ весь духовный узришь плодъ,
Какъ в чистовидныхъ зеркалахъ водъ,
Агнцу послѣдуя Христу,
Кротко очиститъ нечистоту.

Он и дѣлом и языком
Исцѣлит дух твой, язвлен грѣхом.
Сколько честиѣйшій плоти дух,
Сколько земнаго небесный круг,
Столько душевных враг страстей
Превозвышает плотских врачей.

Христе, источник благ святой!
Ты дух на пастыря изліи твой,
Ты будь ему оригинал.
Чтоб, на его смотря, поступал
Паствы его всяк человѣкъ,
И продолжи ему щастлив вѣкъ.

МЕЛОДІА

На образ зачатія пречистыя богоматери,
имущія под ногами круг міра,
умаляющуюся луну и змія с яблоком своим.
Сей образ стоит в богословской школѣ в Харьковѣ.
Выображенна сія мелодія 1760-го года,
как был я учителем пѣнтической школы.

Воззри! Се дѣва стоит, чиста ложеснами!
Яблоко, зміи, мір, луна под ея ногами.
Яблоком является плотска сласть безчестна,
В кую влечет, как зміи, плоть хитра и прелестна,
Круг міра образует злу смѣсь мірских мнѣній,
А луна знаменует сѣнь мырских имѣній.
Побѣди сія! Христос и в тебѣ вселится.
Будь, как дѣва, чист: мудрость в сластях не мѣстится.

МГССС

ПѢСНЬ 27-я

Бѣлоградскому епископу Іоасафу Миткевичу,
посѣщающему вертоград духовнаго училища в Харьковѣ.
Из сего зерна: *Господи, призри с небесе и виждь,
и посѣти виноград сей, его же...*
Плод духовный есть любовь, радость, мир и пр.

Вышних наук саде святой,
Лист розовый и цвѣтъ твой красный,
Прійми на тя весенный вид!
Се возсія день твой благій!
Озарил тебе свѣтъ ясный.
Дух, дыша, свышшь благословит.
Возвеселися, о полк древес,
Болших и маленьких всѣх сонм весь.

Пастырю наш, образ Христов
Тих, благ, кроток, милосердый,
Зерцало чистое доброт!
Красны неси нозѣ, готов
Мир благовѣститъ нам твердый.
Призри на сей священ оплот;
От тебе помощи весь он ждет,
Сердце и руцѣ тебѣ дает.

Ты сад напой, сей святой сад,
Током вод благочестивых
З самых апостольских ключей.
Не допусти ересей яд.

Отжени проч всяк род лживых,
Да родит духовных царей,
Царство царя, простирая всѣх,
Адскій же скиптр, низвергая грѣх.

Да зрит в него бодрый взор твой!
При твоём неспящем взорѣ,
И лист его не отпадет;
Не лист на нем будет пустой,
Лицемѣрно лстящ, но вскорѣ
Весь плод духовный принесет:
Вѣру, мир, радость, кротость, любовь
И иной весь святой род таков.

Так от тебе сам царей царь,
И сего народ свят просит.
И что ж тебѣ сего милѣй?
Или Христу кій лутчій дар?
Се дар первый, что приносит
Пастырь на паствѣ свят святѣй.
Он же на дѣло сам укрѣпит
И тебѣ жизнь святу продолжит.

ПѢСНЬ 28-я

О тайном внутрь и вѣчном веселіи боголюбивыхъ сердецъ.
 Изъ сихъ зернъ: *Веселіе сердца — животъ челоуѣку,*
и радованіе мужа — долгоденствіе;
Иже аще погубитъ душу свою мене ради, той спасетъ ю.
Что пользы челоуѣку, аще приобрящетъ миръ весь,
отщетится же души своей?

Возлети на небеса, хотъ в версальскіи лѣса,
 Вздѣнь одежду золотую,
 Вздѣнь и шапку хотъ царскую;
 Когда ты невесьол, то всьо ты нищ и гол.

Проживи хотъ 300 лѣт, проживи хотъ цѣлый свѣтъ,
 Что тебѣ то помогаетъ,
 Естли сердце внутрь рыдаетъ
 Когда ты невесьол, то всьо ты мертв и гол.

Завоюй земный весь шар, будь народамъ многимъ царь,
 Что тебѣ то помогаетъ,
 Аще внутрь душа рыдаетъ
 Когда ты невесьол, то всьо ты подл и гол.

Брось, пожалуй, думать мнѣ, сколько жителей в лунѣ!
 Брось Коперниковски сферы.
 Глянь в сердечныя пещеры!
 В душѣ твоей глагол, вот будешъ с нимъ весьол!

Богъ есть лутчій астрономъ, онъ наплутчій економъ.
 Мать блаженная натура
 Не творитъ ничто же здура.
 Нужнѣйшее тебѣ найдешъ то самъ в себѣ.

Глянь, пожалуй, внутрь тебе: сыщешъ друга внутрь себе,
 Сыщешъ тамъ вторую волю,
 Сыщешъ в злой блаженну долю:
 В тюремѣ твоей тамъ свѣтъ, в грязи твоей тамъ цвѣтъ.

Правду Августинъ пѣвалъ: ада нѣтъ и не бывалъ,
 Воля — адъ твоя проклята,
 Воля наша — пещь намъ ада.
 Зарѣжь ту волю, другъ, то ада нѣтъ, ни мукъ.

Воля! О несытый адъ! Всѣ тебѣ ядъ, всѣмъ ты ядъ.
 День, ношъ челюстями зѣваешъ,
 Всѣхъ безъ взгляда поглощаешъ;
 Убій ту душу, братъ, такъ упразднишъ весь адъ.

Боже! О живой глаголъ! Кто есть безъ тебе весьолъ?
 Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
 Ты единъ всѣмъ рай и сладость!
 Убій злу волю в насъ, да твой владѣетъ гласъ!

Дажь пренужный даръ намъ сей; славимъ тя, царя царей.
 Тя поетъ и вся вселенна,
 В семъ законѣ сотворенна,
 Что нужность не трудна, что трудность не нужна.

ПѢСНЬ 29-я

В конец сей: *Повелѣ бурѣ и протч.*
Кто сей есть, его же вѣтры, море послушают?

Чолнок мой бури вихр шатает,
Се в бездну, се выпрь вергает!
Ах, нѣсть мнѣ днесь мира
И нѣсть мнѣ навклира.
Се мя море пожирает!

Гора до небес восходит,
Другая до бездн нисходит,
Надежда мнѣ тает,
Душа ищезает.
Ждах — и се нѣсть помогаяй!

О пристанище безбѣдно,
Тихо, сладко, безнавѣтно!
О Маріин сыне!
Ты буди едине
Кораблю моему брегом.

Ты в кораблѣ моем спиши,
Востани! Мой плач услыши!
Ах, запрети морю,
Дажь помощь мнѣ скору!
Ах, востани, моя славо!

Избави мя от напасти,
Смири душе тлѣнны страсти,
Се дух мой терзают,
Жизнь огорчевают.
Спаси мя, Петра, молюся!

ПѢСНЬ 30-я

Из сего древняго стиха:

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε, ταχὺ γάρ πάντα γηράσκει:
 „Εν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχὺν ἐθηκε τραχὺν“.

Сирѣчь:

Наслаждайся дней твоих, все бо вмажь старѣет:
 В одно лѣто из козленка стал косматый цап.

Осѣнь нам проходит, а весна прошла;
 Мать козленка родит, как весна пришла.
 Едва лѣто запало, а козля цапом стало,
 Цап бородатый.

Ах, отвержем печали! Ах, вѣкъ наш краткій, малый!
 Будь сладкая жизнь!

Кто грусть во утробѣ носит завсегда,
 Тот лежит во гробѣ, не жил никогда.
 Ах, утѣха и радости! О сердечная сладость!
 Прямая ты жизнь.

Не красна долготою, но красна добротою,
 Как пѣснь, так и жизнь.

Жив бог миросердый, я его люблю.
 Он мнѣ камень твердый; сладко грусть терплю.
 Он жив, не умирая, живет же с ним живая
 Моя и душа.

А кому он не служит, пушай тот, бѣдный, тужит,
 Прямой сирота.

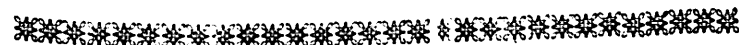
Хочеш ли жить в сласти? Не завидь нигдѣ.
 Будь сыт з малой части, не убойся вездѣ.
 Плюнь на гробныя прахи и на дѣтскія страхи;
 Покой — смерть, не вред.
 Так жывал афинейскій, так жывал и еврейскій
 Епикур — Христос.

ВАСИИ

ХАРЬКОВСКІЯ

Любезный пріятель!

В седмом десяткѣ нынѣшняго вѣка, отстав от учительской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лѣсах, полях, садах, селах, деревнях и пчелниках, обучал я себе добродѣтели и поучался в библіи; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басень, не имѣя с тобою знаемости. А сего года в селѣ Бабаях умножил оныя до половины. Между тѣм, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о них со мною причащаясь. Дарую ж тебѣ 3 десятка басень, тебѣ и подобным тебѣ.

Отческое наказаніе заключает в горести своей сладость, а мудрая игрушка утаевает в себѣ силу.

Глупую важность встрѣчают по виду, выпроваживают по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣет

конец. Нѣтъ смѣшныя, как умный вид с пустым потрохом, и нѣтъ веселѣе, как смѣшное лицо с утаенною дѣлностью. Вспомните пословицу: «Красна хата не углами, но пирогами».

Я и сам не люблю превратной маски тѣх людей и дѣл, о коих можно сказать малороссійскую пословицу: «Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобылья мертва голова бѣжит». Говорят и великороссійцы: «Летала высоко, а сѣла недалюко», — о тѣх, что богато и красно говорят, а нечево слушать. Не любя мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь, а люблю то, что сверху ничто, но в серіодкѣ *чтось*, снаружи ложь, но внутрь истина. Такова рѣчь и человекъ назывался у еллинов *διδυμός*, картинка, сверху смѣшна, но внутри благолѣпна.

Друг мой! Не презирай баснословія! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди. Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключает зерно истины, похожа на орѣх свищ. От таких-то басень отводит Павел своего Тимофея (I к Тим., гл. 4, ст. 7). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной личности, силы Христовой не имущіе. Иногда во вретисѣ дражайшій кроется камень. Пожалуй, ражжуй сіи Павловскіи слова: «Не внимающе іудейским баснем, ни заповѣдем человекъ, отвращающих от истины». Как обряд есть без силы божіей — пустошь,

так и басня, но без истины. Если ж с истиною, кто дерзнет назвать лживою? «Вся убо чиста чистым, оскверненным же и невѣрным ничто же чисто, но осквернися их ум и совѣсть» (К Тит., I). Сим больным, лишенным страха божія, а с ним и добраго вкуса, всяка пища кажется гнусною. Не пища гусна, но осквернися их ум и совѣсть.

Сей забавный и фігурный род писаній был домашній самым лучшим древним любомудрцам. Лавр и зимою зелен. Так мудріи и в игрушках умны и во лжѣ истинны. Истина острому их взору не издали болванѣла так, как подлым умам, но ясно, как в зеркалѣ, представлялась, а они, увидѣвъ живо живой ея образ, уподобили оную различным тлѣнным фігурам.

Ни одни краски не изъясняют розу, лілію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у их образует невидимую божію истину тѣнь небесных и земных образов. Отсюда родились *hieroglyphica, emblemata, symbola*¹, таинства, притчи, басни, подобія, пословицы... И не дивно, что Сократ, когда ему внутренний ангел, предводитель во всѣх его дѣлах, велѣл писать стіхи, тогда избрал *Езоповы басни*. И как самая хитрѣйшая картина неученым очам кажется враками, так и здѣсь дѣлается.

Самое солнце всѣх планет и царица біблія из тайнообразующих фігур, притчей и подобій есть

¹ Иероглифика, эмблематика, символика (лат.).

богозданна. Вся она вылѣплена из глинки и называется у Павла буйством. Но в сію глинку водхнен дух жизни, а в сем буйствѣ кроется мудрѣ всего смертнаго. Изобразить, приточить, уподобить значит то же.

Прійми ж, любезный пріятель, дружеским сердцем сію небезвкусную от твоего друга мыслей его воду. Не мои сіи мысли и не я оные вымыслил: истина есть безначальна. Но люблю — тѣм мои, люби — и будут твои. Знаю, что твой тѣлесный болван далеко разнится от моего чучела, но два различных сосуда одним да наполнятся лікером, да будет едина душа и едино сердце. Сія-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и саміи болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вѣчна, а мы в ней, как яблонь в своем зернѣ, сокроемся.

Питаймо ж дружбу. Прійми и кушай с Петром четвероногая звѣри, гады и птицы. Бог тебѣ да благословляет! С ним не вредит и саміи яд языческій. Они не что суть, как образы, прикрывающіи, как полотном, истину. Кушай, поколь вкусиш с богом лучшее.

Любезный пріятель! Твой вѣрный слуга, любитель священных библіи

Григорій Сковорода.

1774 г., в селѣ Бабаях, наканунѣ 50-тищицы.

Б а с н я 1

СОБАКИ

В селѣ у хазяина жили двѣ собаки. Случилось мимо ворота проѣзжать незнакомому. Одна из них, выскочив и полаяв, поколь он с виду ушел, воротилась на двор.

— Что тебѣ из сего прибыло? — спросила другая.

— По крайней мѣрѣ, не столько скучно, — отвѣчала она.

— Вить не всѣ ж, — сказала разумная, — проежжіе таковы, чтоб их почитать за непріятелей нашего хазяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами поврежденна. Собакою быть дѣло не худое, но без причины лаять на всякого дурно.

С и л а. Разумный человѣкъ знает, что охуждать, а безумный болтает без разбору.

Басня 2
ВОРОНА И ЧИЖ

Неподалеку от озера, в котором видны были жабы, Чиж, сидя на вѣтвѣ, пѣл. Ворона в близости тож себѣ квакала и, видя, что Чиж пѣть не перестает:

— Чего ты сюда же дмешся, жабо?

— А для чего ты мене жабою зовеш? — спросил Чиж Ворону.

— Для того, что ты точно такой зеленой, как вон тая жаба.

А Чиж сказал:

— О, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутреннему твоему орудію, которым пѣніе весьма им подобное отправляеш.

С и л а. Сердце и нравы человѣческіи, кто он таков, свидѣлствовать должны, а не внѣшніи качества. Дерево от плодов познавается.

Басня 3
ЖАВОРОНКИ

Еще в древніе вѣка, в самое тое время, как у орлов черепахи лѣтать учивались, молодой Жаворонок сидѣл недалеко того мѣста, гдѣ одна с помянутых черепах, по сказкѣ мудрого Езопа, лѣтанье свое благополучно на каменѣ окончила с великим шумом и треском. Молодчик, спугавшись, пробрался с трепетом к своему отцу:

— Батюшка! Конечно, возлѣ тоей горы сѣл орел, о котором ты мнѣ когдась говорил, что она птица всѣх страшнѣе и силнѣе...

— А по чему ты догадуешься, сынок? — спросил старик.

— Батюшка! Как он садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывал.

— Мой любезнѣйшій сынок! — сказал старик. — Твой молоденькій умок... Знай, друг мой, и всегда себѣ сію пѣсеньку пой:

Не то орел, что высоко лѣтает,
Но то, что легко сѣдает...

С и л а. Многиі без природы изрядныи дѣла зачинают, но худо кончат. Доброе намѣреніе и конец всякому дѣлу есть печать.

Басня 4 ГОЛОВА И ТУЛУБ

Тулуб, одѣтъ в великолѣпное и обширное, с дорогами уборами одѣяніе, величался пред Головою и упрекал ей тѣм, что на нея ни десятая доля не исходит в сравненіи его великолѣпія...

— Слушай, ты, дурак! Если может помѣститься ум в твоём брюхѣ, то разсуждай, что сіе дѣлается не по большому твоему достоинству, но потому, что нельзя тебѣ столь малым обойтись, как мнѣ,— сказала Голова.

Фабулка сія для тѣх, которыи честь свою на одном великолѣпії основали.

Басня 5 ЧИЖ И ШИГЛИК

Чиж, вылетѣвъ на волю, слетѣлся с давним своим товарищем Шиглом, кой его спросил:

— Как ты, друг мой, освободился?.. Расскажи мнѣ!

— Чудным случаем,— отвѣчал плѣнник.— Богатый турка пріехал с посланником в наш город и, прохаживаясь для любопытства по рынкѣ, зашел в наш птичей ряд, в котором нас около четырехсот у одного хазяина висѣло в клѣтках. Турка долго на нас, как мы один пред другим выпѣвывали, смотрѣлъ с сожалѣніем, наконец:

— А сколько просишь денег за всѣх? — спросил нашего хазяина.

— 25 рублей,— он отвѣчал.

Турка, не говоря ни слова, выкинул деньги и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, с которых, каждаго из нас на волю выпуская, утѣшался, смотря в разные стороны, куда мы разлѣтывали.

— А что ж тебе,— спросил товарищ,— заманило в неволю?

— Сладкая пища да красная клѣтка,— отвѣчал шастливец.— А теперь поколь умру, буду благодарить богу слѣдующею пѣсенкою:

Лучше мнѣ сухар с водою,
Нежели сахар с бѣдою.

С и л а. Кто не любит хлопот, должен научиться
просто и убого жить.

Басня 6
КОЛЕСА ЧАСОВИИ

Колесо часовой машины спросило у Другаго:

— Скажи мнѣ, для чего ты качаешься не по нашей склонности, но в противную сторону?

— Мене,— отвѣчало Другое,— так здѣлал мой мастер, и сим вам не только не мѣшаю, но еще вспомоществую к тому, дабы наши часы ходили по разсужденію солнечнаго круга.

С и л а. По разным природным склонностям и путь житія разный. Однакъ всѣм один конец — честность, мир и любовь.

Басня 7
ОРЕЛ И СОРОКА

Сорока Орлу говорила:

— Скажи мнѣ, как тебѣ не наскучит непрестанно вихром крутиться на пространных высотах небесных и то вгору, то вниз, будто по винтовой лѣсницѣ шататься?..

— Я бы никогда на землю не опустился,— отвѣчал Орел,— если б тѣлесная нужда к тому мене не приводила.

— А я никогда бы не отлѣтывала от города,— сказала Сорока,— если бы орлом была.

— И я то же бы дѣлал,— говорил Орел,— если бы был сорокою.

С и л а. Кто родился к тому, чтоб вѣчностью забавляться, тому пріятнѣе жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

Басня 8
ГОЛОВА И ТУЛУБ

— Чѣм бы ты жива была,— спросил Тулуб Голову,— если бы от мене жизненных соков по части в себе не вытягивала?

— Сіе есть самая правда,— отвѣчает Голова,— но в награжденіе того мое око тебѣ свѣтом, а я вспомошествоую совѣтом.

С и л а. Народ должен обладателям своим слушать и кормить.

Басня 9
МУРАШКА И СВИНЬЯ

Свинья с Мурашкою спорили, кто из них двоих богаче. А Вол был свидетелем правды и побочным судьей.

— А много ли у тебе хлѣбнаго зерна,— спросила с гордою улыбкою Свинья,— прошу объявить, почтенная госпожа?..

— У мене полнохенька горсть самага чистаго зерна.

Сказала как только Мурашка, вдруг захохотали Свинья и Вол со всей мочи.

— Так вот же нам будет судьей господин Вол,— говорила Свинья.— Он 20 лѣтъ с залишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братією искуснѣйшій юриста и самой острой арифметик и алгебрик. Его благородіе может наш спор легко рѣшить. Да он же и в латынских диспутах весьма, кажется, зол.

Вол послѣ сих слов, мудрым звѣрком сказанных, тотчас скинул на щеты и при помощи арифметическаго умноженія слѣдующее здѣлал опредѣленіе:

— Понеже бѣдная Мурашка точію одну горсть зерна имѣет, как сама призналася в том добровольно, да и, кромѣ зерна, ничего больше не употребляет, а, напротив того, у госпожи Свиньи имѣется цѣлая

кадь, содержащая горстей 300 с третью, того ради по всѣм правам здраваго разсужденія...

— Не то вы считали, господин Вол,— перервала его рѣчь Мурашка.— Надѣньте очки да расход против приходу скиньте на щеты...

Дѣло зашло в спор и перенесено в вышшей суд.

С и л а. Не малое то, что для обыходки довольное, а довольство и богатство есть то же.

Басня 10

ДВѢ КУРИЦЫ

Случилось Дикой Курицѣ залетѣть к Домашней.

— Как ты, сестрица, в лѣсах живешь? — спросила Домовая.

— Так слово в слово, как и протчіи птицы лѣсныи, — отвѣчала Дикая. — Тот же бог и мене питает, который диких кормит голубов стадо...

— Так они же и лѣтать могут хорошо, — промолвила хазяйка.

— Ето правда, — сказала Дикая, — и я по тому ж воздуху лѣтаю и довольна крыльями, от бога мнѣ данными...

— Вот етому-то я, сестрица, не могу вѣрить, — говорила Домосѣдка, — для того что я всилу могу перелетѣть вон к етому сараю.

— Не спорю, — говорит Дичина, — да притом же то извольте, голубушка моя, разсуждать, что вы с маленьких лѣт, как только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое лѣтанье ежедневным опытом твердить принужденна.

Сила. Многіи, что сами здѣлать не в силах, в том протчіим вѣрить не могут. Безчисленныи нѣгою отучены пѣшествовать. Сіе дает знать, что как практика без сродности есть бездѣльная, так сродность трудолюбіем утверждается. Что ползы знать, каким образом дѣлается дѣло, если ты к тому не

пріобык? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не в знаніи живет, но в дѣланіи. Вѣдѣніе без дѣла есть мученьем, а дѣло — без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знание и наука).

Басня 11
ВѢТЕР И ФІЛОСОФ

— О, чтобы тебе чорт взял, проклятой!..

— За что ты мене браниш, господин Філософ? — спросил Вѣтер.

— За то, — отвѣтствует Мудрец, — что как только я отворил окно, чтоб выбросить вон чеснокову шелуху, ты как дунул проклятым твоим вихром, так все назад по цѣлому столу и по всей горницѣ разбросал, да еще притом остальную рюмку с вином, опрокинувши, разшиб, не вспоминая тое, что, раздувши из бумажки табак, все блюдо с кушаньем, которое я по трудах прибрался было покушать, совсѣм засорил...

— Да знаеш ли, — говорит Вѣтер, — кто я таков?

— Чтоб я тебе не разумѣл? — вскричал Фізик. — Пускай о тебѣ мужички разсуждают. А я послѣ небесных планет тебе моего внятія не удостоеваю. Ты одна пустая тѣнь...

— А если я, — говорит Вѣтер, — тѣнь, так есть при мнѣ и тѣло. И правда, что я тѣнь, а невидимая во мнѣ божія сила есть точным тѣлом. И как же мнѣ не вѣять, если мене всеобщій наш *создатель* и невидимое вся содержащее *существо* движет.

— Знаю, — сказал Філософ, — что в тебѣ есть существо неповинное потолику, поелику ты Вѣтер...

— И я знаю, — говорил Дух, — что в тебѣ столько есть разума, сколько в тѣх двух мужичках, с которых один, нагнувшись, поздоровил мене заднею безчестною частью, задравши платье, за то, что я раздувал пшеницу, как он ея чистил, а другій такой же комплемент здѣлал в то время, как я ему не давал вывершить копну сѣна, и ты у них достоин быть головою.

С и л а. Кто на погоды или на урожай сердится, тот против самаго бога, всястрящаго, гордится.

Басня 12
ОСЕЛКА И НОЖ

Нож бесѣдовал с Оселкою.

— Конечно, ты нас, сестрица, не любишь, что не хочешь в стать нашу вступить и быть ножом...

— Ежели бы я острить не годилась,— сказала Оселка,— не отреклась бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А тепер тѣм-то самим вас люблю, что не хочу быть вами. И, конечно, ставши ножом, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ те ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю; а в сіе время на оселки очень скудно.

С и л а. Родятся и такіе, что воинской службы и женитбы не хотят, дабы других свободнѣе поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недѣйствительна.

Басня 13
ОРЕЛ И ЧЕРЕПАХА

На похилом над воду дубѣ сидѣл Орел, а в близости Черепаха своей братьи проповѣдовала слѣдующее:

— Пропадай оно лѣтать... Покойная наша прабаба, дай бог ей царство небесное, навѣки пропала, как видно в історіях, за то, что сей проклятой наукѣ зачала было у орла обучаться. Самой сатана оную выдумал...

— Слушай, ты, дура! — перервал ее проповѣдь Орел. — Не чрез то погибла премудрая твоя прабаба, что лѣтала, но тѣм, что принялася за оное не по природѣ. А лѣтанье всегда не хуже ползанья.

С и л а. Славолюбіе да сластолюбіе многих поволокло в стать, совсѣм природѣ их противную. Но тѣм им вреднѣе бывает, чем стать изряднѣе, и весьма немногих мати родила, напримѣр, к філософіи, к ангелскому житію.

Басня 14
СОВА И ДРОЗД

Как только Сову усмотрѣли птицы, начали взапуски щипать.

— Не досадно ли вам, сударыня,— спросил Дроздик,— что без всякой вашей виновности нападают? И не дивно ли это?

— Нимало не дивно,— отвѣчала она.— Они и между собою то же самое всегда дѣлают. А что касается до досады, она мнѣ сносна тѣм, что хотя мене сороки с воронами и граками щиплют, однак орел с пугачем не трогают, притом и афинскіе граждане имѣют мене в почтеніи.

С и л а. Лучше у одного разумнаго и добродушнаго быть в любви и почтеніи, нежели у тысячѣ дураков.

Басня 15
ЗМІЯ И БУФОН

Как Змія весною скинула линовище, Буфон, ея усмотрѣв:

— Куда вы, сударыня,— сказал с удивленіем,— отмолодѣли! Что сему причиною? Прошу сообщить.

— Я вам с охотою сообщую мой совѣтъ,— Змія говорит.— Ступайте за мною!

И повела Буфона к той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она, с великою трудностію продравшись, всю старинную ветошь из себе стащила.

— Вот, господин Буфон, извольте полѣзть сквозь узкой сей проход. А как только пролѣзете, тот же час обновитесь, оставив всю негодность по другую сторону.

— Да развѣ ты мене тут хотиш задушить? — вскричал Буфон.— А хотя мнѣ сюда удасться протаскаться, тогда с мене послѣднюю кожу сдеріют...

— Прошу ж не погнѣваться,— сказала Змія,— кромѣ сего пути, нелзя вам туда дойти, гдѣ мнѣ быть удалось.

С и л а. Чемъ лучшее добро, темъ большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдут, и к добру тот не прійдут.

Басня 16

ЖАБЫ

Как высохло озеро, так Жабы поскакали искать для себе новое жилище. Наконец, все вскричали:

— Ах, сколь изобильное озеро! Оно будет нам вѣчным жилищем.

И вдруг плюснули в оное.

— А я, — сказала из них одна, — жить намѣрила в одном из наполняющих ваше озеро источникѣ. Вижу издали приосѣненный холм, многіи сюда поточки посылающій, там надѣюся найти для себе доброй источник.

— А для чего так, тетушка? — спросила молодка.

— А для того так, голубка моя, что поточки могут отвесться в иную сторону, а ваше озеро может по-прежнему высохнуть. Родник для мене всегда надежнѣе лужи.

Сила. Всякое изобиліе оскудѣть и высохнуть, как озеро, может, а честное ремесло есть неоскудѣвающій родник не изобилнаго, но безопаснаго пропитанія. Сколь многое множество богачей всякой день преобразуется в нищій! В сем кораблекрушеніи единственною гаванью есть ремесло. Саміи бѣднѣйшіи рабы рождаются из предков, жителствовавших в лужѣ великих доходов. И не напрасно Платон сказал: «Всѣ короли из рабов, и всѣ рабы отражаются из королев». Сіе бывает тогда, когда владыка

всему — время — уничтожает изобиліе. Да знаем же, что всѣх наук глава, око и душа есть — научиться жизнь жить порядочную, основанную на законѣ вѣры и страха божія, яко на главнѣйшем пунктѣ. Сей пункт есть основаніе и родник, рождающій ручайки гражданских законов. Он есть глава угла для зиждущих благословенное жительство, и сего камня твердость содержит всѣ должности и науки в ползѣ, а сіи общество в благоденствіи.

ДВА ЦѢННЫЕ КАМУШКИ:
АЛМАЗ И СМАРАГД

Высоких качеств Смарагд, находясь при королевском дворѣ в славѣ, пишет к своему другу Адамантію слѣдующее:

Любезный друг!

Жалею, что не радиш о своей чести и погребен в пепелѣ живеш. Твои дарованія мнѣ известны. Они достойны честнаго и виднаго мѣста, а теперь ты подобен свѣтящему свѣшнику, под спудом сокровенному. К чему наше сіяніе, если оно не приносит удивленія и веселія народному взору? Сего тебѣ желая, пребуду — друг твой Смарагд.

Дражайшій друг! — отвѣтствует Алмаз. — Наше с виднаго мѣста сіяніе питает народную пустославу. Да взирают на блестящіе небеса, не на нас. Мы слабый небес список. А цѣна наша, или честь, всегда при нас и внутри нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным мѣстом и людскою хвалою не умножается, а презрѣніем, забвеніем и хулою не уменьшится. В сих мыслях пребуду — друг твой Адамантій.

С и л а. Цѣна и честь есть то же. Сея кто не имѣет внутри себе, приѣмля лживое свидѣтельство снаружи, тот надѣвает вид ложнаго алмаза и воровской монеты. Превратно в народѣ говорят так: «Здѣлали

Абрама честным человѣком». А должно было говорить так: «Засвидѣтелствовано пред народом о чести Абрама». Просвѣщеніе или вѣра божія, милосердіе, великодушіе, справедливость, постоянность, цѣломудріе... Вот цѣна наша и честь! Старинная пословица: «Глупой ищет мѣста, а разумнаго и в углу видко».

Басня 18
СОБАКА И КОБЫЛА

Кобыла, поноску носить научена, чрезмѣрно кичилась. Она смертно не любила Меркурія, — так назывался выжель, и, желая его убить, при всяком случаѣ грозила ему задними копытами.

— Чемъ я виноват, госпожа Діана? — говорил выжель кобылѣ. — За что я вам столько противен?..

— Негодной!.. Как только стану при гостях носить поноску, ты пуще всѣх хохочеш. Развѣ моя наука тебѣ смѣх?..

— Простите, сударыня, меня, не таюся в сем моем природном пороцѣ, что для мене смѣшным кажется и доброе дѣло, дѣемое без природы.

— Сукин сын! Что ж ты фастаеш природою? Ты неучоная невѣжа! Развѣ не знаеш, что я обучалася в Парижѣ? И тебѣ ли смыслить то, что учоныя говорят: *Ars perficit naturam*?¹ А ты гдѣ учился и от кого?

— Матушка! Если вас учил славный патер Піфикс, то мене научил всеобщій наш отец небесный, дав мнѣ к сему сродность, а сродность — охоту, охота — знаніе и, привычку. Может быть, посему дѣло мое не смѣшное, но хвальное.

Діана, не терпя, стала было строить задней фронт, а выжель ушел.

¹ Мистецтво вдосконалює природу (лат.).

Сила. Без природы, как без пути: чем далѣе успѣваеш, тѣм безпутнѣе заблуждаеш. Природа есть вѣчный источник охоты. Сія воля (по пословицѣ) есть пуще всякой неволи. Она побуждает к частому опыту. Опыт есть отец искуству, вѣдѣнію і привычкѣ. Отсюда родилися всѣ науки, и книги, и хитрости. Сія главная и единственная учительница вѣрно выучивает птицу лѣтать, а рыбу — плавать. Премудрая ходит в Малороссіи пословица: «Без бога ни до порога, а с ним хоть за море».

Бог, природа и Мінерва есть то же. Как обуялая соль без вкуса, как цвѣт без природнаго своего духа, а око без зѣницы, так несродное дѣланіе всегда чего-то тайнаго есть лишенное. Но сіе тайное есть глава, а называется гречески *τὸ πρῶτον*, сирѣчь благолѣпіе, или красота, и не зависит от науки, но наука от него. Госпожа Діана, яко чрезчур обучоная, но с недостатком благоразумная животица, изволит противопоставить: *Ars perficit naturam*.

Но когда сродности нѣтъ, тогда скажи, пожалуй, что может привести в совершенство обученіе? Слово *perficit* значит точно то: приводит в совершенство или в окончаніе. Вить конец, как в колцѣ, находится всегда при своем началѣ, зависящій от него, как плод от сѣмене своего. Знать то, что горница без начала и основанія крышею своею с вѣнчиком не увѣнчается.

Басня 19
НЕТОПЫР И ДВА ПТЕНЦА —
ГОРЛИЦЫН И ГОЛУБИНИН

Великій преисподній звѣр, живущій в землѣ так, как крот, кратко сказать, великій крот, писал самое сладкорѣчивѣйшее письмо к живущим на землѣ звѣрям и к воздушным птицам. Сила была такая:

— Дивлюся суевѣрію вашему; оно в мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало; кто вам насѣял сумозброд, будто в мірѣ есть какое-то солнце? Оно в собраніях ваших прославляется, начаствует в дѣлах, печатлѣет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвѣщает тму, источает свѣтъ, обновляет время. Кое время? Одна есть только тма в мірѣ, так одно и время, а другому времени быть чепуха, вздор, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовитая мать и других дурачеств. Вездѣ у вас врут: свѣтъ, день, вѣкъ, луч, молнія, радуга, истина. А смѣшные всего — почитаете хімеру, называемую око, будто оно зеркало міра, свѣта пріятелище, радости вмѣстилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои друзья! Не будьте подлы, скиньте ярем суевѣрія, не вѣрьте ничему, поколь не возьмете в кулак. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтоб зрѣть, но то, чтоб шупать.

От 18 дня, апр., 1774 года. Из преисподняго міра.
N. N.

Сіе письмо понравилось многим звѣрям и птицам, напримѣр Совѣ, Дремлюгѣ, Сычу, Вдоду, Ястребу, Пугачу, кромѣ Орла и Сокола. А паче всѣх Нетопыр пловко шатался в сем высокородном догматѣ и, увидѣвъ Горличина и Голубинина сынов, старался их сею високопарною філософіею ошасливить. Но Горличин сказал:

— Родители наши суть лучшіи тебе для нас учителя. Они нас родили во тмѣ, но для свѣта.

А Голубчик отвѣщал:

— Не могу вѣрить обманщику. Ты мнѣ и прежде сказывал, что в мірѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись в мрачных днях, в днешній воскресный день увидѣлъ рано восход прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрад, от тебе и от Вдоды исходящій, свидѣлствует, что живет внутри вас недобрый дух.

Сила. Свѣтъ и тма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе — мір весь составляют и одно другому нужное. Кто тма — будь тмою, а сын свѣта — да будет свѣтъ. От плодов их познаете их.

Басня 20
ВЕЛБЛЮД И ОЛЕНЬ

Африканскій олень часто питается зміями. Сей, нажрався досыта оных и не терпя внутри палящія ядом жажды, быстрѣ птиц в полудни пустился на источники водныя и на горы высокія. Тут увидѣл Велблюда, піющаго в поточкѣ мутную воду.

— Куда спѣшиш, господин Рогач? — отозвался Велблюд. — Напійся со мною в сем ручайкѣ.

Олень отвѣчал, что он мутной пить в сладость не может.

— То-то ваша братья чрезмѣрно нѣжны и замысловаты, а я нарочно смущаю: для мене мутная слаже.

— Верю, — сказал Олень. — Но я родился пить самую прозрачнѣйшую из родника воду. Сей мене поточок доведет до самой своей головы. Оставайся, господин Горбач.

С и л а. Біблія есть источник. Народная в ней історія и плотскіи имена есть то грязь и мутная иль. Сей живыя воды фонтан подобен киту, испускающему выпры из ноздрей сокровенную нетлѣнія воду, о коей писано: «Вода глубока — совѣтъ в сердцѣ мужа, рѣка же изскачущая — и источник жизни» (Притчи, 18 и 20).

Кто велблюд, тот возмущеніе потопных глаголов пьет, не достигая к той источничей главѣ: «Маслом

главы моя не помаза». А елень к чистой водѣ востѣкает с Давидом: «Кто напоит мя водою из рова, иже в Вифлеемѣ при вратѣх?» (2 Царств., 23 стих 15). Слово, имя, знак, путь, слѣд, нога, копыто, термин есть то тлѣнныя ворота, ведущіи к нетлѣнію источнику. Кто не разделяет словесных знаков на плоть и дух, сей не может различить между водою и водою, красот небесных и росы. Взглянь на 33 гл., ст. 13, Второзак.: «И есть скот нечистый, не раздвояющій копыто». А каков есть сам, такова ему и біблія. О ней-то точно сказано: «С преподобным преподобен будешь...» Описатели звѣрей пишут, что велблюд, пить приступая, всегда возмущает воду. Но олень чистыя любитель.

Басня 21
КУКУШКА И КОСИК

Кукушка прилетѣла к черному Дроздику.

— Как тебѣ не скучно? — спрашивает его. — Что ты дѣлаешь?

— Пою, — отвѣчает Дроздик, — видишь...

— Я и сама пою чаще тебе, да всею, однак, скучно...

— Да ты ж, сударыня, только то одно и дѣлаешь, что, подкинув в чужое гнѣздо твои яйца, с мѣста на мѣсто перелѣтывая, поюшь, пьешь и ѣшь. А я сам кормлю, берегу и учу свои дѣти, а свои труды облегчаю пѣніем.

С и л а. Премножайшіи, презрѣвъ сродную себѣ должность, одно поют, пьют и ѣдят. В сей праздности несносную и большую терпят скуку, нежели работающіи без ослабы. Пѣть, пить и ѣсть не есть дѣло, но главнаго нашего сроднаго дѣла один точію хвостик. А кто на то ѣст, пьет и поют, чтоб охотнѣе послѣ раздоху взяться за должность, как за предлагащій путь свой, сему скуку прогнать не многова стоит: он каждый день и дѣлен, и празден, и о нем-то пословица: «Доброму человѣку всякой день праздник». Должность наша есть источником увеселенія. А если кого своя должность не веселит, сей, конечно, не к ней сроден, ни друг ея вѣрный, но нѣчтось возлѣ нея любит, и как не спокоен, так и не шаслив. Но

ничто столько не сладко, как общая всѣм нам должность. Она есть исканіе царствія божія и есть глава, свѣтъ и соль каждой частной должности. Самая изрядная должность не веселит и без страха божія есть, как без главы, мертва, сколько бы она отправляющему ни была сродна. Страх господень возвеселит сердце. Оно, как только начнет возводить к нему мысли свои, вдруг оживляется, а бѣс скуки и унынія, как прах, вѣтром возметаем, отбѣгает. Всѣ мы не ко всему, а к сему всяк добрый человѣкъ родился. Шаслив, кто сопряг сродную себѣ частную должность с общею. Сія есть истинная жизнь. И теперь можно разумѣть слѣдующее Сократово слово: «Иные на то живут, чтоб ѣсть и пить, а я пью и ѣм на то, чтоб жить».

Басня 22
НАВОЗ И АЛМАЗ

Тот-то самой Навоз, в котором древле Езопов пѣтух вырил драгоценный камушок, дивился Алмазу и любопытно вопрошал:

— Скажи мнѣ, пожалуй, откуда вошла в тебе цѣна толь великая? И за что тебе люде столько почитают? Я одобряю нивы, сады, огороды, красоты и ползы есмь податель, а при всем том ни десятой доли не имѣю чести в сравненіи твоей.

— И сам не знаю,— отвѣчает Алмаз.— Я та же, что и ты, есмь земля и гораздо хуже тебе. Она есть пережатая солнечным варом жужель. Но только в сухих моих водах благолѣпно изображается блистаніе солнечнаго свѣта, без котораго силы всѣ твои одобренія пусты, а произращенія мертвы, по старинной пословицѣ: «В полѣ пшеница годом родится, не нивою, ни навозом».

С и л а. Свѣцкія книги, безспорно, всякой ползы и красоты суть преисполненныя. Если бы они спросили библію: для чего сами пред нею ни десятой доли чести и цѣны не имѣют, для чего ей создаются олтари и храмы? — И сама не знает,— отвѣчала бы она.— Я состою с тѣх же слов и рѣчей, что вы, да и гораздо с худших и варварских. Но в невкусных рѣчи моей

водах, как в зеркалѣ, благолѣпно сіяет невидимое, но пресвѣтлѣйшее око божіе, без котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва.

Конечно, сим-то древом жизни услаждается невкусных речей ея горесть, когда обуялая вода ея претворяется в вино, веселящее сердце человѣку. А точно о ней одной скажет Соломон слѣдующее: «Превознеслася еси над всѣми. Ложнаго угожденія и суетныя доброты женскія нѣсть в тебѣ». Взглянь на конец притчей. Бог часто в библіи означаетъ годом, погодою, благоденствіем, на примѣр: «Лѣто господне пріятно...», «Се нынѣ время благопріятно...». Прочти начало Соломонова проповѣдника о времени. Время — римски *tempus*, оно значит не только движеніе в небесных кругах, но и мѣру движенія, называемую у древних греков *ρῥῆμας*. Сіе слово значит то же, что такт; и сіе греческое ж от слова (*τάσσω* — располагаю) происходит. Да и у нынѣшних музыкантов мѣра в движеніи пѣнія именуется темпо. Итак, темпо в движеніи планет, часовых машин и музыкальнаго пѣнія есть то же, что в красках рисунок. Теперь видно, что значит *ρῥῆμας* и *tempus*. И премудро пословица говорит: В полѣ пшеница годом родится... Премудро и у римлян говорили: *Annus producit, non ager*¹. Рисунок и тем-

¹ Рік виробляє, не поле (лат.).

по есть невидимость. Басня наша да заключится сими Арістотеля о музыкѣ словами: *ῥυθμὸς δὲ καίρομεν διὰ τὸ γινώσκον καὶ συντάτμενον*¹. Кто сіе разжует, тот знает, что значит рифм. Сіе слово в Россіи во многих устах, но не во многих умах.

¹ У ритмі нам дає насолоду відомість і порядок (грецьк.).

Басня 23 СОБАКА И ВОЛК

У Тітира, пастуха, жили Левкон и Фирідам, двѣ собаки, в великой дружбѣ. Они прославились у диких и домашних звѣрей. Волк, побужден их славою и сыскав случай, поручал себе в их дружбу.

— Прошу меня жаловать и любить, государи мои,— говорил с придворною ужимкою Волк.— Вы меня высоколѣпно ошасливитъ в состояніи, если соизволите удостоить меня мѣста быть третим вашим другом, чего лестно ожидаю.

Потом насаказал им о славных и богатых предках своих, о модных науках, в коих воспитан тщаніем отцовским.

— Если ж,— примолвил Волк,— фамілією и науками хвалиться у разумных сердец почитается за дурость, то имѣю лучшія мѣры для приведенія себя в вашу любовь. Я становитостью с обѣми вами сходен, а голосом и волосом с господином Фирідамом. Самая древнѣйшая пословица: *Simile ducit deus ad simile*¹. В одном только не таюся, что у меня лисей хвост, а волчей взор.

Левкон отвечал, что Тітир на их совсем не похож, однакъ есть третим для них другом, что он без Фирі-

¹ Бог веде подібне до подібного (лат.).

дама ничего дѣлать не начинает. Тогда Фирідам сказал так:

— Голосом и волосом ты нам подобен, но сердце твое далече отстоит. Мы бережем овцы, довольны волною и молоком, а вы кожу сдыраете, снѣдающе их вмѣсто хлѣба. Паче же не нравится нам зеркало твоея души — лукавый взор твой, косо на близ тебе ходящаго барашка поглядывающій.

С и л а. И фамілія, и богатство, и чин, и родство, и тѣлесныи дарованія, и науки — не сильны утвердить дружбу. Но сердце, в мыслях согласное, и одинакая честность челоуколюбныя души, в двоих или троих тѣлах живущая, сія есть истинная любовь и единство, о коем взглянь 4 гл., стих 32 в «Дѣяніях», и о коем Павел: «Нѣсть іудей, ни еллин...», «Вси бо вы едино есть о Христѣ Іисусѣ» (К галат., 3).

Б а с н я 24 КРОТ И ЛИНКС

По сказкам, звѣр Линкс имѣет столь острый взор, что нѣсколько аршин землю прозирает. Сей, в землѣ увидѣвъ Крота, начал смѣяться слѣпотѣ его:

— Если бы ты, негодная тваришка, имѣл моей прозорливости сотую долю, ты бы мог проникнуть сквозь самой центр земли. А теперь всю щупаешь, слѣп, как безлунная полночь...

— Пожалуй, перестань фастать, — отвѣчал Крот, — взор тебѣ острый, но ум весьма слѣп. Если тебѣ дано, чего я лишен, и я ж имѣю, чего у тебе нѣтъ. Когда помышляешь о остром твоём взорѣ, тогда не забывай и остраго моего слуха. Давно бы имѣл, если бы для мене нужны были очи. Вѣчная правда блаженныя природы никого не обижает. Она, равное во всем неравенство дѣлая, в остротѣ моего слуха вмѣстила чувство очей.

С и л а. Глупость в изобиліи гордится и ругается, а в скудости осѣдает и отчаевается. Она в обоих долях несчастна. Там бѣсится, как в сумозбродной горячкѣ, а тут с ног валится, как стерво. Сія вся язва родится оттуду, что не научился царствію божію и правдѣ его, а думают, что в мірѣ все дѣлается на удачу так, как в беззаконном владеніи. Но распростри, о бѣдная тварь, очи твои и увидишь, что все дѣлается по самой точной правдѣ и равенству, а сим

вспокоишся. Если в богатствѣ есть, чего в нищетѣ нѣтъ, справся — и сыщеш в нищетѣ, чего в богатстве нѣтъ. В которой земли менѣе родится плодов, там в награду здоровость воздуха. Гдѣ менѣе клюквы и черницы, там менѣе скорбунной болѣзни; менѣе врачей — менѣе больных; менѣе золота — менѣе надобностей; менѣе ремесл — менѣе мотов; менѣе наук — менѣе дураков; менѣе прав — менѣе беззаконников; менѣе оружія — менѣе войны; менѣе поваров — менѣе испорченнаго вкуса; менѣе чести — менѣе страха; менѣе сластей — менѣе грусти; менѣе славы — менѣе безславія; менѣе друзей — менѣе врагов; менѣе здоровья — менѣе страстей. Вѣкъ и вѣкъ, страна и страна, народ и народ, город и село, юность и старость, болѣзнь и здорovia, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лѣто — каждая статья, пол и возраст и всякая тварь имѣет собственныи свои выгоды. Но слѣпая глупость и глупое невѣріе сего не разумѣет, одно только худое во всем видит, подобна цылюрничим пивкам, негодную кровь высосающим. Для сего вѣкъ над вѣкъ возносит, народ выше народа, недовольна своею ни статью, ни страною, ни возрастом, ни сродностью, ни участію, ни болѣзнію, ни здорoviaм, ни смертію, ни жизнию, ни старостію, ни юностью, ни лѣтом, ни зимою, ни ночью, ни днем и при удачѣ то восходит до небес, то низходит отчаяніем до бездн, лишенна как свѣта и духа вѣры, так и сладчайшаго мира с равнодушіем и жжется собственным своих печалей пламенем, дабы исполни-

лось на ней: «А не вѣруй уже осужден есть». Все же есть благое, кромѣ не видѣть царствія божія и правды его, кромѣ болѣть душею и мучиться из роптанія неудовольствіем: сіе одно есть злое. Сія есть гордость сатанинская, возсѣсти на престолъ вышняго покушающаяся. Сей есть точный центр ада и отецъ страстей. «И не даде Іов безумія богу», «Благословлю господа на всякое время». Сей есть свѣтъ истинныи и вѣдѣнія божія. Посему и священники именуются сердца, в невѣріи сидящіи, божіим свѣтом озаряя. «Вы есте свѣтъ міру», «Коль красны ноги благовѣствующихъ мир...», «Святы их во истину твою...».

Басня 25
ЛЕВ И ОБЕЗЬЯНЫ

Лев спит навзничь, а спящий весьма схож на мертвого. Толпа разнаго рода Обезьян, почитая его в мертвых, приблизившись к нему, начали прыгать и ругаться, забыв страх и почтение к царю своему. А как пришло время востанія от сна, подвинулся Лев. Тогда Обезьяны, одним путем к нему пришедши, седмицею путей разсыпались. Старшая с них, пришед в себе, сказала:

— Наши и предки ненавидѣли льва, но лев и нынѣ львом и во вѣки вѣков.

Сила. Лев есть образ бібліи, на которую встают и ругаются идолопоклонники мудрецы. Они думают, что она мертва и говорит о мертвости стійкой, не помышляя о том, что в тлѣнных ея образах сокрывается живот вѣчный и что все сіе встает и возносится к тому: «Бог наш на небеси и на земли...» И не разумѣя, что исходы ея суть исходы живота, ругаются, слыша сіе: «Горняя мудрствуйте...», «Нѣсть здѣ».

А как только блеснул свѣтъ востанія ея, тогда исполняется на них: «Расточатся врази его». Вот для чего Василій Великій говорит о евангеліи, что оно есть воскресеніе мертвых.

Иуда, сын Іаковль, вмѣсто льва, образом невидимаго царя и бога лежит, и посему-то написано:

«Возлег почи, аки лев. Кто воздвигнет его?» Лежит львица и царица наша, чистая дѣва, бібліа, и о ней-то жизнь и воскресеніе наше Христос скажет: «Не умре дѣвица, но спит...»

Блажен, не смѣжающій очей пред блистаніем ея! Сей да поет с Давидом: «Коль возлюбленна селенія твоя...», «Коль красны дома твои, Іакове...».

Звѣрей описатели пишут, что лев, родившись, лежит мертв, поколь ужасным рыком возбудит его отец его, а сіе дѣлает в третій день. Возможно ль найти благолѣпнѣйшій для божественных книг образ?

Щука, напав на сладкую ядь, жадно проглотила. Но вдруг почувствовала сокровенную в сладости удку, увязшую во внутренностях своих. Рак сіе издали примѣтил и, на утрешній день увидѣвъ Щуку, спросил:

— Зачемъ вы, сударыня, не веселы? Гдѣ дѣвался ваш кураж?

— Не знаю, брат, что-то грустно. Думается для увеселенія поплыть из Кременчука в Дунай. Днѣпр наскучил.

— А я знаю вашей грусти родник, — сказал Рак, — вы проглотили удку. Теперь вам не пособит ни быстрый Дунай, ни плодоносный Ніл, ни веселовидный Меандр, ни золотые крильца.

С и л а. Рак точную правду говорит. Без бога и за морем худо, а мудрому человѣку весь мір есть отечеством: вездѣ ему и всегда добро. Он добро не собирает по мѣстам, но внутрь себе носит оное. Оно ему солнцем во всѣх временах, а сокровищем во всѣх сторонах. Не его мѣсто, но он посвящает мѣсто, не изгнанник, но странник, и не отечество оставляет, а отечество перемѣняет; в коей земли пришлец, тоей землі и сын, имѣя внутри себе народное право, о коем Павел: «Закон духовен есть».

Страх господень — источник мудрости, и веселія,

и долгоденствія, а невѣріе есть сладчайшая ядь, сокрывающая горчайшій яд. Трудно сей яд примѣтитъ. Трудно проникнуть беззаконіе. «Грѣхопаденіе кто разумѣет?» Тот, кто проникнул страх божій. Корень его горкій, но плоды сладчайшіе. А беззаконіе есть удка, сладостью обвитая, уязвляющая душу.

Честолюбіе ли тебе вадит ко грѣху? Оно есть сладость, обвинившая удку. Плотская ли сласть плѣнила? Проглотил ты удку. За серебром ли погнался и впал в неправду? Плѣнен ты удкою. Зависть ли, месть, гнѣвъ или отчаянность увязла в душѣ твоей? Проглотил ты удку, о коей Павел: «Жало же смерти — грѣх». Безбожіе ли вселилось в сердцѣ твоём? Проглотил ты удку, о коей Исаіа: «Нѣсть радоватися нечестивымъ», «Рече безумен в сердцѣ своем: нѣсть бог...». Вражда ли с богом воцарилася внутри тебе? Пожер ты удку, о коей Мойсей: «Проклят ты во градѣ, проклят ты на селѣ...» Мучит душу твою страх смерти плотской? Увязла в ней удка, о коей Исаіа: «Беззаконныи взволнуются и почити не возмогутъ». Грѣх значит жить по закону плотских удов и страстей наших, воюющих противу закону ума нашего. Таков гдѣ сокрыется? Кое мѣсто увеселит его? Кая прибыль раскуражит сердце его? В душѣ своей и в сердцѣ своем вездѣ и всегда носит нещастіе. Взглянь и послушай нещаснаго раба! «Еже бо хотѣти, прилѣжит мнѣ, а еже дѣлати, не обрѣтаю...»

Вот истинная плѣнь! «Всяк согрѣшай раб есть грѣху».

ПЧЕЛА И ШЕРШЕНЬ

— Скажи мнѣ, Пчела, для чего ты столь глупа? Знаешь, что трудов твоих плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны, но тебѣ часто и вредят, принося вмѣсто награжденія смерть, однакъ не престаешь дурачиться в собираніи меда. Много у вас голов, но безмозгіе. Видно, что вы без толку влюбилися в мед.

— Ты высокій дурак, господин совѣтник, — отвѣчала Пчела. — Мед любит ѣсть и медвѣдь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братья и дѣлают, если бы мы только ѣсть любили. Но нам несравненно большая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рожденны и не престанем, поколь умрем. А без сего жить и в изобиліи меда есть для нас одна лютейшая смерть.

С и л а. Шершень есть образ людей, живущих хищеніем чуждаго и рожденных на то одно, чтоб ѣсть, пить и протч. А пчела есть герб мудраго чело-вѣка, в сродном дѣлѣ трудящагося. Многіи шершни без толку говорят: для чего сей, напримѣр, студент научился, а ничего не имѣет? На что-де учиться, если не имѣть изобилія?.. Не разсуждая слов Сіраха: «Веселіе сердца — живот чело-вѣку», и не разумѣя, что сродное дѣло есть для него сладчайшее пи-ршен-

ство. Взгляньте на правленіе блаженныя натуры и научитесь. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселѣе? «Тогда, — отвѣчает вам, — когда гоню зайца». — «Когда вкуснѣе заец?» — «Тогда, — отвѣчает охотник, — когда гоняю».

Взгляньте на сидящаго пред вами кота. Когда он куражнѣе? Тогда, когда цѣлу ночь бродит или сидит возлѣ норихи, хотя, уловивши, и не ѣст мыши. Запри в изобиліи пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей лѣтать по цвѣтоносным лугам? Что горестнѣе, как плавать в изобиліи и смертно мучиться без сроднаго дѣла? Нѣтъ мучительнѣе, как болѣть мыслями, а болят мысли, лишаясь сроднаго дѣла. И нѣтъ радостнѣе, как жить по натурѣ. Сладок здѣсь труд тѣлесный, терпенье тѣла и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается дѣлом. Или так жить, или должно умирать. Старик Катон чем мудр и щаслив? Не изобиліем, ни чином, — тѣм, что послѣдует натурѣ, как видно в Цицероновой книжечкѣ «О старости». Сія одна есть премилосердная мати и премудрая путе-водителница. Сія преблагая домостроителница несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натурѣ. Не закон скотских удов и похотей наших, но значит блаженное оное *естество*, называемое у бого-словов трисолнечное, всякой твари свою для нея часть и сродность вѣчно предписующее. О сем-то естествѣ сказал древній Епікур слѣдующее: «Благо-

дареніе блаженной натурѣ за то, что нужное здѣлала нетрудным, а трудное ненужным».

А понеже в богѣ нѣсть мужскій пол ни женскій, но все в нем и он во всем, для того сказует Павел: «Иже есть всяческая во всем...»

Б а с н я 28
ОЛЕНИЦА И КАБАН

В полских и венгерских горах Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана:

— Желаю здравствовать, господин Кабан,— стала витаться,— радуюся, что вас...

— Что ж ты, негодная подлость, столько не учти-ва! — вскричал, надувшись, Кабан.— Почему ты меня называешь Кабаном? Развѣ не знаешь, что я пожалован Бараном? В сем имѣю патент, и что род мой происходит от самых благородных бобров, а вмѣсто епанчи для характера ношу в публикѣ содраную с овцы кожу.

— Прошу простить, ваше благородіе,— сказала Оленица,— я не знала! Мы, простыи, судим не по убору и словам, но по дѣлам. Вы так же, как прежде, роете землю и ламаете плетень. Дай бог вам быть и конем!

С и л а. Не можно довольно надивится глупцам, пренебрегшим и поправшим премного честнѣйшій и безцѣнный добродѣтели бысер на то одно, чтоб продратся в чин, совсѣм ему не сродный. Кой им змій в ухо нашептал, что имя и одежда преобразит их в бытіе, а не жизнь честная, достойная чина? Вот точныи граки Езоповы, одѣвающиеся в чужое перья! Из таковых сошитое жителство подобное судну, в котором ѣхали морем одѣтыи по человѣчому

обезьяны, а ни одна править не умѣла. Если кто просвѣщенное око имѣет, коликое множество видит сих ослов, одѣтых в лъвиную кожу! А на что одѣты? На то, чтоб вполне могли жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы. А никто из достойных чести на неучтивость скорѣе не сердится, как сѣ обезьяны с ослами и кабанами. Древняя еллинская пословица: «Обезьяна обезьяною и в золотом характерѣ».

Вспоминает и Соломон о свиньи с золотым в ноздрах ея колцом (Притчи, гл. 11, стих 22). Знаю, что точно он сѣ говорит о тлѣнных и бранных фігурах, в коих погязло и сокрылося колцо вѣчнаго царствія божія, а только говорю, что можно приточить и к тѣм, от коих оное взято для особливаго образованія в біблію. Добросердечныи и прозорливыи люде разными фігурами изображали дурную душу сих на одно только зло живых и движимых чучелов. Есть и в Малороссіи пословица: «Далеко свинья от коня».

Баснѣ 29

СТАРУХА И ГОРШЕЧНИК

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лѣтъ еще и тогда ей отыгались.

— А что за сей хорошенькій?..

— За того возму хоть 3 полушки,— отвѣчал Горшечник.

— А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?..

— За того ниже двух копѣек не возму...

— Что за чудо?..

— У нас, бабка,— сказал майстер,— не глазами выбирают: мы испытует, чисто ли звонит.

Баба, хотя была не подлаго вкуса, однак не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сѣ знала, да вздумать не могла.

С и л а. Конечно, сѣ премудрая Ева есть прабабою всѣм тѣм вострякам, которыи челоуѣка цѣнят по одеждѣ, по тѣлу, по деньгам, по углам, по имени, не по его житія плодам. Сѣ правнуки, имѣя тот же вкус, совершенно доказуют, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое и, как римляне говорили, candidum — бѣлое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, вѣрующее в бога и уповающее на него во всем — вот чистый звон и честная души нашей цѣна! Вспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах

честных и безчестных (2 к Тимоф., гл. 2, стих 20 и К рим., 9, стих 21). «Утроба буюго яко сосуд сокрушен и всякаго разума не удержит» (Сирах., 21, ст. 17).

Извѣстно, что в царских домах находятся фарфорные, серебряные и золотые урыналы, от которых, конечно, честиѣе глиняная и деревянная посуда, пищею наполняемая, так как ветхій селскій храм божій почтеннѣе господскаго бархатом украшеннаго афедрона. Изрядная великороссійская пословица сія: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Довелось мнѣ в Харьковѣ между премудрыми эмблематами на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій: написан схожій на черепаху гад с долговатым хвостом, средѣ черепа сіяет большая золотая звѣзда, украшая оной. Посему он у римлян назывался stellio, а звѣзда — stella, но под ним толк подписан слѣдующій: «Sub luce lues, сирѣчь: Под сіяніем язва. Сюда принадлежит пословица, находящаяся в евангеліи: «Гробы повапленные».

Б а с н я 30

СОЛОВЕЙ, ЖАВОРОНОК И ДРОЗД

Средѣ высокой степи стоял сад — жилище соловьев и дроздов. Жаворонок, прилетѣвъ к Соловью:

— Здравствуй, господин пѣвчей,— сказал ему.

— Здравствуй и ты, господин Соловей,— отвѣчал ему пѣвчій.

— Для чего ты мене твоим именем называешь? — спросил Жаворонок.

— А ты для чего мене называешь пѣвчим?..

Ж а в о р о н о к: Я тебе не без причины назвал пѣвчим: твое имя у древних еллинов было ἀηδών, сирѣчь пѣвчій, а φῶν — пѣсня.

С о л о в е й: А твое имя у древних римлян было alauda, сирѣчь славѣй, а славлю — laudo.

Ж а в о р о н о к: Если так, теперь начинаю тебе больше любить и прилетѣл просить твоей дружбы.

С о л о в е й: О прости! Можно ли выпросить дружбу? Надобно родится к ней. Я часто пою сію мою пѣсеньку, научен от отца моего:

Ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει θεός¹.

Ж а в о р о н о к: И мой батько сію пѣсеньку спѣвает. Я ж тебѣ как в протчем, так и в сем подобен,

¹ Сирѣчь: подобнаго до подобнаго ведет бог. (Прим. автора).

что ты поеш Христа, всея твари господа, а я его ж славлю, и в сем вся наша забава.

Соловей: Хорошо, я совершенный твой друг, если в саду жить станеш.

Жаворонок: А я искренный твой любитель, если в степи жить станеш.

Соловей: Ах, не волоки мене в степь: степь — мнѣ смерть; как ты в ней живеш?

Жаворонок: Ах, не волоки ж мене в сад: сад — мнѣ смерть, как ты в нем живеш?

— Полно вам, брагія, дурачиться, — молвил, недале сидя, Дрозд. — Вижу, вы рожденны к дружбѣ, но не смыслите любить. Не ищи тое, что тебѣ нравно, но то, что другу полезно: тогда и я готов быть третьим вашим другом.

Потом, всяк своим пѣніем заспѣвав, утвердили в бозѣ вѣчную дружбу.

Сила. Сими тремя птичками образуется добрая дружба. Дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать. Любим тѣх, коих любить родились так, как ядим то, что по природѣ, а у бога для всякаго дыханія всяка пища добра, но не всѣм. И как нельзя коня с медведем, а собаку с волком припрягти к коляскѣ, так не можно, чтоб не оторвалось ветхое сукно, пришитое к свѣжому, а гнилая доска приклеена к новой. Равное ж несогласіе есть между двома разстоящих природ челоуѣками, а самая вящшая несродность между злым и добрым сердцем. Жаворонок с дроздом и соловьем дружить может, а с яст-

ребом, нетопырем — не может. Если бог раздѣлил, тогда кто совокупит? Премудрая и предрѣвняя есть сія пословица: ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει θεός. Similem ad similem ducit deus — «Подобнаго до подобнаго ведет бог». Одна только несносность жаворонку жить в саду так, как соловью в степи. Сіе у еллин именовалось ἀντιπάθεια¹. А в прочем во всем между ними равная сносность συμπάθεια².

Не должно же друга нудить к тому, что тебе веселит, а его мучит. Многіи помянутой пословицѣ противорѣчат: должно-де и врагов любить. Безспорно, но дружба так, как милостыня; многіи степени окружают центр престола ея. Всѣм доброжелателем быть можеш, но не наперстником. Иначе благодѣтельствуем домашним и сродственникам, иначе приходим и странным. Бог всѣм благодѣтель, но не для всѣх сіе его слово: «Обрѣтох Давида, мужа по сердцу моему», а только для тѣх, кои, сердце свое в божественную совсем преобразив волю, о всем благодаряще вѣруют, надѣются, любят его и слышат: «Вы друзи мои есте...» (15, Іоан., ев.).

Щаслив, кто хоть одну только тѣнь доброй дружбы нажить удостоился. Нѣтъ ничего дороже, слаже и полезнѣе ея. Великая Русь просвѣщенно поговаривает: «В полѣ пшеница годом родится, а доброй

¹ Разностность или противострастіе. (Прим. автора).
² Равностность или сострастіе. (Прим. автора).

человѣкъ всегда пригодится». «Гдѣ был?» — «У друга». — «Что пил?» — «Воду, лучше непріятельскаго мѣду». Носится и в Малороссіи пословица: «Не имѣй ста рублей, как одного друга». Но не достоин дружніа любви превозносящій что-либо выше дружбы и не положившій оную остатним краем и пристанищем всѣх своих дѣл и желаній. Соловей преславное свое имя уступает самовольно другу. Сладка вода с другом, славна с ним и безименность. Катон сказал: «Пропал тот день, что без пользы прошел». Но Траян (чуть ли не Тит) яснѣе: «О други! Погиб мой день — никому я не услужил».

Всякой власти, званію, чину, статью, ремеслу, наукам начало и конец — дружба, основаніе, союз и вѣнец обществу. Она создала небо и землю, сохраняя міръ миров в красотѣ, чинѣ и мирѣ. «Бог любви есть...»

А кто плѣнился ею, тот вышшій законов гражданских, самым управляется богом. «Всякъ, иже в нем пребывает, не согрѣшает...» (1, Іоан., гл. 3, стих 7). «Праведнику закон не положен, но беззаконным» (1 к Тимоф., гл. 1, стих 9).

Не надобно приводить трубами воду туда, гдѣ отыгает чистѣйшее питіе сам источник — всѣх поточков отец и глава. «Своему господеву стоит или падает» (К римл., 14).

К сей главѣ нас возводитъ есть должность богословіи, одной из троих главнѣйших наук, содержа-

щих в благоденствіи жителство. Сих одних учителя именуются в Европѣ *doctores*. Единственным их предметом есть человѣкъ. Медицина врачует тѣло; юриспруденція страхом приводит каждаго к должности, а богословія из рабов дѣлает сынами и друзьями божіими, вливая в сердце их охоту свободную к тому, к чему гражданскіе законы силою волокут. «Уже нѣси раб, но сын...» (К галат., 4). Чемъ множае таковых в жителствѣ, тѣм оно щасливѣе, и не напрасно есть пословица: «Доброе братство лучше богатства».

А что сказано о дружбѣ, тое ж разумѣется и о статьи. Как к той, так и к сему вожд вѣрный есть природа; щаслив же, послѣдуя ей. Впрочем, как помянуты птички образуют вѣрнаго, избраннаго по природѣ, сирѣчь по бозѣ, друга, так друг есть фігурою и образом священныхъ бібліи. Взглянь на гл. 6, стих. 14, Сираха. Читай их подалѣе и понимай, что Христосъ есть всѣх тѣх слов *цѣль*. Онъ есть премудрость божія, глаголющая к намъ: «Вы друзи мои есте... Се мати моя и братія...» (Марк, гл. 3).

А какъ творящій волю божію суть мати и братія Христовы, такъ взаимно имъ біблія. Взглянь на конец 14 гл. и на начало 15 Сираха. Точно о бібліи рѣчь: «Срящетъ его, яко мати...»

Скажи мнѣ, что есть друг? Слуга и доброжелатель. Кая ж лучшая услуга, какъ привесть к вѣдѣнію божію? Все есть ложь, сирѣчь непостоянное и не-

твердое, кромѣ бога. Но біблія учит о бозѣ: «Аз на сіе родихся... да свидѣтельствую истину» (гл. 18), «Слово твое истина есть» (гл. 17, Іоан). Вся наша жизнь в рудѣ божіей; сіе значит врожденное нам предписаніе пищи, статья, дружбы... Самое маленькое дѣло без его руководства есть неудачное. «Без мене не можете...» Кто знает бога, тот знает план и путь житія своего. Что есть житіе? Есть всѣх дѣл и движеній твоих сноп. Видиш, что познавшій бога все свое разумѣет. Вот для чего сказано: «Друг вѣрен, кров (покров) крѣпок...»

Ничего нас біблія не учит, кромѣ богознанія, но сим самым всего учит. И как имѣющий очи все видит, так чувствующій бога все разумѣет и все имѣет — все, что для себе. А если черепаха крил не имѣет, кая нужда? Они для птицы нужны. Не в том совершенная премудрость, чтоб весь мір перезнать. Кто может сіе? А невозможное и ненужное есть то же. Но если все знаешь, что тебе надобное, сіе значит совершенную мудрость. Пересмотрѣвъ всѣ планеты и приобрѣвъ все міры, не имѣя и не зная тое, что для тебе, и скуден, и не знаток, и не весел если, так как, перевѣдав всѣ дороги, но не увѣдав твою, ничево и не знаешь, и не имѣешь, и не куражен. Да и как быть можешь куражен, лишен для тебе нужнаго? Как имѣть станешь, не сыскавъ? А как сыщешь, не узнавъ? Как же узнаешь, лишен сладчайшаго и всевождедѣннѣйшаго твоего руководителя — свѣта божія? Ста-

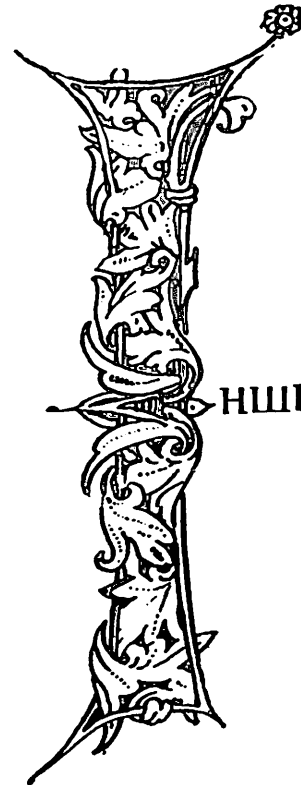
ринная пословица: «Охога пуще неволи». Злая охота побуждает злодѣя к ужасным предпріятіям. Но не мѣнѣе сильна и святая охота. Охота, любовь, огонь, свѣтъ, пламень, ражженіе есть то же. «Бог любви есть...»

Сія распалила и устремила апостолскіи, пророческіи і мученическіи сердца на лютыи страданія, а пустынников и постников к горчайшим подвигам ражжегла и оживляла их. О сем просвѣщающем и распалляющем, но не опаляющем огнѣ Соломон в «Пѣсн. пѣсн.»:

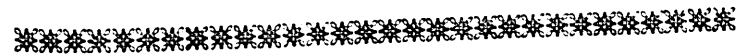
Крѣпка, яко смерть, любви,
Жестока, яко ад, ревность,
Крила ея — крила огня;
Угліе огненно — пламя ея (гл. 8).

Сей божественный кураж просвѣщал тму их, согрѣвал отчаяніе, прохлаждал зной, услаждал горести, а без сего всякое шастіе есть нещасное. Итак, біблія есть наш верховнѣйшій друг и ближній, приводя нас к тому, что есть единое дражайшее и любовнѣйшее. Она есть для нас предками нашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище боговѣдѣнія. Боговѣдѣніе, вѣра, страх божій, премудрость — есть то же. Сія одна есть истинная премудрость. Сія други божія и пророки устрояет (Премудр. Соломон, 4-й).

«Сію возлюбих и поисках от юности моя», «Сія
благолѣпнѣ солнца». «Проницающая, аки утро,
добра, яко луна, избранна, яко солнце», «Труды ея
суть добродѣтели; цѣломудрію бо и разуму учит,
правдѣ и мужеству, их же потребнѣ ничто же есть
в житіи человѣком». (Пѣсн. пѣсн. и Премудр. Соло-
мон, гл. 7 и гл. 8).

НШІ ТВОРИ

ПѢСНЯ

сложена 1761-го года о том,
что концем жизни нашей есть мир,
а вожд к нему бог, и о людских разнопутіях.

О жизнь безпечна! О драгій покой!
Ты дражайшій мнѣ всяких вещей.
На тебе смотрит вездѣ компас мой.
Ты край и гавань жизни моей.
Мнѣ одна в свѣтѣ тишина нравна:
И безмятежный, неславный путь.
Се моя мѣра в житіи главна.
Весь да кончится мой цѣркул тут!

Ты, святой боже и вѣков творец,
Утверди сіе, что сам создал.

При тебѣ может все в благій конец
 Такъ пасти, как к магниту сталь.
 Если ж неправо зрит мое око,
 Ты мене, отче, настави здѣсь.
 Ты людских видиш, сидяй высоко,
 Разных толь мнѣній безщетну смѣсь.

Один в восточной, тѣ в вечерній край
 Пловут по щастье со всѣх вѣтрил.
 Иной в полнотной странѣ видит рай,
 Иной на полдень путь свой открыл.
 Один говорит: «Вот кто-то косит!»
 А другой спорит: «Се кто-то стрижет!»
 Иной: «У воза пять кол», — голосит.
 Скажи, кой бѣс нам толь мысль сѣчет?

Inveni portum Jesum. Caro, munde, valet!
 Sat me jactastis. Nunc mihi cetra quies¹.

Прощай, стихійной потоп! —
 Вѣщала Ноева голубица. —
 Я почию на холмах вѣчности,
 Обрѣтши вѣтву блаженства.

¹ Я знайшов гавань Ісуса. Плоть і світ, прощайте!
 Досить ви мене непокоїли. Тепер у мене надійний
 спокій (лат.).

О DELICATI BLANDA ETC.¹

(До Петра Герардія)

О селянскій милій, любій мой покою,
 Всяких печалей лишенній!
 О источник шум, журчащих водою,
 О лѣс темній прохладенній,
 О шумящы кудры волосов древесних,
 О на луках зелень красна,
 О самота мати ради дум небесних,
 О сумна тихость ужасна,
 Где развѣ глас толко птичье дает воле
 Да сопѣлка пастухова,
 Как вигонит овцы в благовонне поле
 Или в дом пригонит знова!
 О мой столик малій, ни скуп, ни излишній,
 Стравмы селскими набратій!
 Ни тѣ, чтоб господскій раздражить вкус
 пишній,

Кухар присмачил нанятій,
 Но что синам с батком, наспѣвшим з оранья,
 Сама варит мати в домѣ.
 О бібліотеко, ты моя избрана,
 О немногим книги чтомы!
 О каморка, толко что одному вмѣстна!
 О снесс, волній и пріятній!

¹ О ніжна, мила... (Лат.)

О стезя к блаженству, певна и извѣстна!
О путь, всѣм мірским незнатній!
Коль ишу одних вас, коль дух мой палает,
Враз все пренебрег другое.
Коль бѣжит до вас всяк, всяк вас почитает
Над богатство все мірское,
Кто водою духа грязь омил очесну
И вкусил мудрости истой.
Ты ж, мой друг, сподоблен воду пить небесну,
Коей чужд сей мір нечистой,
Тягнеш ли в один гуж, или мучен злою
Славы и богатства молью.
Лучше селских утѣх и мила покою
Чтеш дворских житій неволю?
О, прошу тебе я гор сіонских ради,
Кую ты видѣл смлада гору,
Изволь от старика друга совѣт взяти,
Кой сам он взял, но не впору.
Кто тебе от книжок и от волѣ манит,
Знай, что лестны суть тѣ души.
Знай, что под медом слов скритій яд, обманы.
Бѣгай сих душ, заткнув уши.
Блаженна живет не в златом металлѣ,
Ни в індійских маргарітах.
Сердце нежадное сито будет малим,
Жадность же ничим же сита.
Когда жизнь проводить ест тебѣ откуду
Тиха, сладка и свободна,

То скажи, тебе бѣс кій женет отсюду
Взять оковы самохотно?
І смотрѣть в житіи на чужую волю,
Трепещя на панскы взоры?
Ну, расторгни узы, збій ярмо додолу,
Будь твой свободитель скорій!
Дерзни быть щасливым, от всего будь волній,
Что к землѣ ум пригвождает,
Да паряя виспр, гдѣ дом, пространства полній,
Лиш от вѣчных помишляет.
І слѣпого щастя дары всѣ в сем свѣтѣ
Несмысла остав на диво,
О, когда бы еще в цвѣтущем лѣтѣ,
А не в сей уже вѣк сивой,
Друг старик, кій умній, рассказал се с толком,
Что твой друг тепер толкует,
То б я лѣт, что в дворской службѣ терял столко,
Не оплакивал днесь всеу.

FABULA

Как только солнце к вечеру зашло
И вездѣ небо темнозрачно стало,
На тверди звѣзды блеснули прекрасны,
Как дорогіе каменья алмазны,
Фалес закричал: «Старуха драгая!»
«Чего ты кричиш, мудросте глупая?»
«Полно мнѣ уже сидѣть на сем мѣстѣ.
Поведи мене смотрѣти на звѣзды». —
Пошла перед ним старуха драгая,
А за нею вслѣд и мудрость глупая.
Пошли туди, где холм високомѣстной,
Отколь способно смотрѣть на круг звѣздной.
«Ой,— мудрец крикнул,— пропал я, старухо!»
Впав, бѣднѣй, в яму, одбил себѣ ухо.
«Не впал бы ты в ров, безтолковый дѣду,
Чему моего не удержишься слѣду?
Как ты, не видя перед носом рова,
Можеш знать звѣзды, главо безтолкова?»
З сих спекуляцій повела старуха
Назад до дому мудреца без уха.

EPIGRAMMA

Скажи мнѣ кратко мужа мудра дѣло! —
Имѣй свѣтъ в умѣ и здравіе тѣла.

FABULA DE TANTALO¹

Цар Тантал когдась Іовиша до дому
Цехмистра з богов звал к пиру царскому.
Іовиш, вѣдая політичны нравы,
Взаим Тантала на небесны стравы
Просил. Но куди, небесное зало
Совѣм Тантала перешоголяло.
Іовиш своего любезного гостя
Не хотѣл пустит без дара так просто.
«Проси,— говорит,— что хоть при отходѣ!»
«Дай мнѣ тут кушать во вѣчныя роды»,—
Отвѣщал Тантал. Іовиш оскорбился,
Тантал просить так не устыдился.
Но, помня важность шляхетского слова,
Сказал, что ему дорога готова.
Стал Тантал в небѣ пировать оттолѣ.
А что ж то нѣтъ при небесном столѣ?
Тут вина разны, тут нектар солодкій,
Услаждающій божественны глотки,
Тут амвросія, вишних богов снѣды,
Против ней — пустош панскіи обѣды.
Вездѣ багрѣют розы пред глазами,
Чудныя вездѣ курят фиміями.
Кричат по залѣ музы сладкогласны,
Все сам подносит Ганімед прекрасній;

¹ Міф про Тантала (лат.).

Бахусов пѣстун сам пляшет пресмѣшно,
Всякій род шутов шутят преутѣшно.
И хоть в том хорѣ не бивал Далольо,
Однак за таких сто мог сам Аполло.
Коротко сказать: всѣ чувства тѣлесны
Услаждали там сладосты чудесны.
Тантал сидячи все смотрит умильно,
Все воздыхает, хоть всего обилно,
Все лице морщит, страх трет его члены,
Трясевицею будто пораженный.
Что за причина? Сверху сквозь хоромы
Низпущен висит камень преогромній
Над саменкою его головою,
Не дает ему сидѣти в покою.
Бойтся, бѣдный: как себѣ порушит,
На власѣ висит, вот-вот в прах сокрушит.

QUID EST VIRTUS? ¹

Трудно покорити гнѣвъ и прочіи страсты,
Трудно не отдать себе в плотяніи сласты,
Трудно от всѣх и туне снести укоризну,
Трудно оставить свою за Христа отчизну,
Трудно взять от земли ум на горы небесны,
Трудно не потопиться в міра сего безднѣ.
Кто может побѣдить всю сію злобу древну,
Се цар — властитель крѣпок чрез силу
душевно.

¹ Що таке доброчинство? (Лат.)

IN NATALEM JESU ¹

О ночь нова, дивна, чудна,
Яснѣйшая свѣтла полудня,
Когда чрез мрак темній, черній
Блиснул солнца свѣт невечерній.
Веселѣтся, яко с нами бог,
Яко с нами бог.

Кой всѣ моря усмиряет,
Кой богу нас всѣх примиряет,
Сей в нищенской днесь хижинѣ
Нищети нас учит всѣх нинѣ.
Веселитесь, яко с нами бог.

Там под Вифлеемским градом
Пастухы, пасуще стадо,
Всѣх первѣе вѣсть пріемлют,
Что к нам Христос прійде на землю,
Чрез ангелов, яко с нами бог.

Видно, что то богу любя
Та простота беззлобна, груба,
Кая хранит правость ревно
Чрез простой свой нрав вѣрной, древной.
Веселѣтся, яко с нами бог.

¹ На день народження Ісуса (лат.).

Вифлеемска възлѣ града
Там пастирский сонм берег стада...
На глас: «Похвалѣмо царя Христа».

DE LIBERTATE ¹

Что то за волность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.
Ах, не золотое, если сравнить злато,
Против волности еще оно блато.
О, когда бы же мнѣ в дурнѣ не пошиться,
Дабы волности не могл как лишиться.
Будь славен вовѣк, о муже избранне,
Волности отче, герою Богдане!

¹ Про свободу (лат.).

EST QUAEDAM MAERENTI
FLERE VOLUPTAS ¹

Кто мнѣ дастъ слези, кто дастъ мнѣ нинѣ дождевны?
Кто мнѣ дастъ моря? Кто дастъ мнѣ рѣкы плачевны?

Да грѣх рѣдаю
И омиваю,
Во многоводних
Слезах несходних
Не почивши.

Изсушил очи адскій грѣхов моих пламень,
Сердце ожесточенно, как адамант камень.

Нѣсть мнѣ ток слезній,
Дабы болѣзны,
Жжущи внутр уду,
Можно оттуду
Изблєвати.

Ты, источников в горах развергшій проходы
И повѣсивій горѣ превиспенны воды,
Зрак вод наполни,
Да льет довольны,
Сердцу коснися,
Да ощутится,
Утѣх отче!

¹ У горі певну втіху приносять сльози (лат.).

Аще же буду богат на токи мнѣ слезны,
Будут мнѣ оны одны утѣхы любезны.

Твоя и дурность
Над міра мудрость,
И плач над смѣхы —
Его утѣхы,
Чудній боже!

ФАБУЛА

Старичок нѣкій Філарет в пустинѣ
 Проживал вѣкъ свой в дубравной густинѣ.
 Молодец нѣкій, Филидоном звался,
 К бородатому старику пробрался,
 Сlišа от многих о нем предоволно,
 Что пустинник свят и мудросты полной.
 Как поздоровил честную сѣдину,
 «Здоров будь! — сказал старик, — и ты, сину».
 «Не погнѣвайся, отче милосердій,
 Скажи мнѣ, кій путь жизни свят и твердій?
 Мать моя мене и отец оставил,
 Давно я о них обѣды отправил.
 Ты мнѣ мѣсто их будь уже родитель,
 А будешь, если будешь мнѣ учитель».
 «Я, сину, и сам в мудрости есмь скуднѣй,
 Знаю толко, что путь сей жизни труднѣй».
 «Здѣлай же милость, о сѣдая главо,
 Все буду помнить, я мѣх не диравой».
 «Опасно, сину, с свѣтом обиходя,
 З свѣтом, пока жизнь, надобно боротся.
 Старайся с чужих случаев меж людом,
 А не с своих бѣд познать добро с худом;
 Напримѣр, видиш, что побили вора,
 Учись с него, что крадеж — бѣда скоро;
 Не братайся с тѣм, кто к добру не способнѣй,
 С преподобным бо будешь преподобнѣй;

Паче ж дѣлай не то, что вѣтрогоны,
 Но то, что велятъ разума законы.
 Кому правится нрав сей сегосвѣтнѣй,
 Не возможен тот в свѣтѣ не быть бѣднѣй».
 Філидон, видя, что се не на руку
 Старѣй плещет, вдруг почувствовал скуку.
 «Благодарствую тобѣ, старик сѣдовласій!»
 «З богом, мой синку!» Пошел восвояси.
 «Свята се мудрость, однакъ не манѣрна», —
 Сам себѣ мислит. Послѣ, сискавъ вѣрна
 По перью друга, принялъ марш в учены
 Стороны, чтоб ум набить совершеннѣй.
 Взяли молодца силою до пруса,
 Когда он имѣлъ войну на француза.
 А как дюжина годов миновала,
 Домой Уліса судьбина припхала.
 Принялъ марш прямо в лѣсъ до Філарета,
 Вспомянул его мудрѣи декрета.
 «Спасайся, отче!» — «Ты что за персона?»
 «Помниш ли, отче святѣй, Філидона?»
 «Ах, коль же ты стал манѣрна фігура!»
 «Змучила мене свѣтовая буря!»
 «На правом окѣ что то за затула?»
 «Се мнѣ вишибла контузію пуля».
 «А то откуда на лбѣ страшна яма?»
 «Трѣснуло ружжьѣ». — «А то что два шрама
 На щекѣ?» — «Эту рану взял на бойкѣ».
 «Во фронтѣ?» — «О нѣтъ, в трактірѣ в напойкѣ».
 «Так как прилѣплен тебѣ шматок носа

Прилѣчен?» — «Он был зсѣчен от францоza». —
«И по всемъ лицу мушкы?» — «Се короста». —
«Она, думаю, французка, не проста.
Ты тепер, сину, и ходиш отмѣнно?» —
«Упал с лошади, выкрутил колѣно.
И кромѣ того лѣкарѣ лѣчили,
Когда та болѣзнь позмикала жили». —
«Чего ж ты плакать стал? Плач не поможет
Тепера уже». — «О боже мой, боже,
Ах, поможи мнѣ, отче святѣйшій!» —
«Не могу теперъ, сину любезнѣйшій!
Не слушал тогда моего совѣта,
Проси ж тепера о помощѣ от свѣта».

ПОХВАЛА АСТРОНОМІИ

(EX OVID. FAST.)¹

Шасливы, кои тшились еще в вѣк старинній
Взвѣсть ум виспр и примѣчать звѣздныхъ бѣговъ чины.
Можно вѣрить, что оны, всы земніи здоры
Оставя, взойшли сердцемъ в небесніи горы.
Не отвлекло сердецъ ихъ угодіе плоты,
Ни воинскіи труда, ни штатскыя заботы,
Ни вѣтренная слава, ни праздніи честы,
Ниже безмѣрныхъ богатствъ приманчивыя лесты.
Придвинувъ предъ очи намъ, здѣлали извѣстны
И подвергли подъ умъ свой теченія звѣздны.
Такъ-то должно восходить на круги прегорны.
Не такъ, какъ исполины когда-то богоборны.

¹ Изъ книги Овідія «Фасти» (лат.).

* *
*

Все лице морщиш, печален всегда ты,
Се ли ты можеш жизнию назвати?
Тот суще живет, кто, весела зрака
Будучи, свѣтло жизнь ведет без мрака.
А кто печален, безпрестанно тужит,
Того мертвого смерть протяжна душит.

РАЗГОВОР О ПРЕМУДРОСТИ

Мудрость и человек

- Человек. Любезная сестра, иль как тебе назвать?
Доброты всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мнѣ имя ты, скажи свое сама;
Вѣтъ всяка без тебе дурна у нас дума.
- Мудрость. У греков звалась я Софія в древной вѣк,
А мудростю зовет всяк русской человек,
Но римлянин мене Минервою назвал,
А христіанин добр Христом мнѣ имя дал.
- Человек. Скажи, живешь ли ты и в хинских сторонах?
- Мудрость. Уже мнѣ имя там в других стоит словах.
- Человек. Так ты и в варварских вѣтъ сторонах
живиош?
- Мудрость. Куда ты мнѣ, друг мой, нелѣпую поіюш?
Вѣтъ без мене, друг мой, одной чертъ
не бытъ!
- И как же мнѣ, скажи, меж хинцами
не жит?
- Где ночь и день живет, где лѣто и весна,
Я правлю это все с моим отцем одна.
- Человек. Скажи ж, кто твой отец?
- Не гнѣвайсь на глупца.
- Мудрость. Познай вперіод меня, познаешь и отца.
- Человек. А с хинцами ты как обходишься, открой?
- Мудрость. Так точно как и здесь: смотрю, кто мой,
то мой.

Человѣк. Там толко вѣтъ одны погибшіе живут?
 Мудрость. Сестра вам это лжет, так точно, как и тут.
 Человѣк. А развѣ ж есть сестра твоя?
 Мудрость. Да, у меня
 Сестра моя родна, как точно ноч у дня.
 Человѣк. И лжет она всегда, хотя одной роднѣ?
 Мудрость. Вѣтъ одного отца, но дѣти не однѣ.
 Человѣк. Зовут же как?
 Мудрость. Ей сто имен. Она
 Однак у росіян есть безтолковщина.
 Человѣк. С рогами ли она?
 Мудрость. Дурак!
 Человѣк. Иль с бородой?
 Мудрость. Иль в клабукѣ?
 Ты вріюш! Она войдіот и в твой
 Состав, если хотиш. Ах ты! Ищезни проч!
 Вѣтъ я возлѣ тебе, как возлѣ свѣта ноч.
 Человѣк. Ищезни лучше ты! Бѣжи с моих проч глаз!
 Вѣтъ глупа ты сама, если в обман далась.
 Чево здѣсь не слыхать нигдѣ, ты всіо
 вріюш
 И, подлинно сказать, нелѣпую поіюш.
 Родился здѣсь народ и воспитан не так,
 Чтоб диких мог твоих охотно слушать
 врак.
 Чуть развѣ сищется один или другой,
 Чтоб мог понравится сей дикой замисл
 твоей.

ODA HORATIANA (LIBRI II, XVI)
 «DE ANIMI TRANQUILLITATE»¹

Купец покоя сладка бога просит,
 Когда по морю его вихор бросит,
 Как луну облак и звѣзды преясны
 Скрил преужаснѣй.
 Просит покоя в войнѣ турчин бѣшен
 И красним луком китаец обвѣшен,
 Но ниже, друг мой, драгая порфира
 Дастъ нам внутр мира,
 Не бо царска власть или злата полнѣй
 Сундук усмирят души бѣдны волнѣ,
 Ни приутишит живущіи вздохи
 В красном порогѣ.
 Сладка покоя нищета ест маты,
 Где лишнѣх в домѣ вещей не видати,
 Где не мѣшает ниже страх сна сладка,
 Ни похоть гадка.
 Почто толь много сѣ черв замишляеш,
 Зачем на воздух чужій поспишаеш?
 Что ползы бросит природнѣи страны?
 Брось нрав твой страннѣй.
 Печаль глупа и на корабли восходит
 И проникает на далны походы,
 Еленей легких она всѣх быстрѣе,
 Вѣтров скорѣе.

¹ Ода Горация (книга II, XVI) «Про спокой души» (лат.).

Будь сит тѣм, что ест, не печись на утро,
Потѣшай смѣхом твою горестъ мудро,
Знай, что ничто же совсѣм ест блаженно,
Но з злим смѣшенно.

Знай, что преславны пошли в прах герои,
И, сто лѣтъ жившы, лежат в смертном гнои,
И, может, тое твое, что сливется,
Мнѣ доведется.

Волов изрядних у тебя заводы
И чужостранных лошадей природы,
А на одежду тебѣ для прибора
Сукна з-за моря.

А мнѣ судьбина дала грунт убогой
И от муз чистих греческих немного
Духа напиться и пренебрегати
Мір сей проклятій.

ОДА

(Iesuitae Sidronii Hosii)

ОСНОВАНИЕ ОДЫ:

Живет и средѣ молвы уединеніе.

Друг мой Гесріій! Когда любиш жить во уединенных и спокойных мыслях, то нѣтъ тебѣ нужды забродить в дремучіе лѣса и крыться от гостей в пустых и диких удолиях.

Не угадал тот, кто вѣрит, будто печаль не найдет нас в горах и пропасть земных. Ах! Пустыня не довлѣет сама собою преградить путь в душу нашу мыслям безпокойным.

Вот! Тот один сам себѣ живет и сам с собою прямо дружит и ползуется, кого не мучит страх и прихоть, а возшедшей в горня со тщаніем души его ни подлая грусть, ни рабская несытость застрѣлить не может.

Таков и средѣ городской молвы сыщет тишину безмолвную, находясь всегда сам своим обладателем. Он, всегда городских и домашних мятежей убѣгая, и сам своего затѣйнаго сердца удалил.

Пускай он проживает средѣ кипящих житейских волн и средѣ лютых военных громов! Пускай шатается вблизи ярость и гнѣвъ с кровожадными мечами!

Но он безпристрастно взирает на грозныя салдатскія лица с брязком их и, видя в своих околичностях оружейныя молніи, шум паденія государств слышит безбоязненно.

Не завидит побѣдам, от восток до запад власть простирающим, вѣдая, что обладатель, здѣлався слугою для множайших, бывает рабом сердечных своих подлостей.

Земное царство есть держать скипетр, пасущій свирѣпѣющія народы, и блистать на престолѣ в драгоцѣнном вѣнцѣ пред покаряющимися языки.

А царство небесное есть взойти на Сіон и жить превосходнѣе и выше подлости мятежных прихотей. Сія есть божественная побѣда, дивное торжество, прямой мир и уединеніе для всѣх.

Одна вышняя премудрость обладает неукротимыми звѣрьми, плотскія воли стремленіями. Она дарует душъ тишину, не получаемую и всемірными лаврами.

Сего сокровища не ищи внѣ себя. Уединеніе — внутри тебе, покой в сердцѣ твоём: отрѣжь и убій, попери волю твою буйную, иначе, хоть покори всю вселенную, не сыщешь.

Сей прямой и блаженный покой живет и в городских жилищах. Он ни от случая, ни от мѣста не зависит. Не заключен в мызах, ни в веселительных вертоградах, не привязан к прекрасным веселых рѣк берегам, ни к райским поморским холмам.

Горная мудрость есть в мыслях наших то, что солнце. Тѣлесное око наше ночным мраком и пасмурными стужами затмѣвается. Но сіе недремлющее вселенныя око и неугасающая лампада при своем есть всегда сіяніи.

Скажи мнѣ, страждет ли солнце тогда, когда море восходит и бѣсится, когда чернѣет тучами и ярится бурями наш воздух, когда режут громы, а молніи трясут землею?

Пускай юг клокошет и изблевет тучи! Пускай сѣвер стрѣляет лдяною дробью! А прекрасное лице солнца превыспренно там, гдѣ чин чистых звѣзд блистает.

Не беспокоят свѣта его ни снѣги, ни грады.
Смѣется бурным вихрем и воздушным бѣшенством,
сіяя на присносвѣтлом ефирѣ выше всѣх туч и ду-
хов поднебесных.

Так-то пустынею и человѣкъ просвѣщенный на-
слаждается. Он всегда имѣет случай жить при одном
себѣ и при богѣ в покоѣ. А когда молчит, тогда сам
с собою бесѣдует, возвысився сердцем выше всей
тлѣни, и своей.

Τέλος¹

ANTISTROPHE,

СИРЬЧЬ ПРОТИВНОЕ ОСНОВАНІЕ ОДЫ:

● *Живет и средѣ уединенія молва*

Что пользы бѣжать от городской молвы в отда-
ленные лѣса за житіем уединенным? Знай, что по-
коль не сыщешь покоя в пещерах сердца твоего, не
найдешь его в лѣсах.

Вѣдай, что всякія мѣста имѣют свои безпокой-
ности. Туда же вслѣд за хозяином поволочется толпа
едких и грустных дум, червь мучительных мыслей,
хоть изволит он сухим путем, хоть морским шество-
вать.

¹ Кінець (грецьк.).

Сии крылатые злые духи постигнут тебе в самом
нѣдрѣ африканских и на лонѣ азіатских удолий, не
спрятаешься от них с горскими татарами на высотах
гор Кавказских и Персидских.

Не уйдіош от ловких кохтей их ни аглицкими
бѣгунами, ни манежным лошаком, ни почтовою ко-
ляскою, ни многокрылатым пакетботом.

Славный учитель Іероним скрылся от Рима в пе-
щерѣ Вифлеемской. Но как сам себе в совѣсти
боялся, казалось, будто и здѣсь шумят в ушах его
римскіе карневалы и дамскіе танцы.

«Прощай, Рим! Я прочь от тебе бѣгу,— садясь
в корабль, говорит: — здравствуйте, святые горы
Сирскія!» Но немилосердный Рим за сим богословом
со всѣми страстями вслѣд погнался.

Наконец, привел его бог к глухой его и нѣмой
пещерѣ. «Радуйся, вертепѣ вифлеемскій! — вскричал
богослов.— Здравствуй, о пристанище, о вѣрная га-
вань плаванія моего!»

«Прійми мене страннаго, волнующагося бурею
и истомленнаго сухопутством, распростри тихое
и безмольное нѣдро твое кораблю моему, будь обу-
реванію моему вѣнец и шабаш!

Здѣсь я бросил надежной якор. Не вырвет его ни одна ярость морская и не оторвет канатов кипящая бурей пучина, при сей гавани судно мое обуздающих.

О вертеп! Сладкое жилище мира и спокойствія, вмѣстилище цѣломудрія и страха божія! Сіи спутницы мои, сіи добродѣтели развѣ не могут мене здѣлать спокойным?

Будь ты, о пещера, моей тишины столица! В тебѣ я стану жить, сам себѣ господин и повелитель. В тебѣ я найду, чего найти нельзя в царских чертогах и позлащенных палатах».

Такою надеждою несчастный тщетно ласкал себе, общая спокойство. Душа его страстью, как рыба удкою, назад в Рим поволочена и вержена во внутренній городской мятеж.

Что дѣлать? Повергся тѣлом ниц на жесткой и студеной пол в пещерѣ, обливаясь слезами, что молитва его не дошла к престолу вышняго и что желаніе уничтожено его.

Рыданія и вопля жалостнаго весь вертеп наполнился, орошен молящагося слезами. Но мечтаній римских, будто увязшей в душу удки, ни слезы, ни жалобы не могут исторгнуть.

Схватя уломок каменный, бьется в обнаженную грудь, выгнать из оной едкую грусть стараясь, обвѣсил, как в вавилонской плѣни, на сучьях червленную свою мантию.

Кровью краснѣет, ах, поранена частыми ударами груди! Но Рим, хоть отдаленный, влечет тысячу раз сердце его в средину своих пированій и дамских плясаній.

Бѣглые взоры, нѣжные глаза женскіе, шуточные улыбки, шогольные башмачки, розовые чулки часто поневолѣ сердечным его очам представляются в темной яскинѣ.

Бѣдная пища была его лѣсные плоды, дикіе фрукты, суровые ягоды, терпкіе овощи, что только могло попадаться ему в жестких кустарниках, в терновниках и в стропотных пропастьях.

Запустѣлые волосы, блѣдное лицо, впадшіе под лоб очи — все сіе изображало изсохшую и измученную харю, с одних костей и кожи состоящую, словом, мумія, или скелет.

Но при всем том Рим не отвязался от него. Нахально, день и ночь плачущаго, воображеніями безпокоит. Врѣзанный в сердце портрет Рима столько же, как и сам город, уязвлял его.

БАСНЯ ЕСОПОВА

Козля от стада осталось до бѣса.
Се ж и товариш бѣжит — Волк из лѣса,
Кинулось было сначала в утѣки.
Потом, ставши, так сказало Драпѣкъ:
«Я знаю, что мнѣ нельзя минутъ смерти
От твоих зубов. Но будь милосердый!
Здѣлай, молю ты, ту милость едину:
На флейтузѣ мнѣ заграй на кончину,
Чтоб моя мнѣ жизнь увѣнчалась мила.
Сам, мудрый, знаешь, что в концѣ вся сила...»
«Не знал я сего во мнѣ квалитета», —
Волк себѣ мыслит... Потом минавета
Начал надувать, а плясать Козлятко,
Волка хвалами подмазуя гладко.
Вдруг юрта собак, как вихр, вокруг их стала.
Музиканту з рук и флейта упала.
Просто до Волка — сей, той щипнет, вкусит.
И сам капелмейстр плясать уже мусит.
Вдруг Черногровка хватъ за поясицу,
А Жук с Бѣлком за горлову цѣвницу,
Кудлай да Гривко упялися в бедра.
Вопль раздается в долинах от вѣдра.
Еще ж наспѣл Хвост, сюда ж рыло пхает, —
Не дотолпятся. А он воздыхает:
«На что (сам себѣ) стал ты капелмейстром,
Проклятый, з роду родившись кохмейстром?

Не лучше ль козы справлять до росолу,
Неж заводити музиканску школу?
А! а! достойно!..» А собаки, рыла
Потопивши, рвут... И так смерть постигла.

П р и к а з к а

Не ревнуй в том, что не данно от бога.
Без бога (знаешь) ниже до порога.
Аще не рожден — не суйся в науку.
Ах! Премного сих вѣчно пали в муку,
Не многих мати породила к школѣ.
Хочь ли быть шаслив? — будь сыт в своей долѣ.

БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДІЙ

ГРИГОРІЙ ВАРСАВА СКОВОРОДА ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ
СЕМЕНУ НИКИФОРОВИЧУ ДЯТЛОВУ ЖЕЛАЕТ МИРА БОЖІА

Проживая дни жизни по оному Сираховскому типикѹ: «Блажен муж, иже в премудрости ѹмрет и иже в разумѣ своем поучается святынь, размышляяй пути ея в сердцѣ своем, и в сокровенных ея уразумится», соплел я в сіе 1787-е лѣто маленькую плетеніцу, или корзинку, нареченную «*Благодарный Еродій*». Се тебѣ дар, друже! Прійми его, Еродіа, по-еродіеву, прійми парящаго и сам сый парящій. Прійми сердцем Еродіево сердце, птица птицу. «Душа наша яко птица». Да будет плетенка сія зеркалом тебѣ сердца моего и памятною нашея дружбы в послѣдняя лѣта. Ты видѣ отец еси и сам птенцы твоя воспитуеши. Я же есмь друг твой, принесшій плетенку сію. В ней для младаго ума твоих птенцов обращеши оприснок от оных хлѣбов: «Хлѣб сердце человѣку укрѣпит». Всѣй в них зѣрно сіе сице: яко живет средѣ вас нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Вы же со благоговѣніем ждите, яко рабы, чающіи господя своего... Ничто же бо есть бог, точію сердце вселенныя; наше же сердце нам же есть господь и дух. Сіе домашнее они свое благо со временем узнав и плѣнився прекрасною его добротою, не станут безобразно и бѣсновато гонитися за мырскими:

суетами и во всѣх злоудачах возмогут себе утѣшити сею давидскою пѣсенкою: «Возвратися, душа моя, в покой твой, и стези своя посреде́ь себе упокоят со Исаіею». Ничим же бо бездна сія сердце наше удовлетворяется, токмо са́мо собою, и тогда-то в нем сіяет вѣчная радости весна. Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирѣчь истинный отец; чада же твоя будут истинныи, благодарныи, благочестивыи и самодовольныи еродіи. Протчее же подобает нѣчто сказать о еродійской природѣ. Они подобны журавлям, но светлѣйшее періе и коралловый или светло-червлѣнный нос. Непримиримыи враги змїям и буфонам, значит — ядовитым жабам. Имя сіе (еродіос) есть еллинское, значит — боголюбый, иначе зовется (пеларгос и ерогас), римски — киконіа, полски — боцян, малороссійски — гайстер. Сія птица освятилася в богословости и человѣколюбїа. Поминает ее Давид и Іеремїа. Они кормлят и носят родителей, паче же престарѣлых. Гнѣзятся на домах, на кірках, на их шпїцах и на тѹрнях, сирѣчь горнищах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгарїи видѣл я на каминах. Гаданіе — еллински — символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнѣздѣ, на храмѣ святом утвержденном. Под образом подпись такова: «Господь утверждєніе мое». Второй символ: стоит един Еродій. Подпись сія: «Ничто же сильнее благочестїа». Третій символ: Еродій терзает змїя. Подпись: «Не возвращуся, дондеже

скончаються». Сіи три символи да будут знаменієм, гербом и печатію книжицы сея. Она совершилася в первую квадрю¹ первыя луны осянныя. Амины!

«Тамо птицы возгнѣздяться», «Еродіево жилище предводительствует ими» (Псалом), «Еродій позна время свое» (Іереміа).

ГЛАВИЗНА И ТВЕРДЬ КНИЖИЦЫ

«Прійдите, чада, послушайте мене, страху господню научу вас» (Давид).

«Аще сердце наше не осуждает нас, дерзновение имамы» (Іоанн).

«Сыне! храни сердце твое, люби душу твою» (Сирах).

«Разумыв праведник, себѣ друг будет» (Соломон).

«Человѣк в чести сый не разумѣ...» (Давид).

«Всяк дух, иже не исповѣдует Іисуса Христа, во плоти пришедша, от бога нѣсть» (Іоанн).

«Еродій позна время свое, Израиль же мене не позна» (Іереміа).

«Неблагодарнаго упование, яко иней зимный, растает и изліется, яко вода неключима» (Соломон).

¹ Четверть (лат.).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА ЕРОДІИ

В ней разглагольствует обезяна со птенцем Еродіевым о воспитаніи.

Обезяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек. Она во африканских горах на ясном и вознесенном древѣ со двома чад своих седмицами сидѣла. В то же время пролѣтал мимо младый Еродій. Госпожа Пишек, узрѣв его: — Еродій, Еродій! — воззвала к нему. — Друг мой Еродій, сын пеларгов! Радуйся! Мир тебѣ! *Хатре!* Салам али кюм!..¹

Еродій. А-а! Всемиловитая государыня! Бонжур! Кали имѣра!² День добрый! *Gehorsamer Diener!*³ Дай бог радоваться! *Salve!*⁴ Спасайся во господѣ!..

Пишек. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда бог несет?

¹ *Хатре* есть поздравленіе еллинское — радуйся! Салам — турецкое. Славянски — мир да будет тебѣ! (Прим. автора).

² Бонжур — французское — добрый день! Кали имѣра — греческое слово — то же. (Прим. автора).

³ *Gehorsamer Diener* — нѣмецкое — покорный слуга. (Прим. автора).

⁴ *Salve* (салуе) — римское — благоденствуй! Спасайся! (Прим. автора).

Еродій. Лечу за пищею для родителей.
Пишек. Вот бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормлят?

Еродій. Сіе нѣсть бѣда, но веселіе и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от молодых ногтей моих, а мнѣ подобает кормить их при старости их. Сіе у нас нарицается *ἀντιπелάρ* γένν, сирѣчь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и еллыны весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

Пишек. Чудо преестественное! Новость, рѣдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Еродій. Я, и мнѣйшій мене брат Ерогас, и сестра Киконіа.

Пишек. Гдѣ вы обучались во отроческіи лѣта?

Еродій. Нигдѣ. Мене и брата научил отец, а матери сестру.

Пишек. О мой боже! Вездѣ цвѣтут славныи училища, в коих всеязычныи обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанія?

Еродій. Для того же то самого сами нас воспитали родители.

Пишек. Да его ли дѣло учить и воспитывать? Развѣ мало у нас вездѣ учителей?

Еродій. Он сам великій к сему охотник, а матери

ему во всем послѣдует. Он славословит, яко двѣ суть главныя родительскія должности сіи: «Благо родить и благо научить». Аще кто ни единыя от сих двоих заповѣдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нѣсть отец чаду, но виновник вѣчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, есть полу-отец, яко же достойно есть полу-матери, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол матерства своего доилицѣ и погубившая половину чадолюбія. Аще-де мѣсто владычнѣе сидѣніем рабским безчестится, како не безобразится отческа я должность, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дѣло. Но ничто же лучше есть благого воспитанія: ни чин, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельмож, развѣ благое рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко сѣмя щастію и зерно воспитанію.

Пишек. Благо родить разумѣши ли что ли?

Еродій. Не знаю. Знаю же, что он сіе поставляет извѣстным для единых избранных божіих. Иногда-де во убогом домикѣ, исполненном страха божія, друг роду человѣческому благо родится *человѣкъ*, не всегда же и в царских чертогах. Да уразумѣем, яко не красота мыра сего, ни тварь кая-либо, но едина благодать божія благому рожденію виновна бывает и яко благородство не лѣтами к нам прицепляется, но раждается зѣрно его с нами. Знаю же

и сіе, яко мой отецъ, разъярен от коего-либо негодяя, стрѣляет на его сими словами:

O quarta luna seminatel
O malo utero gestatel
O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обык никого.
Пишек. Протолкуй же мнѣ сіи уязвленія.
Еродій. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

O в четверту луну посяян!
O злѣ чревоношен матерью!
O злый умъ и злая врода!

Пишек. Конечно, отец твой знает римскій и еллинскій языкъ?

Еродій. Столько знает, сколько попугай по-французски.

Пишек. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Еродій. Сохрани мя, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

Пишек. Как же он, не научен римски, говорит римски?

Еродій. Есть у его друг, нехудо знающій римски и маленьку часть еллински. С ним он часто бесѣдуя, научился сказать нѣсколько слов и нѣсколько сентенцій.

Пишек. Ах, мой боже! Как же он мог вас воспитать, невѣжда сый?

Еродій. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: «Не ходи в чужій монастырь с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком». У нас не как у вас, но совсѣм иной род воспитанія в модѣ. У вас воспитаніе зѣло драгое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою цѣною.

Пишек. Бездѣлица! Сотницу рубликов с хвостиком порятъ в год на малчика, а чрез 5 лѣтъ вдруг он тебѣ и умница.

Еродій. Госпоже! Деньга достает и за морем. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогим нужно есть. И кошка блудлива не находит себѣ пристанища. Избавляет же от блудѣ нас не деньга, но молитва туне.

Пишек. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитаніи.

Еродій. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитаніи.

Пишек. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержишься. Однако скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметикѣ ли и геометріи? Ученому ли коему или шляхетному языку?..

Еродій. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

Пишек. Да ты же со мною привитался разными языками.

Еродій. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

Пишек. По крайней мѣрѣ танчить или играть на лютню...

Еродій. А бог с вами! Я и на балалайку, не только на цымбалах, не умѣю.

Пишек. Ха! ха! ха! Ему лютня и цымбали все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка великое врачевство во скорбех, утѣха же в печали и забава в щастіи. Да чего же он тебе научил? Скажи, пожалуй!

Еродій. Ничего.

Пишек. Умора, ей-ей! уморил ты мене смѣхом... Так так-то у вас воспитывают?

Еродій. Так!

Пишек. Может быть, достал тебѣ чинок?

Еродій. Ни!

Пишек. Может быть, деньгу вам велику собрал или имѣніе?

Еродій. Ни!

Пишек. Так что же? Роги золотыя вам на голову возрастил, что ли?

Еродій. Родил и возрастил нам посребренныя крила, ноги, попирающие главы змѣев, нос, разстилающій оныя. Се наша и пища, и слава, и забава!

Пишек. Да у вас же крила черныя, по крайней мѣрѣ смуглыя.

Еродій. Черныя видь, но лѣтают путем посребренным.

Пишек. Чего же либо научил вас, однак: нелзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напеча-

танное. Родители суть божій, чада же суть родительскій список, изображеніе, копія. Как от яблони соки во вѣтви своя, так родительскій дух и нрав переходит в чада, дондеже отлѣчатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навичить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звичайный, хоть привычный есть то же. От природы, яко матери, легенько спѣет наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновение навичишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Елена легко исправишь на Кавказныя горы, привлечешь пить без труда из чистѣйших нагорных водотечей, но не вѣлблюда и не вѣпра. Аще всяческая строит премудрая и блаженная натура, тогда како не единая она и исцѣляет и научает? Всякое дѣло спѣет, аще она путеводствует. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит. Клубок сам собою поточится из горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи родить котиться, а только помогай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрѣжь волчій, очисти гусень, отвори устремляющуюся на корень ея урину¹ и протчая.

¹ Сеча (лат.).

Учитель и врач — нѣсть врач и учитель, а только служитель природы, единственный и истинный и врачевники, и учительницы. Буде кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто же от человѣк, от бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без бога научить или научиться, да пѣмает пословицу: «Волка в плуг, а он в луг». Доколѣ колцо висит из ноздрей свини, дотолѣ не роет. Выйми же, паки безобразит землю.

Сіе нѣсть воспитаніе и нѣсть ученіе, но обузданіе, от человѣческой помощи происходящее, всѣх беззаконников управляющее. Воспитаніе же истекает от природы, вливающаяся в сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дѣлаем все то, еже свято и угодно есть пред богом и человѣки. Коликое идолопоклонство восписывать человѣческим наукам и человѣческим языкам восприносить и воспричитать воспитаніе? Кая полза ангелскій язык без добрая мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благаго? Развѣ еже орудіе злобы, бѣшенству меч и, притчею сказать, «крыла и роги свини». Воззрим, госпоже моя, на весь род человѣческій! У них науки, яко же на торжищах купля, киплят и мнутся. Обаче, они хищнѣе суть птиц, неводержнѣе скотов, злобнѣе звѣрей, лукавѣе гадов, безпокойнѣе рыб, невѣрнѣе моря, опаснѣе африканских пѣсков... Чего ради? Того ради, яко злѣ рѣдятся. Природа благая есть всему начало, и без нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благода-

рю убо неизреченным образом богу во образѣ его святом, во отцѣ моем, яко благо от его родиться сподобил мя есть. Вторая же икона божіа нам есть мати наша. Сего ради главным дарованіем одарен чрез родителей моих; все прочее человѣческое: чин, богатство, науки и всѣ вѣтроносныи их блонды и пукли с кудрями вмѣняю во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

Пишек. Убо что ли есть благо родиться и благая природа есть что ли?

Еродій. Благая природа и врода есть благое сердце.

Пишек. Что ли есть сердце благое?

Еродій. Сердце благое есть то же, что приснотекущій источник, точашій чистыя вѣчно струи, знай, мысли.

Пишек. Что ли суть мысли?

Еродій. Сѣмя благих дѣл.

Пишек. Дѣла же благая суть что ли?

Еродій. Добрыи плоды, приносиміи богу, родителям, благодѣтелям в честь, славу и жертву.

Пишек. Зачем же мнѣ сердце твое не видно?

Еродій. Тѣм, что древеснаго корня не видишь.

Пишек. А ведь вся влага от кореня?

Еродій. От сердца же всѣ совѣты.

Пишек. Кая же твоя природа или врода? К чему ты рожден или врожденное тебѣ что ли? Скажи, молю!

Еродій. Благодарность — вот вам начало и конец моего рожденія!

Пишек. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину щастія основал? Тако ли?

Еродій. Ей-ей! Тритысящолътная печь неопално соблюла притчу сію: «Много хитростей знает лис, а еж одно великое».

Пишек. Но может ли от дождевых безгодій спасти сія, так сказать, куртая и куца куртинка?

Еродій. Довлѣет, как ковчег.

Пишек. Мнѣ кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Еродій. И мнѣ видится малым червончик, но тайно там много сидит гривень.

Пишек. Сего же то ли единого учит тебе твой отец?

Еродій. Единого точію сего. Он родил мнѣ крила, а я сам научился лѣтать. Он вродил мнѣ благое сердце, я же самовольно навываю и глумлюся, сирѣчь забавляюся благодарностію. Он только часто отсѣкает мнѣ волчцы, разумѣй, поступки мои, не сличны благодаренію, орошает бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, как магнитная стрѣла в сѣверную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мученій, благодарная же воля есть всѣх сладостей рай. Сыне (часто вопіет на мене), сыне мой! Ей, учися единыя благодарности. Учися, сидяй в дому,

летяй путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоея. Да будет она тебѣ сладчайшим и вечерним, и ранним, и обѣдним куском! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буй! Не хватайся за хвост, минув голову. Приемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, кои пѣ-сок, черепашины и камушки обращают себѣ вареніем крѣпкаго своего внутренняго жара в питательныи свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что бѣльный желудок, гнушающийся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, приемлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же их и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зѣрном есть благодарность. Она есть дух чистый, тихий, благодущный, благовоный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещит там молнія и гром. Вопреки же, все терніе и волчцы раждаются от насытыя пиявицы зависти, зависть же от ропота, ропот же от неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемым червием, безпереривно денно и ночью душу гризущим. Ах! Дѣти мои, дѣти! Вот вам надежда и гавань! Еухаристіа.

Пишек. А что ли сіе слово значит (еухаристіа)?

Еродій. Еллины сим словом называют благодареніе.

Пишек. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сіе благодареніе ваше воздавать будете?

Еродій. Богу, родителям и благодѣтелям. Оно богу жертва, родителям честь, а благодѣтелям воздаяніе. Обладатели суть первыи благодѣтели.

Пишек. Чудная форма воспитанія. У нас бы осмѣяли из ног до головы вас. Гдѣ сія мода? Разве в Лунѣ или в дикой Америкѣ?

Еродій. Отец наш вельми страннаго сердца. Из тысячи сердец едва одно найти, согласное ему.

Пишек. Так что же прочее?

Еродій. Так не дивитесь чудной формѣ.

Пишек. Как же так? Видь не должно отставать от людей, а люде и мода одна то.

Еродій. О! о! Он от сея думы далече, нежели китайская столица от португалскія. Он нам часто пречасто сію притчу спѣвает:

По мосту, мосточку с народом ходи,
По разуму ж его себе не веди.
За жуком ползая, влѣзешь и сам в глинку.

Он всегда благовѣстит нам, что мода тожде есть, что мир, мир же есть море потопляющихся, страна моровою язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плѣнных, торжище блудников, удица сластолюбная, печь, распалюющая похоти, пир бѣснующихся, лик и коровод пьяно-сумозбродных и не истрезвляться, дондеже изнурятся, кратко сказать,

слѣпцы за слѣпцем в бездну грядуще. Блажен муж, иже не идет на путь его. Вначалѣ видь врата его красны и путь пространный, конец же его — непроходимая пропасть, нетрѣнная дебря, бездна глубока. Ах, каковых он приѣмлет к себѣ? Каковыми же паки отпускает от себе юнош? Если бы ваше, дѣти мои, око прозирало так, как мое, показались бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слѣпо, и злодѣй ваш хитр, сіе источает мнѣ слезы. О юноши! Когда помышляю о вас, в мир устремляющихся, нелзя, чтоб не пала мнѣ во ум притча о волкѣ, кой, пожерши матеръ незлобных агнцов и надѣв кожу ея на себе, приблизился к стаду. Сын же, увидѣвъ мнимую матеръ свою, со всѣх сил устремился к ней, а за ним безчисленныи. Также мнѣ приходят на память наша братія — птицы тетерваки, ганяющіися за изнаша братія — птицы тетерваки, ганяющіися за избиліем пищи и уловляемыи. Но чайки, сосѣдки и дятлы бережливѣе их столько, сколько елени и сайгаки овец и волов. Послушайте, дѣти, отца вашего пѣсеньки сея:

Будь доволен малым. За многим не гонися.
Сѣти, простерты на лов, — вельми бережися.
Я вам предсказываю — роскошно не жити!
На таковых-то всегда запинаят сѣти.
Триста пали в неволю по горячей страсти,
Шестьсот плачут в болѣзнях за временны сласти.
Кто благодарен богу, тот малым доволен,
А ропотник всѣм мыром не сыт и не полен.
Благодарная душа избѣжит от сѣти;
Вмѣсто же ея в сѣти попадет насытый.

Не правду ли я сказал, госпóже моя, что отец наш нравоученіе всегда печатлѣетъ благодарностію? Во благодарности (рече) так сокрылося всякое благо, как огонь и свѣтъ утаился во кремешкѣ. Вѣрую и исповѣдую. Кто бо может возложить руки на чуждое, еще не прежде погубитъ благодарность, довольствующуюся собственным своим, посылаемым ей от бога? Из неблагодарности уныніе, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лѣсть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна. В безднѣ же сей царствуетъ вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и с неусыпным червѣм удка, увязшая в сердце. Сим образом живетъ весь миръ.

Пишечка. Но, друг мой, поколь миръ впадетъ в ров отчаянія, вы с вашею богинею, благодарностію, прежде погибнете от глада, не научившись сыскать мѣсто для пропитанія.

Еродій. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Имѣть пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой философіи блаженнѣйшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

Пишечка. Вот он! Чортъ знает что поет! Развѣ же голодъ то не мѣла?

Еродій. Сію мѣлу исцѣлитъ мука.

Пишечка. Да гдѣ же ее взять?

Еродій. Когда свинья имѣетъ, как ли нам не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинья или наш брат, тетервак, от глада умираетъ? Но от про-

жорства или умираетъ, или страдает. Может ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность бóгу, промысляющему о нас, как бояться глада? Нужнаго видѣ никто не лишается. Почто клеветаете на владыку вселенныя, аки бы он голодом погублялъ своих домохадцов? Пища насущна от небеснаго отца всѣм подается тварямъ. Будь только малым доволен. Не жажди ненужнаго и лишняго. Не за нужным, но за лишним за море плывут. От ненужнаго и лишняго — всякая трудность, всякая погибель. Всякая нужность видѣ есть дешёвая и всякая лишность есть дóрога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не нужна и напротив того. Мы гайстры есмы. Ямы зеліе, вкушаем зёрно, поядаем змій, рѣдко снѣдаем буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Кая чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти, что природная нѣжда малою малостію и малским малым удовлетворяется и что необузданная похоть есть тожде, что питливая пѣявица, раждающая во един день тысящу дочерей, никогда же рекших: «Довлѣет!»

Пишечка. Отрыгну слово еллинское *μῆλα εἶ* (мáла эи) или турецкое *пек эи*. «Вельмѣ добръ», «Благо жел!». Но питливая пѣявица разнообразно из личностей может видѣ помалу-малу насосать себѣ многого добраца, но уже сухая ваша, немазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи, молю, кія вам принесетъ плоды? Чинóк ли, или грунтик, или имперіалик, что ли? Скажи, умиласердись!

Еродій. Она нам не приносит многих плодов, но *един великій*.

Пишек. В одном не много видь добраго найдешь.

Еродій. Отец наш славословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженная; токмо блаженное есть *едино тое*, что *единое* точию есть. На сем *едином*, сего же ради и *святom*, птица обрѣте себѣ хramину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствует ими. «Окаянен (рече) всяк чelовѣкъ естъ и всуе мятется, не обрѣтшій *единое*».

Пишек. Да подай же мнѣ в руки оное твое *единое*!

Еродій. Премудрая и цѣломудрая госпóже! Наше добро во огнѣ не горит, в водѣ не тонет, тля не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу есмь и в том, что щастія и нещастія нелзя видѣть. Обое сіе дух есть, простѣе сказать — мысль. Мысли в сердцѣ, а сердце с нами, будьто со своими крылами. Но сердце невидное. Ведро ли в нем и весна, и брак или война, молнія и гром, — не видно. Отсюду-то и прелщениe, когда нещасных щасливыми, вопреки же, блаженных творим бѣдными.

Пишек. Однак я ничему не вѣрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене из младых лѣтъ мода.

Еродій. Сія мода есть слѣпецкая. Он ничему не вѣрит, поколь не ощупает лбом стѣны и не падет в ров.

Пишек. По крайней мѣрѣ назови именем духовное твое оное *едино*. Что ли оно?

Еродій. Не хочется говорить. Певно, оно вам постылою покажется пустошью.

Пишек. Здѣлай милость, открой! Не мучи.

Еродій. Оно еллински именуется — *Χαῖρά*¹ или *εὐφροσύνη*¹ (эвфросина).

Пишек. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сія твоя харя?

Еродій. Будете видѣ смѣяться.

Пишек. Что ж тебѣ нужды? Смѣх сей есть пріятельскій.

Еродій. Оно есть веселіе и радость.

Пишек. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весіол! Ты мнѣ сим смѣхом на три дня здравія призапасил.

Еродій. Для мене видь лучше веселіе без богатства, нежели богатство без веселія.

Пишек. О мати божая, помилуй нас!.. Да откуда же тебѣ радость сія и веселіе? Оттуду, что ты гол? Вот! в какую пустошь ваша вас приводит благо-

¹ Радість (грецьк.).

дарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселіе так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тверда радость, вѣтренно веселіе есть что ли? Пустая мечта — мечѣтна пустыня, соніе встающаго.

Еродій. Воистину тако есть. Всяк тѣм веселится, что обожает, обожает же то, на что надѣется. Павлин надѣется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродій же веселится тѣм, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ то, что я гол да весіол. Но сіе же то самое веселит мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣюшійся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше не на сахарном ліодкѣ, не на золотом пѣскѣ, не на буйном возкѣ, но на облачном столпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова вовѣк не одолѣют. Впрочем, в кую суету наша нас вводит благодарность? Не клеветите ее. Она никогда не низводит во врата адова. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господня, неблагодарность — во адская, возлюбив суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповѣди господни, и путь нечестивых, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, им же ходят блаженны непорочныи. Что бо есть оный бог: «В них же бог мыра сего ослѣпил разумы»? Бог сей есть неблагодарность. Всѣ духом ея водимыи, аки стадо гергесенское, потопляются во

езерѣ сует и увязают во блатѣ своих тлѣнностей, ядуше вся дни живота своего и не насыщающесе, жаждущи, ропотливы и день от дня неблагодарны; понеже бо не искусиша божія заповѣди имѣти в разумѣ и презрѣли вкусити ангелскаго сего хлѣба, услаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде их вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости там, гдѣ ея не бывало, и бояться страха, идѣ же не бѣ страх, дабы из единыя несытости 300 и из единыя неблагодарности 600 родилось дщерей во истомленіе и мученіе сердцам и тѣлесам их и во исполненіе Исаиных слов: «Сами себѣ ражжегосте огонь вождельній ваших, ходите убо во пламенѣ огня вашего и опаляйтесь». Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свѣтлость высоты небесныя, аще не заповѣди господни, просвѣщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая драгоценныя одежды, сладныя трапезы, свѣтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престол свой поставляющая выше скиптра и царствія божія, выше воли и заповѣдей его? Не только же, но и всѣ служебныи духи (разумѣи, науки мырскія) возносятся и возсѣдают выше царицы своея, выше божія премудрости. Кто есть мати сих блядивых и презорливых бѣсиков? — гордость. Гордости же кто мати? — зависть. Зависти же кто? — похоть. Похоти же кто? — неблагодарность. Небла-

годарности же кто? — никто! Тут корень и адское тут дно. Сія адская душка, жаждна утроба, алчная бездна, рай заповѣдей господних презрѣвшая, ни-когда же ничим же удовлетается, дондеже живет, пла-менем и хвастіем похотей опалается, по смерти же гóрѣ жжется углѣм и жупелем своих вождельнѣй. Что бо есть сердце, аще не печь, горящая и дымя-щая вечно? Что же паки есть смерть, аще не от снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую видь во внутреннем судилищѣ, зерцалом, тайно образу-ющим живо беззаконія, тайно уязвляет свѣжая память, во снѣ же гóрѣ ужасными мѣчтами, страшными привидѣннѣй театрами и дикообразными страшили-щами смущает и мучит таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною местию. Из неблагодар-наго сердца, аки из горнила вавилонскаго, похотнѣй о́гнь, пламенными крилами развѣваяся, насиліем сердце восхищает, да, яже ненавидит, таяжде и тво-рит и тѣмжиде мучится. Ничто же бо есть вѣчная мука, токмо от самаго себе осуждаться, быти до-стойным мести. Грѣх же достоинством, аки жалом, уязвляет душу, покрывающей тмѣ и находящу стра-ху. Надлѣтает же страх оттуду, яко помыслы, не обрѣтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свѣта надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумѣвают, како бы улучшить исход злключенію... Отсюда раскаеваются без ползы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарну!

Пишек. Уа! Как балалайку, наладил тебе твой отец. Бряцаешь не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть то же, что печь.

Еродій. Всякое сердце есть жертвенник, огни-ще или каминок...

Пишек. Что же ты замолк?

Еродій. Желаніе есть то неугасаемый о́гнь, день и ночь горящій. Дрова суть то вся, желаемая нами. Сіе горнило і сія бездна — углѣ огненное, куреніе дыма восходящія до небес и нисходящія до бездн пламенные волны вѣчно изблевают, сама сущи морских бездн и ширина небес всѣх. Тут-то слично подобает сказать святаго Ісїдора слово: «О чело-вѣче! Почто дивишься высотам звѣздным и морским глубинам? Внїди в бездну сердца твоего! Тут-то дивися, аще имаши очи». О, глубокое сердце чело-вѣку, и кто познает его? О, сердце и воля, непре-дѣльный и безконечный аде!

Пишек. Видь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокошет, пѣнится. Так ли?

Еродій. Содома видь горит, курит и протчая, сирѣчь неблагодарное сердце. О всѣх бо неблагодар-ных пишется: «Горе им, яко в путь Каинов поидо-ша...» Но не всѣ же суть сердца Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило-дым, возвѣвающіи во обоняніе господа вседержите-ля. Не вѣсте ли, госпоже моя, яко пеларгіанскій род есмы, раждаемый ко благодарности? Сего ради и от чело-вѣк благочестивыи нашим именем знаменаются

(еродиос), божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаем безуміа богу, тшчаніем не лѣнны, духом горяще, господѣи работающе, упованіем радующеся, скорби терпяще, в молитвах пребывающе, о всем благодаряще, всегда радующеся.

Пиш ек. Развѣ же у вас благочестіе и благодарность есть тоже?

Ероді й. Развѣ же то не тоже есть: благое чествовать и благій дар за благо почитать? Благочестіе чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность есть дочь благодарности. Благодарность есть дочь духа вѣры. Тут верх... Вот вам Араратска гора!

Пиш ек. Признаюсь, друже, что сердце мое нудится дивитися сердцу, неописанной (по глаголу твоему) безднѣ. Оно мнѣ час от часу удивительнѣе. Слово твое дѣйствует во мнѣ, будто жало, впущенное в сердце пчелоу.

Ероді й. Сего ради ублажаю вас.

Пиш ек. О чем?

Ероді й. О том, что ваше желаніе, или аппетит, начал остритися ко единой сладчайшей и спасительнѣйшей со всѣх пищей пищѣ. Как денница солнце, так и сіе знаменіе ведет за собою здравіе. Недужной утробѣ мерзка есть яд самая лучшая и яд для нея. Здравое же и обновленное, яко орляя юность, господем сердце преображает и яд в сладкополезну яд. Кая спасительнѣе пища, как бесѣда о богѣ? И всѣ гнушаются. Что горестнѣе есть, как пароксизмами

мырских сует волноватися? И всѣ улаждаются. Откуда сія превратность? Оттуду, яко глава у них болит. Больны, послѣды же мѣртвы, и нѣсть Елиссея сих умонедужных и сердобольных отроков воскресити. Что бо есть в чловѣкѣ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же чловѣку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли есть болящаго сего отрока, аще не перлома-ть, плоть тѣла нашего, соблюдающая во утробѣ своей бысер оный: «Сыне, храни сердце твое!», «Сыне, даждь мнѣ сердце твое!», «Сердце чисто созижди во мнѣ, боже!». О блажен, сохранившій цѣло цѣну сего маргарита! О благодарности, дочь господа Саваофа, здравіе жизнь и воскресеніе сердцу!

Пиш ек. Пожалуй, еще что-либо поговори о сердцѣ. Вельмѣ люблю.

Ероді й. О любезная госпѣже моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесѣдовать о сердце не будет вам ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его нареченны — «царское священіе».

Пиш ек. Для чего?

Ероді й. Для того, что вся протчая дѣла суть хвост, сіе же ест глава и царь.

Пиш ек. Ба! А что значит глум? Я вовся не разумѣю. Мню, яко иностранное слово сіе.

Ероді й. Никако. Оно есть ветхославенское, значит то же, что забава, еллински (διατριφή — диатриба), сирѣчь провожденіе времени. Сей глум

только велик, яко нарочито бог возбуждает к нему: «Упразднитеся и уразумѣйте», только же славен, яко Давид им, яко же царским, хвалится: «Поглумлюся в заповѣдех твоих». Древле един точію Израиль сею забавою утѣшался и наречен языком святым, протчи же языцы, гонящи и хранящи суетная и ложная, — псами и свиніями. Сей царскій театр и дивный позор всегда был присный и неразлучный всѣм любуемым, благочестивым и блаженным людям. Всякое позорище ведет за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать: чем болѣе зрится, тѣм живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутреннѣе отверзается, только множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и несытый сот вѣчности? Мыр насытый есть, яко не удовлетворяет. *Вѣчность* насыта, яко не огорчает. Сего ради глаголет: «Сыне, храни сердце твое». Разжевав, скажите так: «Сыне, отвори очи твои от сует мирских, перестань примѣчать враки его, обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тут дѣлай наблюденія, тут стань на стражѣ со Аввакумом, тут тебѣ обсерваторіум, тут-то узришь, чего никогда не видал, тут-то удивишься, насладишься и успокоишься».

Пишешъ. Но для чего, скажи мнѣ, всѣ сердце презираютъ?

Еродій. Для того, что всѣ его цѣны не прозирают. Сердце подобно царю, во убогой хижинкѣ и в ризѣ живущему. Всяк его презирает. А кому яви-

лося величествіе его, тот, пад ниц, раболѣпно ему поклоняется и сколь можно, все презрѣвъ, наслаждается его и лица и бесѣды. Слово сіе: «Сыне, храни сердце твое» — сей толк и сок утаевает. Сыне! не взирай на то, что твое тѣлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, портище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. В хижинкѣ той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, петру и спасеніе твое. Быстро только храни, блюди и примѣчай. А когда паки Давид говорит: «Поглумлюся в заповѣдех твоих», — не то же ли есть, что сказать так: «Наслажуся твоего лица, словес твоих, совѣтов и повелѣній»? Самое видѣ величествіе его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой видѣ вопль сей: «Исповѣмся тебѣ, яко страшно удивил мя еси». В древняя лѣта между любомудрыми встал вопрос сей: «Что ли есть наибольшее?..» О сем всѣ размышляли чрез долгое время, лѣтом и зимою, ношю и днем. Породилися о сем книги. Отдавалось от ученых гор по всей вселеннѣй многое многих отвѣтов и разногласное эхо. Тогда-то размѣсишася и сліяшася языцы. Встал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотвореніи обрѣтется муж нѣкій, не ученый, но себе прозрѣвшій. Сей, паче надежды, обезглавил Голиафа. Смутилася и воскипѣла вся мусикія, поющая пѣсни бездушному истукану, тлѣнному сему мыру, со златою его гла-

вою — солнцем. Злоба правдѣ приразилась, но о кифу вся разбилась. Востали борющія волны, но побѣду достала славна сія слава: «Посредѣ (рече) вас живет то, что превыше всего есть». О боже, коль не слична мусикія без святаго духа твоего! И коль смѣхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю вас, любезная госпóже моя, не смѣйтеся и не хулите отца моего за то, что ничего нас не научил, кромѣ благодарности. Я стану плакать, утеку и полечу от вас.

Пишѣк. Пстой, пстой, любезный мой Еродій! Нынѣ не только не хую отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынѣ начало мнѣ, аки утро зарѣтъ, тако открыватися, коль великое дело есть *благодарность*! Сотвори милость, еще хотя мало побесѣдуй.

Еродій. О добродѣйко моя! Пора мнѣ за моим дѣлом лѣтѣть.

Пишѣк. Дуже мой сердечный! Я знаю, что отец твой есть милосердая и благочестивая душа, не разгнѣвается за сіе.

Еродій. Чего ж вы желаете?

Пишѣк. Еще о сем же хоть мало побесѣдуем.

Еродій. Станем же и мы ловить птицу тысячу лѣт.

Пишѣк. Что се ты сказал?

Еродій. Вот что! Нѣкій монах 1000 лѣт ловил прекраснѣйшую из всѣх птиц птицу.

Пишѣк. Знал ли он, что уловит?

Еродій. Он знал, что ее вовѣки не уловит.

Пишѣк. Для чего ж себе пусто трудил?

Еродій. Как пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуют. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

Пишѣк. Вот развѣ чудный твой глум и дивная діатрибáл!

Еродій. Воистину чудна, дивна и прекраснѣйша птица есть вѣчность.

Пишѣк. О! Когда вѣчность ловил, тогда не всеу трудился. Вѣрую, что она слаже меда. Посему великое дѣло есть сердце, яко оно есть вѣчность.

Еродій. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего толикаго дара и единого блага слѣпая неблагодарность, не чувствуя за 1000 бездѣлиц, всякій день ропщет на промысл вѣчнаго и сим опалается. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое — и вдруг оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездно? Како воля твоя низвергнула тебе во мрачную сію бездну, преобразив свѣтъ твой во тму? Любезная мати, разумѣете ли, откуда родится радуга?

Пишѣк. А скажи, пожалуй, откуда? Я не знаю.

Еродій. Когда смотрит на себе в зерцáлѣ пречистых облачных вод солнце, тогда его лице, являемое во облаках, есть радуга. Сердце человѣческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждает предѣл обуреваній, иже есть радостная она дуга Ноева:

Прошли облака,
Радостна дуга сієт.
Прошла вся тоска,
Свѣтъ наш блистает.

Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миновал мрак и шум мырскаго вѣтра.

Дуга, прекрасна сіяніем своим, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ с небесе спала еси? Ах! Низвергла тебе гордость, дочь безчувственная неблагодарности, предпочетшая хобот паче главы, снѣнь прехождая паче мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожает, в то себе преображает. Удивительно, како сердце из вѣчнаго и свѣтлаго преобразается в темное и сокрушенное, утвердившись на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таков, аще себѣ зол, кому добр будет? «Разумивый же праведник себѣ друг будет и стези своя посреде себе упокоит». Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе — имѣть дома, внутрь себе, все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своєї, от самаго сердца, аки тѣнь от своего дуба, и аки вѣтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящія. Вот тогда-то уже рождается нам из благодарности матерѣ подобная дочь, еллински именуемая *ὑπότακτη* (автаркѣя), сирѣчь самодовольность, быть самым собою и в себѣ довольным, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плод, в первом Павловом письмѣ к Тимофею, в стихѣ 6-м так: «Есть снисканіе

веліе — благочестіе с доволством». Вот вам два голубиная крила! Вот вам двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности — благочестность и самодовольность. «И полещу и почию». Да запечатлѣтся же сія бесѣда славою отца моего сею: *главизна воспитанія есть*: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности.

Пишечк. Ба! На что ж ты поднял крила?

Еродіѣ. Прощайте, мати. Полечу от вас. Сердце мое мнѣ зазирает, что не лечу за дѣлом.

Пишечк. По крайней мѣрѣ привитайся з дочерью моими.

Еродіѣ. Здѣлайте милость! Избавте мене от вашего типика.

Пишечк. Мартушка моя поиграет тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоеет или потанчит. Они чрез верх благородно воспитаны и в модѣ у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пѣсеньки слагают? И вѣришь ли, что они в модѣ при дворѣ у марокскаго владѣльца? Там сынок мой пажем. Недавно к своей роднѣ прилетѣл оттуда здешній попугай и сказал, что государь жаловал золотую табакирку...

Еродіѣ. На что ему табакирка?

Пишечк. Ха-ха-ха! На что? Наша видь честь зависит, что никто удачнѣе не сообразуется людям, как наш род. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Еродіѣ. Не знаю.

Пишек. Имя ему Пъшок. Весьма любезное чадо.

Еродій. Бога ради, отпускайте мене!

Пишек. Куда забавен скакун! Как живое серебро, вѣсми составами мает. Принц любит его, цѣлые часы проводит с ним, забавляясь.

Еродій. О сем его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

Пишек. Постой, друг мой, постой! А о благом рожденіи не сказал ты мнѣ ни слова? Так ли? О-о, полетѣл! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, сказал...

Вертушка. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рожденіи принесу вам карту.

Пишек. А когда же то будет?

Еродіи не лгут. Он в слѣдующем мѣсяцѣ маѣ паки посѣтил сію госпожу. Принес о благом рожденіи свиток, но не мог ничем ее утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жестоцае не свирѣпѣет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надѣжду свою на лживом морѣ мыра сего и на лжекамнях его, ўзрит, наконец, опроверженное гнѣздо свое и разоряющійся град ложнаго блаженства. Господин Пъшок, прескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшія дщери начали безчинствовать и хамским досажденіем досаждают матерѣ. Вскоре она ўмре, дом же стал пуст. Тогда, аки желѣзо на водѣ, всплыла наверх *правда*, яко

силнѣе всего есть страх божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродій, отлѣтая, повѣсил на цвѣтущем финикѣ лист сей:

СВИТОК

о благом рожденіи чад ради благочестивых, сострастных и здравых родителей

Сѣй в первую и втору луну, сирѣчь в квадр, Сѣй, изшед из пиров и бесѣд священных. Зрѣвъ мертвеца или страшен позор, не сѣй. Заченшей сверх не сѣй. Не в мѣру пян не сѣй. Зачѣнша да носит в мыслях и в позорах святых, И в бесѣдах святых, чужда страстных бурей, В тихом безстрастїи во зрѣніи святых.

Тогда собудется: «И пройде дух хлада тонка и тамо бог» (Книга Царств).

По сем гайстер вознесся выпрѣ, воспѣвал мало-россійску пѣсенку сію:

Соловечку, свѣтку, свѣтку!
Че бывал же ты в садку, в садку?
Че видал же ты, как сѣют мак?
Вот так, так! Сѣют мак.
А ты, шпачку, дурак...

Сію пѣсенку мальчики, составив лик, сирѣчь хор, или коровод, домашніи его пѣвчіи во увеселеніе спѣвали святому блаженному епископу Іоасафу Горленку.

УБОГИЙ ЖАЙВОРОНОК

П р и т ч а

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ, ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ДИСКОМУ,
ЖЕЛАЕТ ИСТИННАГО МИРА

Жизнь наша есть вѣдъ путь непрерывный. Мир сей есть великое море всѣм нам плывущим. Он-то есть океан, о, вельми немногими щастливцами безбѣдно преплавляемый. На пути сем встрѣчают каменные скалы и скалки, на островах сирены, в глубинах киты, по воздуху вѣтры, волненія повсюду; от камней — претыканіе, от сирен — прельщеніе, от китов — поглощеніе, от вѣтров — противленіе, от волн — погруженіе. Каменные вѣдъ соблазны суть то неудачи; сирены суть то лъстивыя други, киты суть то запазушніи страстей наших змѣи, вѣтры, разумѣй — напасти, волненіе, мода и суета житейска... Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, если бы в пути его не был наставником Рафаил. Рафа (еврейски) значит медицину, *ил* или *эл* значит бога. Сего путеводника промыслил ему отец его, а сын нашел в нем божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце, по сердцу же и тѣло, яко от сердца зависящее. Іоанн, отец твой, в седьмом десяткѣ вѣка сего (в 62-м году) в городъ Купянскъ первый раз взглянул на мене, возлюбил мене. Он никогда не видѣл мене. Услышав же имя, выскочил и, достигши

на улицѣ, молча в лице смотрѣлъ на мене и принимал, будто познавая мене, толь милым взором, яко до днесь, в зеркалѣ моея памяти, живо мнѣ он зрится. Воистину прозрѣлъ дух его прежде рождества твоего, что я тебѣ, друже, буду полезным. Видишь, коль далече прозирает симпатія. Се нынѣ пророчество его исполняется! Приими, друже, от мене маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ Убогаго моего Жайворонка. Он тебѣ заспѣвает и зимою, не в клѣткѣ, но в сердцѣ твоём, и нѣсколько поможет спастися от ловца и хитреца, от лукаваго міра сего. О боже! Коликое число сей волк день и ночь незлобных жрет агнцов! Ах, блюда, друже, да опасно ходиши. Не спит ловец. Бодрствуй и ты. Оплошность есть мати нещастія. Впрочем, да не соблазнит тебѣ, друже, то, что тетервак назван Фридриком. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. Всю вѣдъ Малороссію Велероссія нарицает тетерваками. Чего же стыдиться! Тетервак вѣдъ есть птица глупа, но не злобива. Не тот есть глуп, кто не знает (еще все перезнавшій не родился), но тот, кто знать не хочет. Возненавидь глупость: тогда, хотя глуп, обаче будеши в числѣ блаженных оных тетерваков: «Обличай премудраго — и возлюбит тя». Обличай-де его, яко глуп есть. Как же он есть премудр, яко не любит глупости? Почему? Потому что пріемлет и любит обличеніе от друзей своих. О, да сохранит юность твою Христос от умащающих елеем главу твою, от домашних сих тигров и сирен. Аминь!

1787-го лѣта, в полнолуніе послѣднія луны
осеннія.

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА УБОГИИ ЖАЙВОРОНОК

С ним разглагольствует тетервак о спокойствіи
ОСНОВАНІЕ ПРИТЧИ

«Той избавит тя от сѣти ловчія...» (Псалом 90,
ст. 3).

«Бдите и молитесь, да не внидите в напасть».

«Горе вам, богатолюбцы, яко отстоите от утѣше-
нія вашего».

«Блажени нищии духом...»

«Обрящете покой душам вашим...»

Тетервак, налетѣвъ на ловчую сѣть, начал во весь
опор жрать тучную ядь. Нажрався по уши, похажи-
вал, надуваясь, вельми доволен сам собою, аки буй-
ный юноша, по модѣ одѣтый. Имя ему Фридрих.
Родовое же, или фамильное, прозваніе, или, как
обычно в народѣ говорят, фамилія — Салакон.

Во время оно пролѣтал Сабаш (имя жайворон-
ку); прозваніем Сколарь.

— Куда ты несешься, Сабаш? — воскликнул, на-
дувшись, тетервак.

С а б а ш. О возлюбленный Фридрих! Мир да
будет тебѣ! Радуйся во господѣ!

С а л а к о н. Фе! Запахла школа.

С а б а ш. Сей дух для мене мил.

С а л а к о н. По губам салата, как поют притчу.
С а б а ш. Радуюся, яко обоняніе ваше исцѣли-
лося. Прежде вы жаловались на насморк.

С а л а к о н. Протершись, брат, меж людьми,
нынѣ всячину разумѣю. Не уйдет от нас ничто.

С а б а ш. Тетервачій вѣдь ум остр, а обоняніе
и того вострѣе.

С а л а к о н. Потихе, друг ты мой. Вѣдь я нынѣ
не без чинишка.

С а б а ш. Извините, ваше благородіе! Ей, не
знал. Посему-то вѣдь и хвост, и хохол ваш нынѣ
новомодными пуклями и кудрявыми раздуты завер-
тасами.

С а л а к о н. Конечно. Благородный дух от моды
не отстаёт. Прошу, голубчик, у меня откусать. Бог
мнѣ дал изобиліе. Видишь, что я брожу по хлѣбѣ?
Не милость ли божія?

С а б а ш. Хлѣб да соль! Изволите на здравіе
кушать, а мнѣ неколи.

С а л а к о н. Как неколи? Что ты взбѣсился?

С а б а ш. Я послан за дѣлом от отца.

С а л а к о н. Плюнь! Натѣвшись, справишься.

С а б а ш. Не отвлечет мя чрево от отчія воли,
а сверх того, боюсь чуждаго добра. Отец мой от
младых ногтей спѣвает мнѣ сія: «Чего не положил,
не руш».

С а л а к о н. О труслива тварь!

С а б а ш. Есть пословица: «Боязливаго сына
матери не плачет».

С а л а к о н. Вѣдь оно теперь мое. У нас поют так: «Ну, что бог дал, таскай ты все тое в кошель».

С а б а ш. И у нас поют, но наша разнит пѣсенка с вами. Вот она: «Все лишне отсѣкай, то не будет кашель». Сверх же всего влюблен есмь в нищету святую.

С а л а к о н. Ха-ха-ха-хе! «В нищету святую...» Ну ее со святынею ея! Ступай же, брат! Влечи за собою на веревкѣ и возлюбленную твою невѣсту. Дуракови желает добра, а он все прочь. Гордая нищета ненавидит душа моя пуще врат адских.

С а б а ш. Прощайте, ваше благородіе! Се отлѣтаю, а вам желаю: да будет конец благ!

С а л а к о н. Вот полетѣл! Не могу довольно надивиться разума сим школярским. «Блаженны-де нищіи...» Изрядное блаженство, когда нечево кусать! Правда, что и много жрать, может быть, дурно, однако же спокойнѣе, нежели терпѣть глад. В селѣ Ровенках прекрасную слышал я пословицу сію: «Не ѣвши — легче, поѣвши — лучше». Но что же то есть лучше, если не то, что спокойнѣе? «Не тронь-де чуждаго...» Как не тронуть, когда само в глаза плывет? По пословицѣ: «На ловца звѣрь бѣжит». Я вѣдь не в дураках. Черепок нашол — миную. Хлѣб попался — никак не пропущу. Вот это лучше для спокойствія. Так думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожден, да и протерся меж людьми, слава богу. Мода и свѣтъ есть наилучшій учитель и лучшая школа всякія школы. Правда, что было время, когда

и нищих, но добродѣтельных, почитали. Но нынѣ свѣтъ совѣм не тот. Нынѣ, когда нищ, тогда и бѣдняк и дурак, хотя бы то был воистину-израильтянин, в нем же лѣсти нѣсть. Потерять же в свѣтѣ доброе о себѣ мнѣніе дурно. Куда ты тогда годишься? Будь ты каков хочешь в нутрѣ, хотя десятка шибениц достоин, что в том нужды? Тайная бог вѣсть. Только бы ты имел добрую славу в свѣтѣ и был почетным в числѣ знаменитых людей, не бойся, дерзай, не подвижишься вовѣк! Не тот прав, кто в существѣ прав, но тот, кто вѣдь не прав по истѣ, но казаться правым умѣет и один токмо вид правоты имѣет, хитро лицемѣрствуя и шествуя стезею спасительных оных притчи: «Концы в воду». Вот нынѣшняго свѣта самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тот един есть счастлив, кто не прав вѣдь по совѣсти, но прав есть по бумажкѣ, как мудро глаголют наши юристи. Сколько я видал дураков — всѣ глупы. За богатством-де слѣдует безпокойство. Ха-ха-ха! А что же есть безпокойство, если не труд? Труд же не всякому благу отец. Премудро вѣдь воспѣвают русскіе люди премудрую пословицу сію:

Покой воду пьет,
А непокой — мед.

Что же ли дать тебѣ пить виновница всѣх зол — праздность?

Развѣ поднесет тебѣ на здравіе воду, не мутящую ума?

Кому меньше в жизни треба,
Тот ближе всѣх до неба.

А кто же сіе спѣвает? Архидурак нѣкій древній,
нарицаемый Сократ. А подпѣвает ему весь хор ду-
рацкій. О, о! Весьма они разнят в нашем хорѣ. Мы
вот так поем:

Жри все то, что пред очима,
А счастье за плечима.
Кто несмѣлый, тот страдает,
Хоть добыл, хоть пропадает.
Так премудрый Фридрих судит,
А ум его не заблудит.

Между тѣм, как Фридрих мудрствует, прилетѣла
седмица тетерваков и три братанича его. Сіе кап-
ральство составило богатый и шумный пир. Он со-
вершался недалеко от байрака, в коем дятел высту-
кивал себѣ носиком пищу, по древней малороссійской
притчѣ: «Всякая птичка своим носком жива».

Подвижный Сабашик пролетал немалое время.
Пробавил путь свой чрез три часа.

Он послан был к родному дядѣ пригласить его на
дружескую бесѣду и на убогій обѣд к отцу. Возвра-
щаясь в дом, забавлялся пѣсенкою, научен от отца
своего измлада, сею:

Не то орел, что лѣтает,
Но то, что легко сѣдает.
Не то скуден, что убогой,
Но то, что желает много.

Сласть ловить рыбы, и звѣри,
И птиц, вышедших из мѣры.
Лучше мне сухарь с водою,
Нежели сахар с бѣдою.

Летѣл Сабаш мимо байрака. «Помогай бог,
дубел!» — сіе он сказал на вѣтер. Но нечаянно из-за
дуба отдался глас таков:

«Гдѣ не чаешь и не мыслишь, там тебѣ друг буде...»
«Ба-ба-ба! О любезный Немес! — воскликнул от
радости Сабаш, узрѣв дятла, именуемаго Немес. —
Радуйся, и паки реку — радуйся!»

Немес. Мир тебѣ, друже мой, мир нам всѣм!
Благословен господь бог израилев, сохраняяй тя
доселѣ от сетованія.

Сабаш. Я сѣть разумѣю, а что значит сѣтова-
ніе — не знаю.

Немес. Наш брат, птах, когда впадет в сѣть,
тогда сѣтует, сирѣчь печется, мечется и бьется о из-
бавленіи. Вот сѣтованіе.

Сабаш. Избави, боже, Израиля от сих скорбей
его!

Немес. А я давеча из того крайняго дуба взи-
рал на жалостное сіе позорище. Взглянь! Видишь
ли сѣть напялену? Не прошел час, когда в ней и вкруг
ея страшная совершалася, будто бендерская, осада.
Гуляла в ней дюжина тетерваков. Но в самом шумѣ,
и плясаніи, и козлогласованіи, и прожорствѣ, как
молнія, пала на их сѣть. Боже мой, коликая молва,

лопот, хлопот, стук, шум, страх и мятеж! Нечаянно выскочил ловец и всѣм им переломал шею.

С а б а ш. Спасется ли кто от них?

Не м е с. Два, а прочіе всѣ погибли. Знаешь ли Фридрика?

С а б а ш. Знаю. Он добрая птица.

Не м е с. Воистину тетервак добрый. Он-то пролетѣл мимо мене из пира, теряя по воздуху перья. Насилу я мог узнать его: трепетен, растрепан, распушен, замят... как мыш, играема котом; а за ним издавеча братаничъ.

С а б а ш. Куда же он полетѣл?

Не м е с. Во внутренній байрак оплакивать грѣхи.

С а б а ш. Мир же тебѣ, возлюбленный мой Немес! Пора мнѣ домой.

Не м е с. А гдѣ ты был?

С а б а ш. Звал дядю в гости.

Не м е с. Я вчера с ним видѣлся и долго бесѣдовал. Лети жъ, друже мой, господь на всѣх путѣх твоих, сохраняя вхожденія твоя и исхожденія твоя. Возвѣсти отцу и дядѣ мир мой.

Сіѣ вѣсть неизрѣченно Сабаша утратила. Сего ради он не признался Немесу, что бесѣдовал с Фридриком пред самым его несчастіем. «Ну,— говорил сам себѣ,— научайся, Сабаш, чуждою бѣдою. Для того-то бѣют песика пред львом (как притча есть), чтоб лев был кроток. О боже! В очах моих бѣшь и ранишь других, достойнѣйших от мене, да утрат-

шуся и трепещу беззаконныя жизни и сластей міра сего! О сласть! О удина и сѣть ты дьявольска! Коль ты сладка, яко всѣ тобою плѣнены! Коль же гибельна, яко мало спасаемых! Первое всѣ видят, второе — избранныи».

Таковым образом жестоко себѣ наказывала и сама себѣ налагала раны сія благочестивая врода и, взирая на чужую бѣдность, больше пользовалась, нежели собственными своими язвами, бѣеми от бога, жестокосердыи беззаконники, и живѣе научалась из черныя сея, мірскія бѣды содержащія (черная бо книга, бѣды содержащая, есть то сам мір) книги, нежели нечестивая природа, тысячу книг перечесть разноречивых. О таковых вѣдь написано: «Вѣсть господь не повинныя избавляти от напасти... Праведник от лова убѣгнет, вмѣсто же его предается нечестивый».

В сих благочестивых мыслях прилетѣл Сабаш домой, а за ним вскорѣ с двома своими сынами приспѣл дядя. Созваны были и сосѣды на сей убогій, но целомудренный пир и безпечный. В сей маленькой сторонкѣ водворялася простота и царствовала дружба, творящая малое великим, дешевое дорогим, а простое пріятным. Сія земля была часточка тоя земельки, гдѣ странствовавшая между челоуки истина и, убегающая во злѣ лежащаго міра сего, послѣдніе дни пребыванія своего на землѣ провождала и остатній роздых имѣла, дондеже возлетѣла из долних в горнія страны.

Сабаш, отдав отцу и дядѣ радость и мир от Немеса, тут же при гостях возвѣстил все приключившееся. Гостей был сонм немал со чады своими, отроками, и юношами, и женами. Алауда — так нарицался отец Сабашов — был научен наукам мірским, но сердце его было — столица здраваго разума. Всякое дѣло и слово мог совершенно раскусить, обрѣсти в нем корку и зерно, яд и ядь сладкую и обратить во спасеніе.

Алауда во слух многих мужей, юнош и отроков научал сына так: «Сыне мой единородный, приклони ухо твое. Услыши глас отца твоего и спасеши от сѣти, яко же серна от ловцов. Сыне, аще премудр будеши, чуждая бѣда научит тебе, дерзкій же и безсердый сын уцѣлится собственным искушеніем. И сіе есть бѣдственное. Сыне, да болит тебѣ ближняго бѣда! Любляй же свою бѣду и не боляй о чуждой, сей есть достоин ея. Не забуди притчи, кую часто слышал еси от мене, сея: «Песика быют, а левик боится».

Кая польза читать многія книги и быть беззаконником? Едину читай книгу — и довлѣет. Воззри на мір сей. Взглянь на род человѣческій. Он вѣдь есть книга, книга же черная, содержащая бѣды всякаго рода, аки волны, востающія непрестанно на морѣ. Читай ее всегда и поучайся, купно же будто из высокія гавани на бѣснующуюся океан взираи и забавляйся. Не всѣ ли читают сію книгу? Всѣ. Всѣ читают, но несмысленно. Пяту его блюдут, как написано, на

ноги взирают, не на самый мір, сирѣчь не на главу и не на сердце его, смотрят. Сего ради никогда его узнать не могут. Из подошвы человѣка, из хвоста птицы — так и міра сего: из ног его не узнаешь его, развѣ из главы его, разумѣй, из сердца его. Кую тайну затворяет в себѣ гаданіе сіе?

Сыне, всѣ силы моя напрогу, чтоб развязать тебѣ узел сей. Ты же вонми крепко. Тетервак видит сѣть и в сѣти ядь, или снѣдь. Он видит что ли? Он видит хвост, ноги и пяту сего дѣла, главы же и сердца сея твари, будто самыя птицы, не видит. Гдѣ же сего дѣла глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце в тѣлѣ его, утаенном за купиною. Итак, тетервак, видя едину пяту в дѣлѣ сем, но не видя в нем главы его, видя — не видит, очит по тѣлу, а слѣп по сердцу. Тѣло тѣлом, а сердце зрится сердцем. Се видь она евангельская слѣпота, мати всякія злости! Сим образом всѣ безумные читают книгу міра сего. И не пользуются, но увязают в сѣти его. Источник рѣкам и морям есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источник всѣм дѣлам и всему міру. Ничто же бо есть мір, точію связь, или состав дѣл, или тварей. И ничто же есть вѣка сего бог, развѣ мірское сердце, источник и глава міра. Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего міра, возводи сердечное твое око во всяком дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источник его, тогда, узнав начало и сѣмя его, будеши прав судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую исту, истина же избавит тя

от всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣл
суть, тогда и два сердца. Аще же два сердца, тогда
и два духи — благій и злый, истинный и лестчій...
По сих двоих источниках суди всякое дѣло. Аще сѣмя
и корень благ, тогда и вѣтви и плоды. Нынѣ, сыне
мой, буди судія и суди учинок тетерваков. Аще право
осудиши, тогда по сему образу первый судія будеши
всему міру. Суди же тако.

Напал тетервак на снѣдь. Видиши ли сіе? Как не
видѣть? Сіе и свинія видит. Но сіе есть едина точію
тѣнь, пята и хвост. Тѣнь себѣ ни оправдает, ни осуж-
дает. Она зависит от своей главы и исты. Воззри на
источник ея — на сердце, источившее и родившее ее.
От избытка бо сердца, сирѣчь от бездны его, глаго-
лют уста, ходят ноги, смотрят очи, творят руки. Зри!
Аще сердце тетерваково благо, откуда родилось сіе
его дѣло, тогда и дѣло благо и благословенно. Но не
видишь ли, яко зміина глава есть у сего дѣла? Сіе
дѣло родилось от сердца неблагодарнаго, своею
долею недовольнаго, алчущаго и похищающаго
чуждое...

Сія то есть истинная авраамская богословія —
прозрѣть во всяком дѣлѣ гнѣздящагося духа: благ
ли он или зол? Не судить по лицу, яко же лицемѣры.
Часто под злобным лицом и под худою маскою бо-
жественное сіяніе и блаженное таится сердце,
в лицѣ же свѣтлом, ангельском — сатана. Сего ради,
видя неволю и плѣн тетервакову, жертвующую себе

в пользу чуждую, не лѣнися работати для собствен-
ныхъ твоея пользы и промыслиати нужное, да будеши
свободен. Аще же не будеши для себе самаго рабом,
принужден будеши работати для другихъ и, убѣгая
легкихъ трудовъ, попадешь в тяжкія и сторичныя.

Видиши ли чью-либо сіяющую одежду, или слав-
ный чин, или красный дом, но внутрь исполненный
неусыпаемаго червя, вспомни сам себѣ слова Хри-
стовы: «Горе вам, лицемѣры! Горе вам, смѣющимся
нынѣ», — разумѣй, снаружи. Видиши ли нищаго, или
престарѣлаго, или больнаго, но божественныя на-
дежды полнаго, воспой себѣ пѣсенку сію соломонов-
скую: «Блага ярость паче смѣха, яко в злобномъ лицѣ
ублажается сердце». Видиши ли разслабленнаго па-
ралишемъ? Бѣгай печальнаго, ревностнаго и яростна-
го сердца. Убѣжиши, аще не будеши завистлив. Со-
треси главу завистному зміеву, аще будеши за
малое благодарен и уповающій на бога живаго. Ви-
диши ли ни драгую, ни сластную, но здравую пищу,
воспой: «Блага ярость паче смѣха». Видиши ли
книжку, не имущую опрятныхъ слов, но духа святаго
исполненну, воспой: «Блага ярость паче смѣха». Слышиши совѣтъ, словеснымъ медомъ умащенный, но
со утаеннымъ внутри ядомъ, воспой: «Блага ярость
паче смѣха. Елей грѣшнаго да не намаститъ главы
моея». Видиши ли убогій домик, но невинный, и спо-
койный, и безпечный, воспой: «Блага ярость паче
смѣха...» Симъ образомъ читай, сыне, мірскую книгу
и имѣти будеши купно утѣшеніе и спасеніе.

Блажен, разумѣвая вину всякаго дѣла! Сердце человѣческое измѣняетъ лице его на добро или на зло. О милыи мои гости! Наскучил я вам своим много-рѣчіемъ. Простите мнѣ! Се стол уже готов, прошу садиться безразборно. Прошу паки простить мнѣ, что и трапеза моя нища, и созвал вас на убогій пир мой в день безпраздничный».

Гости всѣ воспѣли притчу оную, что «у друга вода есть слаже вражескаго меда».

— Как же в день безпраздничный? — сказал Алаудин брат Адоній.

— Ах, доброму человѣкови всякій день — праздник, беззаконнику же — ни великдень... Аще всему міру главою и источникомъ есть сердце, не корень ли и празднику? Празднику мать есть не время, но чистое сердце. Оно господинъ есть и субботѣ. О чистое сердце, ты воистину не боишься ни молніи, ни грому. Ты еси божіе, а богъ есть тебѣ твой. Ты ему, а онъ тебѣ друг. Оно тебѣ, боже мой, жертвою, ты же ему. Вы двое есте и есте едино. О сердце чисто! Ты новый вѣкъ, вѣчная весна, благовидное небо, обѣтованная земля, рай умный, веселіе, тишина, покой божій, суббота и великій день пасхи. Ты нас посѣтило съ высокихъ обителей свѣтлаго востока, изшедъ отъ солнца, яко женихъ отъ чертога своего. Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Сей день господень: возрадуемся и возвеселимся, братіе!

— О возлюбленный брате мой! — воскликнул Алауда. — Медомъ каплютъ уста твоя. Воистину ни-

что же благо, токмо сердце чисто, зерно, прорастившее небеса и землю, зеркало, вмѣщающее в себѣ и живописующее всю тварь вѣчными красками, твердъ, утвердившая мудростию своею чудная небеса, рука, содержащая горстию кругъ земный и прахъ нашея плоти. Что бо есть дивнѣе памяти, вѣчно весь міръ образующія, сѣмена всѣхъ тварей в нѣдрахъ своихъ хранящія вѣчно, зрящія единымъ окомъ прошедшая и будущая дѣла, аки настоящая? Скажите мнѣ, гости мои, что ли есть память? Молчите? Я жъ вамъ скажу. Не я же, но благодать божія во мнѣ. Память есть недремлющее сердечное око, призирающее всю тварь, незаходимое солнце, просвѣщающее вселенную. О память утренняя, яко нетлѣнная крила! Тобою сердце возлѣтаетъ во высоту, во глубину, в широту безконечно, быстрѣе молніи сторично. «Возьму крилъ мой рано съ Давидомъ...» Что ли есть память? Есть беззабвеніе. Забвеніе еллинами глаголется — лифа, беззабвеніе же — алифія; алифія же есть истина. Кая истина? Се сія истина господня: «Азъ есмь путь, истина и животъ». Христосъ господь богъ нашъ, ему же слава вѣки, аминь!

По семъ Алауда благодарственною молитвою благословилъ трапезу, и всѣ възсѣли. При трапезѣ не была критика, осуждающая чуждую жизнь и проникающая в тайныя закоулки людскихъ беззаконій. Бесѣда была о дружбѣ, о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ, о истинномъ блаженствѣ, о твердой надеждѣ, улаждающей всѣ житейскія горести. В срединѣ

трапезы объяснял Адоній сіе слово: «Блажени нищіе духом, яко тѣхъ есть царство небесное».

— Не на лица,— говорил он,— ядуши со сладостію бобы, зрит бог. Человѣкъ зрит на лице, а бог зрит на сердце... Не тот нищъ есть, кто не имѣет, но тот, кто по уши в богатствѣ ходит, но не прилагает к нему сердца, сирѣчь на оное не надѣется; готов всегда, аще господеві угодно, лишиться с равнодушіем. И сіе-то значит «нищійи духом». Сердце чистое и дух вѣры есть тожде. Кая польза тебѣ в полных твоих закромах, аще душа твоя алчет и жаждет? Наполни бездну, насыти прежде душу твою. Аще же она алчет, нѣси блаженный оный евангельскій нищій, хотя и богат еси у человѣкъ, но не у бога, хотя и нищій еси у человѣкъ, но не у бога. Без бога же и нищета и богатство есть окаянное. Нѣсть же бѣдственнѣе, как нищета среди богатства, и нѣсть блаженнѣе, как средѣ нищеты богатство. Аще міръ весь приобрѣлъ еси и еще алчещи, о, средѣ богатства страждещи нищету во пламенѣ твоих похотѣній! Аще ничто же имаши в мірѣ сем, кромѣ самонужных твоих, ѿ благодарен еси господеві твоему, уповая на него, не на сокровища твоя, воспѣвая с Аввакумом: «Праведник от вѣры жив будет». О, воистину, нищета твоя есть богатѣйшая царей. Нищета, обрѣтшая нужное, презрѣвшая лишнее, есть истинное богатство, и блаженная она среда, аки мост между блатом и златом, между скудостію и лишностію.

Что бо есть система міра сего, аще не храм божій и дом его? В нем нищета живет и священствует, приносит милость міра, жертву хваленія, довольствуется, аки чадо, подаваемым себе от отца небеснаго, завися от промысла его и вселенскія экономіи. И сіе-то значит: «Яко тѣхъ есть царство небесное». Сіе есть — они знают промысл божій и на оный надѣются. Сего ради нищета нарицается убожеством или, яко, аки чадо, живет в домѣ у бога, или того ради, яко все свое имѣет, не во своих руках, но у бога. Не тако нечестивый, не тако, но яко прах от вихра, тако зависят от самих себе, обожают сокровища своя, уповают на собранія своя, дондеже постыдятся о идолѣхъ своих. Сего ради нарицаются богатыи, яко сами себѣ суть лживыи боги.

— Возлюбленный друже и брате мой,— сказал тогда Алауда,— вкусно ты вкушал у нас бобы. Но не без вкуса разжевал ты нам и слово Христово. Насыщая тѣло, еще лучше мы насытили сердце. Аще же оно гладно, суетна есть самая сладкая пища. Прошу же еще покушать рѣпы послѣ капусты и послѣ бобов. Увѣнчает же трапезу нашу ячменная с маслом кутія.

В концѣ трапезы начал пироначальник пришучивать, а гости смѣются. Адоній, пособляя брату, забавно повѣствовал, коим образом древле божія дѣва — истина — первый раз пришла к ним во Украину: так называется страна их. Первый-де

встрѣтил ее близъ дому своего старик Маной и жена его Каска. Маной, узрѣвъ, спросил суровым лицом:

— Кое имя твое, о жено?

— Имя мое есть Астрая,— отвѣчала дѣва.

— Кто ты еси, откуда и почто здѣ пришла еси?

— Возненавидѣвъ злобу мірскую, пришла к вам водвориться, услышав, что во странѣ вашей царствуетъ благочестіе и дружба.

Дѣва же была во убогом одѣяніи, препоясанна, волосы в пучкѣ, а в руках жезл.

— А, а! Не имали здѣ пребывальнаго града,— воскликнул со гнѣвомъ старец,— сія страна нѣстъ прибежище блудностямъ. Вид твой и одѣяніе обличаетъ тебе быти блудницу.

Дѣва сему смѣялася, а старик возгорѣлся. Увидѣвъ же, что Каска вынесла на стрѣчу чистый хлѣбъ на деревяномъ блюдѣ во знаменіе страннопріимства, совсѣмъ возбѣсилъ:

— Что ты дѣлаешь, безумная в женахъ? Не вѣдая, коего духа есть странница сія, спѣшишь страннопріятствовать. Воззри на вид и на одѣяніе ея и просянись!

Каска возсмѣялася и молчала. Дѣва же сказала:

— Так не похвали чловѣка в красотѣ его, и не буди тебѣ мерзок чловѣкъ видѣніемъ своимъ.

Послѣ сихъ божіихъ словъ старикъ нѣсколько усомнился. Нечаянно же узрѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный и божества свѣтомъ возсіявшіе очи, вельми

удивился. Паче же ужаснулся тогда, когда дивный духъ, превосходящій фиміами кринъ и розы, изшедшій изъ устъ дѣвичихъ, коснулся обоняніе его и уладил неизрѣченно. Тогда Маной отскочилъ воспать, поклонился до землѣ и, лежаши ницъ, сказалъ:

— Госпоже! Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мни мене, раба твоего...

Старица, оставивъ лежащаго старца, повела дѣву в горницу, омыла ей по обычаю ноги и масломъ главу помазала. Тогда вся горница божественнаго исполнилася благоуханія. Маной, вскочивъ в горницу, лобызалъ ей руки. Хотѣлъ лобызать и ноги, но дѣва не допустила.

— Едину имѣю гуску,— закричалъ старикъ,— и тую для тебе на обѣдъ зарѣжу.

Дѣва, смотря в окно, усмѣхалася, видя, что старица, господарь и господарка, новою формою ловятъ гуску. Они бѣгали, шатались, падали и сварились. Дѣвѣ смѣшнымъ показалось, что старикъ преткнулся о старуху и покатился.

— Что ты? Ты выстарѣлъ умъ, что ли?

— А у тебе его и не бывало,— сказалъ, вставая, старикъ.

Гостыя, выскочивъ изъ горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски с покоемъ. На семъ договорѣ вошли всѣ в горницу. вмѣсто обѣдованнаго гуски в саду, в простой бесѣдкѣ, приняли и учествовали небесную гостью и божественную странницу

яичницею и ячменною с маслом кутією. От того времени, даже доселѣ, ячменная кутія нашей сторонѣ есть во обычаѣ.

В сем мѣстѣ встали из-за стола всѣ гости. Алауда же благодарил богу так: «Очи всѣх на тя уповают, и ты даеши им пищу во благо время. Богатая десница твоя в сытость и нас, убогих твоих, исполняет твоего благоволенія, Христе боже. Буди благословен со отцем твоим и святым духом вѣки!» Гости всѣ возшумели: «Амины!»

Адоній продолжал повѣсть, что Астрая во странѣ их жила уединенно, Маноя и Каску паче прочих любила, посѣщала и шутила, дондеже преселилася в небесныя обители. Алауда пить и пѣть побуждал. Он наполнил стаканище крѣпкаго меда. «Да царствует Астрая! Да процвѣтает дружба! Да увядает вражда!» Сіе возгласив, изпразднил стакан. Прочіи послѣдовали. Они пили крѣпкій мед, хмѣльное пиво и питіе, или сикеру, называемую в Малороссіи головичник, дѣти же — воду и квас. Из гостей большая часть была сродна к пѣнію. Адоній раздѣлил пѣвцов на два крила, или хоры, — на хор вопросный и на хор отвѣтный, придав к обоим по нѣскольку свирѣльщиков. Они первѣе раздѣльно, потом спѣвали, лик совокупши. Пѣснь была такова:

ПѢСНЬ РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ О НИЩЕТЬ ЕГО

Из Соломонова зерна: «Блага ярость паче смѣха,
яко в злѣбѣ лица ублажится сердце».

Из Христова: «Горе вам, смѣющимся нынѣ»,
то есть снаружи.

Из Іереміина: «Втайнѣ восплачется душа ваша».

В о п р о с. Пастыри милі,
Гдѣ вы днесь были?
Гдѣ вы бывали,
Что вы видали?

О т в ѣ т. Грядем днесь из Вифлеема,
Из града уничиженна,
Но днесь блаженна.

В о п р о с. Кое ж оттуду несете чудо?
И нам прорцыте,
Благовѣстите.

О т в ѣ т. Видѣли мы вновь рожденно
Отроча свято, блаженно,
Владыку всѣм нам.

В о п р о с. Кіа палаты
Имѣет тое,
Ах, всеблаженно
Чадо царскѣе?

О т в ѣ т. Вертеп выбит под скалою
И то простою рукою.
Се чертог его!

В о п р о с. Мягка постель ли?
В красном ли ложи
Сей почивает
Чудный сын божій?

О т в ѣ т. В яслях мати кладет траву,
Ту ж перину и под главу.
Се царска кравать!

В о п р о с. Кія там слуги
От домочадцов
Имѣет тое
Милое чадцо?

О т в ѣ т. Овцы и мулы с ослами,
Волы и кони с козлами.
Се домочадцы!

В о п р о с. Кую же той дом
Вкушает пищу?
Развѣ имѣет
Трапезу нищу?

О т в ѣ т. Пища в зеллѣ,
В млекѣ, в зернѣ.
Се стол ранній и вечерній
В том чудном домѣ.

В о п р о с. Музыка там ли
Модна и лестна
Увеселяет
Царя небесна?

О т в ѣ т. Пастырскій сонм на свирѣлках
Хвалит его на сопѣлках
Препростым хором.

В о п р о с. Кія же ризы?
Мню, златотканны,
У сего сына
Маріи панны.

О т в ѣ т. Баволна, и лен, и волна;
Сим нищета предовольна
В поготѣ своей.

Лики поют совокупно:

О нището! Блаженна, святая!
Дверь нам отверзи твоего рая.
Кій бѣс сердце украл наше?
Кій нас мрак ослѣпил
Даже чуждатись тебе?
О нището! О даре небесный!
Любит тебе всяк муж свят и честный.
Кто с тобою раздружился,
Тот в ночи токмо родился,
Нѣсть сугубый муж.
Мір сей являет вид благолѣпный,
Но в нем таится червь неусыпный.
Се пещера убога
Таит блаженного бога
В блаженном сердцѣ.
Ах, блага ярость есть паче смѣха,
Яко в лицѣ злом тайна утѣха.
Се бо нищета святая
Извнѣ яра внутр злата я

Во мирной душѣ.
Горе ти, міре! Смѣхъ внѣ являеш,
Внутрь же душою тайно рыдаеш.
Украсился ты углами,
Но облился ты слезами.
Внутрь день и ночь.
Зависть, печаль, страх, насыта жажда,
Ревность, мятеж, скорбь, тяжба и вражда
День и ночь тя опаляют,
Как сіонскій град, плѣняют
Душевный твой дом.
Возвеселимся, а не смутимся!
Днесъ непрестанне всѣ христіане!
Там, гдѣ богъ нашъ намъ родися
И пеленами повися,
Хвала день и ночь.

[СОН]

В полночь ноября 24, 1758 года, в Кавраи

Казалось, будто различныя охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ разсмотрюю. В одномъ мѣсту былъ, гдѣ полаты царскія, уборы, танцы, музыканты, гдѣ любящіяся то поспѣвували, то в зеркала смотрѣли, вбѣжавши с зала в комнату и снявши маску, при богатыхъ постеляхъ и прочая.

Откуда сила мене повела к простому народу, гдѣ такія же дѣла, но отличнымъ уборомъ и церемоніею творимія, увидѣлъ: ибо оны ішли улицею с плясками в рукахъ, шумя, веселясь, валяясь, какъ обыкновенно в простой чернѣ бываетъ; такъ же и амурніи дѣла сроднимъ себѣ образомъ, какъ-то в рядъ одинъ поставивши женскъ, а в другой мужескъ полъ. Кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достоинъ быть мужемъ или женою, — с сладостію отправляли.

Отсюду вошелъ в постоялы дома, гдѣ лошадей, хомуты, сена, расплаты, споры и проч. слышалъ.

На остатокъ сила ввела в храмъ обширній очень и красній, каковъ у богатыхъ мѣщанъ бываетъ, прихожанъ, гдѣ будто в день зеленій святаго духа отправлялъ с діаконъ литургію и помню точно сія, что говорилъ: «Яко святъ еси» ажъ до «во вѣкы вѣковъ», и по обоимъ хорахъ пѣто «Святій боже» пространно. Самъ же я с діаконъ, предъ престоломъ до землѣ кланяясь, чувствовалъ внутръ сладость, которой изобразить не

могу. Однак и там чело́вѣческими пороками посквернено. Сребролюбіє с карнавкою бродит и, самого іерея не миная, почти виривает складки.

От мясных обѣдов, которіе в союзних почти храму комнатах торжествовались и в которіе с олтаря многіе дѣры были, к самой святой трапезѣ дух шибался во время літургіи. Там я прѣстрашное дѣло слѣдующее видѣл. Нѣкоторим птичих и звѣриних не доставало мяс к яствію, то оны одѣтого в черну свиту до колѣн чело́века с голими голенами и в убогих сандаліях, будуча уже убитого, в руках держа при огнѣ, колѣна и литки жарили и, с истекающим жиром мясо отрѣзуя, то огризая, жрали.

Коего смраду и скверного свирѣпства я не терпя, с ужасом отвращая очи, отошел. И сіе дѣлали, будто служители нѣкотори.

Сей дивнѣй сон не меньше мене устрасил, как усладил. А пробудившись, не преминул с сладостью в самой вещи пропѣть: «Святѣй боже...»

P. TERENTII COMOEDIA, QUAE VOCATUR ADELPHI

Фабулы или дѣйствія сила, авктора Муреты

Два братья, Міціон и Демеа, разной воя натуры были: Міціон в городѣ живал, Демеа на селѣ; тот холост, а сей женат, тот нравов весьма тихих — сей жесток; той и до чужих был мягок — сей жесток и до своих; тот и в самом гнѣвѣ был кроток — сей и без гнѣва свирѣп.

Были в Демеа два сына, с которых старшого, именем Эсхіна, себѣ за сина взял Міціон и его с собою в городѣ полѣгично и распустно викормил, а меншого, Ктесіфона, на селѣ с собою весьма жестоко и крѣпко содерживал отец.

Эсхін, понеже названнѣй его отец, все ему попускал, з многими полюбовницами гулял, и все, что к молодости касается, не только свободно, но и безопасно отправлял. Послѣ до того уже пришел, что на дѣвчонку убогую, однак честную и честных родителей, именем Памфілу (которую мать ея Сострата, вдова, честно воспитала), ночью, п'яніи напившись, насилит и обременит.

Послѣ пришел к ея матерѣ, просил прошенія и взять ея общаяся. Мать, увѣрившись, простила и молчала, а Ктесіфон, приходя иногда в город, и сам в нѣкоторую игралную дѣвушку (которая умѣла пѣть и играть) влюбился. Однак всю сію

о Ктесіфонъ славу, щоб как Демеа не дослихал, на себе переносил Эсхін. Наконец, когда сводник, игральной дѣвушки барин, сказал, что он или денги за нея, сколько она стоит, взять хочет, или иному продать, Ктесіфон, пришовши в отчаяніе, думал проч с отечества бѣжать. Между тѣм Эсхін, сіе узнавши, будучи безстыден и безстрашен, в дом сводника нахально вшел, самого и домашних потолочил и дѣвушку, насилно оторвав, вручил брату.

Слух о сем по цѣлому городу пошел. Приходит Демеа, ссору на Міціона поднимает, кричит, божится, протестует, что распушен, что не воздержѣн, что паница, что блядун, что ни к чому годен Эсхін будет, что вся вина в одном Міціонѣ залежит. Благодарит богу, что хотя той син, которого с собою на селѣ держит, воздержуется, не мотает, хозяйства смотрит, честь хранит, столко то разнится сирѣчь между воспитанием дѣтей его и брата его. Міціон по возможности уговаривает его и немного утишил его. Между тѣм нечаянно тотчас другое наспѣло, откуда большое еще смятеніе здѣлалось.

Мать Памфілы услышала, что Эсхін игральную дѣвушку отнял, а Памфіла столь уже недалеко была от рожденія, что болною здѣлалась. Что дѣлать? Эсхін перемѣнился, — думала, — сама с дочерью пропала, оставленна, обманенна. Ету крѣпостного, на котором цѣлый дом залежал, посылает до Эгіона, сродственника своего, чтоб ему все сіе объявил.

Между тѣм дошло до Демеа, что и Ктесіфон его был, как отнимали дѣвушку, и понеже безмѣрно осердился, то его обманил крѣпостной слуга Эсхіна именем Сир, прехитрой лгун, сказуя, что приходил с села Ктесіфон, да приходил бранить Эсхіна, и бранил на самой площадѣ довольно, и опять вернулся в село на свое дѣло.

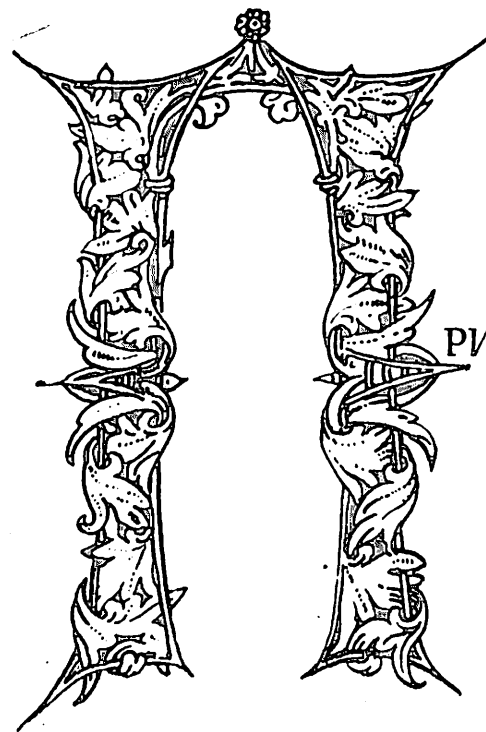
Демеа от радости стал плакать и себе щасливым называть, что, по крайней мѣри, одного сына имѣет, в котором трудолюбного и крѣпкого отца его житія живій образ видит. Между тѣм, как шол назад в село, попал на Гегіона, которій ему о спорченной насилно Эсхіном Памфілѣ объявил. Опять розгнѣвавшись и ищучи брата, чтоб на ему сердце согнать, попался на наемного, которій шол с его хутора. Оной ему, когда спросил, объявил, что сына в селѣ нѣтъ. Назад к Сиру возвратился, которій опять ему новую лож, как собаки мяса кус, чтоб не лаял, бросил. Ищет, гдѣ бы сискать, а ему гдѣ искать? Так показал Сир, что бѣдній старик цѣлой город дурно, напрасно обходил.

Между тѣм Міціон, уведомившись об всем от Гегіона, сам к Состратѣ и ея дочери Памфілѣ пошел, и их в крайней печали утѣшил и ободрил, обѣщая Памфілу дать Эсхіну в супругу.

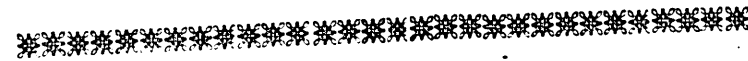
Пришел Демеа, шум, ссору, брань поднял. К тому же еще при самому ему нѣкоторій слушка, по имени когда назвал Ктесіфона, не оберегшись, а он когда вдруг силою всунул в избу, думая, что

Ктесіфон давно уже на селѣ или копает, или орет, или другое что дѣлает. Как только усмотрѣл, что он с любезною сидит и луштикует, то столько ужѣ разъярился, как бы был вброшен в огонь. А когда чрез довольно долгое время покричал, потом его Міціон кроткою своею и мирною рѣчью до того привел, что он отложил прежню свою свирѣпость, стал думать, как бы ему, напротив того, милостивим, склонним, приятним быть можно.

И так неспростная Памфіла не только соизволеніем, но и повелѣніем его в дом перенеслася. Свадба здѣлалась. Своднику заплачено. Сам Міціон на Состратѣ женился. Эгіону дано, откуда б мог себе содержать. Сир с своею женою Фрігіею на волю пущен.

РИМІТКИ

Творча спадщина видатного діяча демократичної культури українського народу Григорія Сковороди розмаїта і багатогранна. Це філософські й педагогічні трактати, проповіді, притчі, байки, оригінальна (написана старокнижною українською і латинською мовами) та перекладна поезія тощо. Ще за життя Г. Сковороди його твори користувалися великою популярністю; вони поширювались у багатьох рукописних списках. Але тільки згодом, після смерті автора, починають з'являтися друком окремі його твори. Перша ж збірка Вибраного Сковороди була видана 1861 року в Петербурзі І. Т. Лисенковим (Сочинения в стихах и прозе Григория Саввича Сковороды. С его портретом и почерком его руки). Найповніше зібрання творів письменника з'явилося за радянського часу (Григорій Сковорода. Твори в двох томах. К., Вид-во АН УРСР, 1961).

До нашого видання, що складається з двох книг, увійшли кращі вибрані твори Сковороди — поетичні, філософські, педагогічні. Кожна книга супроводиться примітками, що пояснюють

власні імена, назви, окремі висловлювання тощо, які зустрічаються в творах Сковороди. Причому, пояснюються вони лише в першій позиції. Коментарі автора до окремих творів також наводяться у примітках. Під основним текстом подаються тільки переклади іноземних слів та виразів.

Тексти друкуються за виданням: Григорій Сковорода. Твори в двох томах. К., Вид-во АН УРСР, 1961.

«САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЬСНЕЙ...»

До цього розділу входить тридцять поетичних творів Сковороди, написаних у 50—80-х роках XVIII ст. Створювалися вони в різний час і з різних приводів, а пізніше були об'єднані автором в одну збірку «Сад божественных пьсней, прозябший из зерн священнаго писанія».

З «священним писанієм» вірші у переважній більшості пов'язані тільки формально. Сковорода брав з біблії епіграфи до цих творів, але загалом своїм змістом вони здебільшого далекі від біблійних текстів. Вірші Сковороди, як ті, що ввійшли до збірки, так і інші, що зустрічаються в його філософських трактатах і листуванні, — це передусім поезія особистих переживань автора, його етично-філософських роздумів про смисл життя, про істинне щастя, доброчесність тощо. Органічне поєднання особистих і громадських мотивів — найхарактерніша ознака поезії Сковороди.

За життя письменника пісні набули великого поширення в рукописних списках, частина їх дійшла до нашого часу. Окремі пісні друкувалися в російській і українській періодиці

XIX ст. Повністю «Сад божественных пьсней...» побачив світ 1861 року в Петербурзі: Сочинения в стихах и прозе Григория Саввича Сковороды. С его портретом и почерком его руки. СПб., 1861, стор. 1—54.

П Ъ с н ь 1-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения в стихах и прозе Григория Саввича Сковороды. С его портретом и почерком его руки. СПб., 1861, стор. 1—2¹.

...Перуна огниста... — Перун — бог грому і блискавки у древніх слов'ян.

П Ъ с н ь 2-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 3—4.

Гдѣ Іаковль господь... — біблійний образ. Ідеться про місце перебування біблійних святих — рай чи небо. Тут — символ спокою, тиші.

Се силоамски воды! — Із Силоамського джерела біля Єрусалима брали воду в храм на свята. За біблією, води Силоама вважалися священними.

Как учит Павел ты в своих чистых словесах. — Посилання на т. зв. повчання апостола Павла.

¹ Далі це видання називаємо скорочено: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861.

П'єснь 3-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 4—5.

Исаіа — «Книга пророка Исайї» (із старого завіту біблій).

П'єснь 4-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 6—7.

Данилов каменю! — Даниїл — біблійний пророк, автор однієї з книг старого завіту біблій.

П'єснь 5-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 7—8.

П'єснь 6-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Григория Саввича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Юбилейное издание (1794—1894). С портретом его, видом могилы и снимками почерка. 7-й том сборника Харьковского историко-филологического общества. X., 1894, стор. 213¹.

¹ Далі це видання називаємо скорочено: Сочинения Г. С. Сковороды, 1894.

П'єснь 7-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 8—10.

...идоша в Галилею на гору... — Галілея — родюча і багата людна область Палестини.

П'єснь 8-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 10—11.

Захарія — «Книга пророка Захарії» (із старого завіту біблій).

Я на Голгофу поскорою поспію... — Голгофа — гора поблизу Єрусалима, на якій, за євангельською легендою, було розп'ято Ісуса.

Там висит врач мой... — тут — образ Христа.

П'єснь 9-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 38—39.

П'єснь 10-я

Уперше опубліковано О. Хіждеу в журн. «Телескоп», 1831, ч. 6, № 24, стор. 581—582.

Цю сатиричну поезію Сковорода у своєрідно переробленому вигляді використав І. П. Котляревський у п'єсі «Наталка Полтавка».

Сирах — «Книга премудрости Ісуса, сина Сірахового» (із старого завіту біблїї).

...при аршинѣ все лжет — ошукує, міряючи аршином крам.
Тот все в процентах... — лихвар, що позичає гроші під проценти.

С диспут студенту трецит голова — нятяк на схоластичні диспути студентів Київської академії.

Пѣснь 11-я

Уперше опубліковано в журн. «Московский наблюдатель», 1836, ч. 6, стор. 211.

Надсилаючи пісню своєму приятелеві М. І. Ковалінському, Сковорода писав: «Ця пісня не є великий камінь, а дуже маленький камінець, проте небезкорисний для виховання благочестя. Всередині він, без сумніву, має іскорку і не позбавлений леза, щоб вирізати плотські пристрасті; він трохи схожий на ті кремені, за допомогою яких у іудеїв колись робилося обрізання. Ми прив'язані до світу, ми захопились плоттю, заплутались у софізмах диявола. Проте якщо ми частіше будемо робити спроби, то є надія, що ми коли-небудь з них виплутаємося і піднімемося догори» (Григорій Сковорода. Твори в двох томах, т. II. К., Вид-во АН УРСР, 1961, стор. 384).

Пѣснь 12-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 15—17.

Не хочу за барабаном ити плѣнять городов... — тобто завоювати чужі міста.

Кромѣ умностей Христовых, в коих сладостна дума. — Мається на увазі вчення Христа, викладене в новому завіті біблїї.

Пѣснь 13-я

Уперше опубліковано під назвою «Полевая песня господина Сковороды» в кн.: С. Петров. Всеобщий новоизбранный песенник всех лучших российских авторов, содержащий в себе песни, арии и хоры... В 4-х ч., ч. 4. М., 1805, стор. 31—32. Під назвою «Ой поля, поля зелены...» вперше опубліковано О. Хіждеу в журн. «Телескоп», 1831, ч. 6, № 24, стор. 581.

Пѣснь пѣсней — «Книга Пісні пісень царя Соломона» (із старого завіту біблїї).

Пѣснь 14-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 18—21.

Аввакум — «Книга пророка Аввакума» (із старого завіту біблїї).

О Израиль! — Сковорода вживає власну назву «Ізраїль» у переносному значенні: батьківщина, рідна сторона.

Гидры зверя... — Гідра — за грецькою міфологією, багато-головий змії, що пожирав людей. «Проглашает придревнею басню о седмиглавной змеѣ, именуемой гидра, сирѣчь змії водный. Со змієм сим боролся древній герой Ираклий. Отсъчена

державу имущій над страстьми: «Сотворил еси нас бог нашему царю ієрен». (Прим. автора).

Пѣснь 15-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 21—22.

...Лазаря воззваый...— Посилання на євангельську притчу про воскресіння Лазаря Христом.

Пѣснь 16-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 23.

...чистый свѣт вѣдра...— «Ведро значит небесную свѣтлость и чистоту воздуха; войшло в славянскій язык из еллинского; у них свѣтлость воздуха глаголется: то фадров тоу обравоу. (Прим. автора).

Пѣснь 17-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 22—23.

Чтоб не скрытись с фараоном в морѣ — тобто щоб не загинути марно. Тут використано біблійну легенду про потоплення в Червоному морі військ єгипетського фараона, який погнався за ізраїльтянами, що їх перед тим сам відпустив із неволі.

Пѣснь 18-я

Уперше опубліковано О. Хіждеу в журн. «Телескоп», 1831, ч. 6, № 24, стор. 580.

Пѣснь 19-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 25—26.

У рукопису зазначено, що ця пісня «Сложена 1758 года в степях переяславских, в селѣ Кавраѣ».

Пѣснь 20-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 274—275.

Непорочность — се тебѣ Сигор...— Сигор — за біблійною легендою, місто на півдні Палестини, збережене для праведника Лота після загибелі Содома. Образ вживається у значенні «притулок», «захист».

Пѣснь 21-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 26—29.

Крин — польова лілея.

Харрань — місто-фортеця в Месопотамії, у басейні верхнього Євфрату. Тут ужито як символ буйної природи і багатства.

Не в Гергесенских полях и не в их долинах.— Ідеться про багаті землі на південному сході Генісаретського озера в Палестині, згадувані в євангелії. Тут ужито в значенні розкішного місця, де немає справжнього щастя.

Пѣснь 22-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 30—31.

Притчи — «Книга притчей Соломона» (із старого завіту біблій).

Будь твоя господь с Давидом часть.— «Часть моя еси, господи...», «Боже сердца моего и часть моя, боже, вовъки». (Прим. автора).

Сіон — гора в Єрусалимі. «Сіон — слово еврейское. Значит то же, что еллински — *πλοῦς*, *σοῦρδιᾶ*, рим. — *specula*. Так назывался іерусалимскій замок; славенск. — зор, стража, горница». (Прим. автора). Образ ужито в розумінні «батьківщина».

Путь опаден есть во Иерихон...— Єрихон — місто в стародавній Палестині. «Іерихон-град есть образ суетнаго міра сего и лестнаго. Он широкий, сирѣчь роскошным путем водит юных в разбойники, сієсть в челюсти зміны и гидрыны, в смертныя грѣхи. Quaenam tanta recessatoribus roepa? Ipsum recessatum. Ничто же есть злѣе грѣха и жала, убо его ничто же ни в сем, ни в оном вѣцѣ мучительнѣе. «Жало смерти — грѣх», «Грѣхопадєніє кто разумєет? Блажен той един, кто разумѣет», «Блажен муж, иже на пути грѣшных не ста», «Открый очи мои...». (Прим. автора).

Пѣснь 23-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 31—32.

Цю пісню Г. Скворода закінчив такою приміткою латинською мовою: «*Rogatus quidam philosophus: quid esset practiosissimum? Respondit: tempus*». (Один філософ, якого запитали, що він вважає за найцінніше, відповів: час).

Пѣснь 24-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 33—34.

У кінці пісні є авторська приписка: «*Nihil est ab omni parte beatum*» — «єсть чаша всѣм людям».

Пісня є оригінальним переспівом 16-ї оди з другої книги «Од» славнозвісного римського поета Квінта Горация Флакка (65—8 рр. до н. е.).

25-я пѣснь отходная

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1861, стор. 35—36.

Ця пісня, а також деякі інші поезії Сквороди (наприклад, «Пѣснь 26-я», «На день народження Василя Томари, хлопчика 12 років») належать до так званих вітальних віршів. Адресовані вони окремим особам — сучасникам поета. Написані в традиційному панегіричному жанрі, ці вірші однак вільні від улесливості, відрізняються теплотою і щирістю. Присвячуючи

панегірик «Бдешь, хочеш нас оставить?» своєму приятелеві ігумену Гервасію Якубовичу, що переїжджав у 1758 р. з Переяслава до Белгорода, Сковорода писав 22 серпня того ж року з Ковраїв: «Ти уже готовий до від'їзду. Нам здається, що ти вже несешся на крилах. Тому на ознаку нашої синівської любові й пошани до тебе прийми від нас пісню відхідну, яка називається по-грецьки апобатеріон. Апобатеріон походить від грецького слова ἀποβαίνειν, що означає відходити, від'їжджати. В пісні тих, що від'їжджають, проводжають побажаннями добра і різних благ. Правда, наша пісня майже зовсім селянська і проста, написана простонародною мовою, але я сміливо заявляю, що, при своїй простонародності й простоті, вона щира, чиста і безпосередня. Царів і тиранів ми часто всупереч нашій волі вихваляємо, але з друзями справа зовсім інша. Те, що тут сказано, викликано не силою, не страхом, але прихильністю. Від лестощів мое серце не менш далеке, ніж Китай від Португалії». (Григорій Сковорода. Твори в двох томах, т. II. К., Вид-во АН УРСР, 1961, стор. 416).

Піснь 26-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 36—37.

Іоанн Козлович — переяславський єпископ, у виданні якого був колегіум. У цьому колегіумі на початку 60-х років XVIII ст. Сковорода деякий час викладав курс поетики.

Мелодія

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 46. Є й латинський варіант цієї поезії.

Піснь 27-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 38—39.

Іоасаф Миткевич — белгородський єпископ, якому був підпорядкований колегіум у Харкові, приятель Сковороди.

У кінці пісні Сковорода зробив приписку: «Pro memoria т. е. записка ради памяти.

Сей архієрей родился близ Киева, во градъ Козельцѣ. Был пастырь просвѣщен, кроток, милосерд, незлобив, правдолюбив, престол чувства, любви свѣтильник. В вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я свято и благочестиво три лѣта — 1760-е и 63-е и 4-е, в кое преставился от земли к небесным, — был дѣлателем, удивлялся прозорливому его щедрому и чистому сердцу с тайною моею любовію. Сего ради іменем всѣх, любящих бога и божія книги и божія други, во память его и во благодареніе ему, сему любезному другу божію и человѣческому, яко же лепту приношу сію піснь от мене. Любитель священныя библии Григорій Варсавя Сковорода».

Пѣснь 28-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинення Г. С. Сковоро-
ды, 1861, стор. 40—43.

...версальскіи лѣса...— «Версалия (Versailles) именуется
французскаго царя едем, сирѣчь рай, или сладостный сад, не-
изреченных свѣтских утѣх исполнен». (Прим. автора).

...Коперниковски сферы.— «Коперник есть новѣйшій астро-
ном. Нынѣ его систему, сирѣчь план, или типик, небесных кругов
весь мир принял. Родился над Вислою в польском городе
Торунѣ. Систему свою издал в 1543 г. Сфера есть слово еллин-
ское, славенски: круг, клуб, мяч, глобус, гира, шар, круг луны,
круг солнца». (Прим. автора). Сковорода визнавав теорію
геліоцентричної будови світу, відкритої Коперніком.

Мать блаженная натура...— «Блаженная натура есть имя
господа вседержителя». (Прим. автора).

Правду Августин пѣвал...— Августин Аврелій (354—430) —
давніохристиянський богослов і філософ-містик.

...ада нѣт и не бывал...— «Ад слово еллинское, значит тем-
ницу, мѣсто преисподнее, лишенное свѣта, веселія и дражайшія
злата—свободы. Адскій узник есть зеркалом плѣнников мучи-
тельных своей воли, и сія лютая фурія непрерывно вѣчно их
мучит». (Прим. автора).

У кінці пісні Сковорода зробив приписку:
«Pro memoria, или припоминаніе.

Самое сущее Августиново слово есть сіе: «Tolle voluntatem
proptiam et tolletur infernus» — Истреби волю собственную —
и истребится ад.

Как в зернѣ маврійскій дуб, так в горчичном его словѣ
сокрылася вся высота богословскія пирамиды и, аки бездна,
жерлом своим пожерла весь Іордан богомудрія. Человѣческая
воля и божія суть два врата — адова и небесная. Обрѣтшій
средѣ моря своя воли божію волю — обрѣте кифу, сирѣчь
гавань оную: «На сем камнѣ утвержу всю церковь мою», «Таит-
ся сіе им, яко небеса» и проч. «И земля (се оная обѣтованная!
Зри, человеѣче) посредѣ воды...» Аще кто преобразил волю во
волю божію, воспѣвая сіе: «Исчезе сердце мое» и проч. Сему
сам бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, бог, дух, рай, га-
вань, блаженство, вѣчность есть тожде. Сей не обуревается,
имѣя сердце оное: «Его же волею вся управляются». Августи-
ново слово дышет сим: «Раздерите сердца ваша», «Возмите нго
мое на себе», «Умертвите уды ваша», «Не яже хочете... сія
творите», «Нѣсть наша противу крови и плоти», «Враги чело-
вѣку домашніи его», «На аспида и василиска наступиши», «Той
сотрет твою главу...» и проч.

Пѣснь 29-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинення Г. С. Сковоро-
ды, 1861, стор. 43—44.

Пісня має авторську дату: «Сложена 1785 года, сентемвр,
17 дня, в селѣ Великом Бурлукѣ».

О Маріин сыне! — Марія — за євангельською легендою,
мати Ісуса.

П'єснъ 30-я

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1861, стор. 44—46.

Ця пісня, як зазначив автор, «сложена во время открытїя Харковского намѣстничества, когда я скитался в монастыре Сѣннѣанском».

Епікур (341—270 рр. до н. е.) — давньогрецький філософ-матеріаліст, який заперечував релігійну мораль і метою життя вважав розумну насолоду. Погляди Епікура були близькі Сковороді.

«БАСНИ ХАРЬКОВСКІЯ»

До збірки «Басни харьковскія» увійшло тридцять байок, з яких перші п'ятнадцять написані Сковородою після залишення Харківського колегіуму, в 1769—1774 рр. Решта п'ятнадцять створено 1774 р. в селі Бабаях поблизу Харкова. Того ж року Сковорода об'єднав їх у збірку, яку, за власним свідченням в автобіографічному творі «Пря бѣсу со Варсавою», подарував своєму приятелю П. Ф. Панкову. Надсилаючи збірку П. Ф. Панкову, філософ у супровідному листі-присвяті висловив ряд цінних міркувань щодо байки як одного з найпопулярніших поетичних жанрів серед широкого читача. «Басня,— за його словами,— тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключает зерно истины, похожа на орѣх свищ... Если ж с истинною, кто дерзнет назвать лжи-вою?» Байка — це «мудрая игрушка», що «утаевает в себѣ силу».

Кожна байка Сковороди складається з двох частин: фабули і «сили», тобто висновку, моралі, яка в останніх п'ятнадцяти байках нерідко значно перевершує за обсягом саме оповідання, перетворюючись фактично у своєрідний філософський трактат.

Байкарська спадщина Сковороди, в якій знайшли яскравий художній вияв основні риси його світогляду, філософські й естетичні принципи, загалом має виразне демократичне спрямування і є однією з важливих сторінок української літератури минулих віків.

«Басни харьковскія» вперше були надруковані 1837 р. у виданні московського попечительного комітету «Человеколюбивого общества».

У перекладі сучасною українською мовою вибрані байки Сковороди вперше надруковані у 1946 р. (Григорій Сковорода. Харківські байки. За ред. акад. П. Тичини. Передмова С. Чавдарова. К., Укрдержвидав).

[Лист-присвята П. Ф. Панкову]

...отводит Павел своего Тимофея (1 к Тим., гл. 4, ст. 7).—
Идетъ про т. зв. перше послання апостола Павла до Тимофія.
И Петр не просто отвергает басни...— Идетъ про апостола Петра.

К Тит.— Мається на увазі т. зв. послання апостола Павла до Тита.

Сократ (469—399 рр. до н. е.) — давньогрецький філософ-ідеаліст, вчення якого було спрямоване на моральне самовдосконалення людини, самопізнання.

...избрал Езоповы басни.— Езоп (бл. VI ст. до н. е.) — напівлегендарний давньогрецький поет-байкар.

Басня 14

...афинские граждане имѣют мене в почтении.— Сова у стародавній Греції вважалася символом мудрості.

Басня 16

Платон (427—347 рр. до н. е.) — давньогрецький філософ-ідеаліст, учень Сократа. Сковорода у своїх творах часто посилається на його висловлювання.

Басня 18

Пификс — «слово еллинское, значит — обезьяна рода и роста большего». (Прим. автора).

Мінерва (у грецькій міфології Афіна) — богиня мудрості, покровителька мистецтв і ремесел.

Басня 20

2. Царств.— «Друга книга царств» (із старого завіту біблії).

Второзак.— «Второзаконня» (остання, п'ята, книга Мойсея із старого завіту біблії).

Байка має авторську дату: «Сія басня писана в світлое воскресение по полудни, 1774 в Бабаях».

Басня 21

...а свои труды облегчаю пѣніем.— «Самое доброе дѣло есть скучным без ослабы, а одно только бездѣлья дѣлать во сто раз скучнѣе». (Прим. автора).

Басня 22

Арістотель (384—322 рр. до н. е.) — видатний давньогрецький філософ і вчений, ідеолог античного рабовласницького суспільства. В окремих питаннях філософії відстоював принципи матеріалізму.

Басня 23

«Дѣянiя» — «Діяння святих апостолів» (з нового завіту біблії).

К галат.— Ідеться про т. зв. послання апостола Павла до галатів (з нового завіту біблії).

Басня 24

«И не даде Іов безумiя богу...» — У біблії розповідається про праведного Іова, який не зрікся бога навіть тоді, коли той, випробовуючи його віру, наслав на нього тяжкі біди: умертвив дітей, розорив. Образ Іова вжито як втілення покори.

Б а с н я 25

«Нѣсть здѣ». — «Сіе Хамово племя смѣтается наготѣ отчей».
(Прим. автора).

Василій Великий — один із проповідників християнства.

Іуда, сын Іаковль... — один із дванадцяти апостолів.

Б а с н я 26

Меандр — ріка в Малій Азії.

Мойсей — за біблійною легендою, пророк, визволитель давніх євреїв з т. зв. єгипетського полону, вважається церковниками автором «П'ятикнижжя» — перших п'яти книг старого завіту.

Б а с н я 27

Старик Катон... — Катон Марк Порцій (234—149 рр. до н. е.) — письменник і державний діяч Стародавнього Риму.

...в. Цицероновой книжечкѣ «О старости». — Цицерон Марк Туллій (106—43 рр. до н. е.) — давньоримський державний діяч, оратор і письменник. Сковороді належить переклад вибраних місць із книги Цицерона «Про старість».

Б а с н я 30

Надобно родится к ней. — «Один бог есть съятель дружбы».
(Прим. автора).

Іоан., ев. — «Євангеліє від Іоанна» — одна з книг нового завіту біблії.

Траян Марк Ульпій (53—117) — римський імператор.

Тіт Флавій Веспасіан (39—81) — римський імператор.

Іоан. — «Послання Іоанна» (три книги нового завіту біблії).

К римл. — Ідеться про т. зв. послання апостола Павла до римлян (з нового завіту біблії).

Марк. — «Євангеліє від Марка» (одна з книг нового завіту біблії).

Премудр. Соломон — «Книга премудрості Соломона» (із старого завіту біблії).

ІНШІ ТВОРИ

П ѣ с н я

Уперше опубліковано у виданні: Григорій Сковорода. Твори в двох томах, т. II. К., Вид-во АН УРСР, 1961, стор. 61—62 і.

O delicati blanda etc.

(До Петра Герардія)

Це переклад-переспів вірша французького вченого-гуманіста Марка Антуана Муре (1526—1585) «Ad Petrum Gerardium». Два уривки твору: «О каморка, только что одному

¹ Далі це видання називаємо скорочено: Г. Сковорода. Твори в двох томах, 1961.

вмѣстна» та «О селянській милій, любій мій покою» — як самостійні вірші вперше надруковано Д. І. Багалієм у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1894, стор. 286—287; 289—290. Частина вірша, що починається словами «Знай, что под медом слов скритий яд, обманы», вперше опублікована у виданні: Г. Сковорода. Твори в двох томах, т. II, 1961, стор. 65—66.

У виданні 1894 р. Д. І. Багалій опублікував переписаний рукою Сковороди текст вірша Муре, очевидно, зроблений з метою перекладу. Однак Д. І. Багалій не зазначив, хто є автором вірша, і тому певний час вважалося, що ним був Сковорода. Цей вірш переклав українською мовою М. Зеров. Наводимо текст перекладу за кн.: Микола Зеров. Вибране. К., «Дніпро», 1966, стор. 383—385:

Село мое, спокою мій улюблений,
Далекий від тривоги земних!
Джерел прозорих безнастанний гомоне
В розкішнім холодку гаїв!
Дерев розложистих шумливі кучері!
Луги перлисто росяні!
І ти, моя самотносте, подруго дум,
І ти, свята безмовносте,
Якої й пташка не порушить піснюю,
Ні пастушок сопілкою,
Як вівці гонить вранці на пасовище,
А надвечір у теплий хлів.
А стіл привітний, щедрий і без вигадок,
Та трапеза з звичайних страв,
Не з тих, що вчений кухар повимислює
Про ласого господаря,
А з тих, що мати зварить заклопотана
Для батька й молодих синів.

І ти, полице, не для всіх призначена,
Добріні й дорогі книжки!
І келія, де ліжко тільки міститься
І сон надходить радісний!
Безпечна стежка до життя блаженного,
Незнана підлоті людській!
Як рвусь до тебе серцем переповненим.
Все інше споневаживши,
Як лину я до тебе, одкидаючи
Усі розкоші Персії,
Омитий в чистім джерелі Ольмеевим,
Причетний лаврам Фебовим!
Що ж ти, Герарде, ти, якому б тішитися
З криниць, не знаних людові,—
Не йдеш сюди, опалений жадобою
Скарбів та слави марної?
Невже понад усі ті чисті радощі
Підносиш ти життя двірське?
О, ради тих печер святих Лікеєвих,
Що в них бував ти хлопчиком,
Прийми пораду, що тобі нашіптує
Старий і вірний приятель.

А хто тебе від творчих дум відтягує,
На ради тих замкни свій слух,
Як син Лаєртів, що на спів підступницький
Мав охоронний віск в ушах.

Не той блажен, хто загрибає золото
Та дивні перли Індії,—
Щасливий, хто малим задовольняється,
Нещасний, хто не знає меж!

Коли в спокої, сам собі належачи,
Проведиш ти життя своє,
Де те безумство, що тебе примусило б
Кайдани взяти невільницькі,

В чужій ходити волі і понижено
Тремтіти перед власником?

Отож порви, порви всі пута, скинь ярмо,
Що так тебе намучило;
Насмійся будь щасливим, геть покинь усе,
Що до землі пригнічує.

Літай думками по етеру ясному,
Віддайся духом вічності,
Покинь забави, долю ту розкішницьку,
Що вабить темних неуків.
Коли б мені в свій час, як перша молодість
Цвіла ще на моїх щоках,
Хто старший так вділив би свого досвіду,
Як хочу я вділить тобі,—
То, може, й я б не плакався, що без розуму
Потратив стільки кращих літ!

1922

Fabula

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 294.

Фалес (бл. 624—547 рр. до н. е.) — давньогрецький філософ-матеріаліст.

Epigramma

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 294.

Це уривок з якогось більшого поетичного твору.

Fabula de Tantalos

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 294—295.

Цар Тантал когдась Іовиша до дому...— Тантал — міфічний цар Фрігії. Він прогнівив богів і за це був приречений вічно терпіти голод і спрагу. Іовиш (Юпітер, Зевс) — в античній міфології верховний бог греків, цар богів і людей.

Quid est virtus?

Уривки українського і латинського варіантів уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 287.

In natalem Jesu

Це переклад латинського вірша Марка Антуана Муре.

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 287—288.

Там под Вифлеемским градом...— Вифлеєм — місто на південь від Єрусалима, тут, за євангельською легендою, народився Христос.

De libertate

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 290—291.

Волности отче, герою Богдане! — Мається на увазі Богдан Хмельницький.

Est quaedam maerenti
flere voluptas

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 292—293.

Фабула

Уперше опубліковано під назвою «Fabula» у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 288—289.

Домой Уліса судбина припхала.— Йдеться про повернення з далеких мандрів Одиссея (Улісса) — героя давньогрецької епопеї «Одіссея».

Похвала астрономії
(Ex Ovid. Fast.)

Переспів із книги «Фасти» відомого римського поета Публія Овідія Назона (43 р. до н. е.— 17 р. н. е.).

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 290.

«Все лице морщиш,
печален всегда ты...»

Уривок з невідомого вірша.

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 290.

Разговор о премудрости

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 293—294.

Хинці, хинський — китайці, китайський.

Oda Horatiana (Libri II, XVI)
«De animi tranquillitate»

Вірш є ще одним варіантом переспіву 16-ї оди Горация «Про спокій душі» з другої книги «Од». Перший варіант увійшов до «Саду божественных пѣсней...» (Пѣснь 24-я). Цей, другий, варіант міститься в листі до М. І. Ковалінського, написаному латинською мовою. Тут Скворода зазначав: «Це я переклав майже експромтом, дуже швидко, слідкуючи тільки за тим, щоб, наскільки це було для мене можливим, передати дух автора, не дбаючи про красу стилю. Ти можеш, якщо тобі до вподоби, змінити і почати з інших слів». (Г. Скворода. Твори в двох томах, т. II. 1961, стор. 349—350).

Ода
(Jesuitae Sidronii Hosii)

Уперше надруковано у виданні: Сочинения Г. С. Сквороды, 1894, стор. 302—306.

Цей твір Сквороди являє собою переклад оди «Про самотність» новолатинського письменника XV—XVI ст. ст., фламандця Сідронія Гозія, більш відомого під прізвиськом Гошій.

Друг мой Георгій! — «Georgius iste fuit quispiam episcopus amicus Sidronio. Vixit uterque praeterito saeculo. Ferrum graece Σίδερων. Audi Jocum! Ergo sartagini cognatus... est.» [Георгій був єпископом і другом Сідронія. Жили обидва в минулому віці. Залізо по-грецьки Σίδερων. Зрозумій жарт! Отже, він споріднений із Скородою (лат.)]. (Прим. автора).

Славний учитель Ієронім скрився от Рима... — Ієронім — проповідник християнського віровчення.

...словом, мумія, или скелет. — «Σκέλετον — Cadaver sine carne. Sic nobis pingi mortis imago solet. Hanc odam non trans-tuli, sed sum interpretatus. Translator verbum verbo tanquam dentem pro dente, reponit, at interpres veluti gratiosa nutrix, commansum cibum et elicitedum sententiae succum in os inserit alumno suo. Exemplum: Sese major et orbe — «Вознесся вышше всей тлѣни, и своей». Fugere se ipsum — «убѣгти страстей», «попрать волю свою».

Exemplum 3-tium. Parturiunt montes — «Славны бубны за горами, а вблизи лукошко». Или: «Стучит, гремит, — что ли то — Кобылья мертва голова бѣжит». Или: «Высоко лѣтъла, да недалеко съла». Или: «Пшик! то-есть начал ковать лемѣш, наконец только загартовался: пшик! пшик!»

Latine ita habet:

Sic sua gaudet sapiens quiete,
Seque tranquillius fruitur deoque
Et silens dicit sibi multa sese
Major et orbe.

[Скелет — труп без плоті. Так у нас прийнято малювати образ смерті. Цю оду я не переклав, а витлумачив. Перекладач ставить слово замість слова, як зуб замість зуба, а тлумач,

як ніжна годувальниця, кладе в рот своєму, годованцю розжованний хліб і сік мудрості. Наприклад: «Sese major ipsum» — «Вознесся вышше всей тлѣни, и своей». «Fugere se ipsum» — «Убѣгай страстей», «попрать волю свою».

Приклад 3-й: Parturiunt montes — «Славны бубны за горами, а вблизи лукошко». Или...

По-латині так:

Так мудрий насолоджується своїм спокоєм,
Задовольняється, спокійний, собою і богом
І, мовчазний, говорить собі багато,
Ставши вище від себе і світу (лат.)].

Seque tranquillius... sic poterat verti melius: Он всегда имѣл случай наслаждаться собою и богом. (Прим. автора).

Басня Есопова

Уперше опубліковано у виданні: Г. С. Скородо. Твори в двох томах, т. II. 1961, стор. 96—98.

У заголовку твору Г. Скородо пояснює, що ця Есопова байка «преображенна на новый вид малороссийскими фарбами для учеников поэтики 1760-го года в Харьковѣ. Вина сея басни та, что многіи от учеников, нимало к сему не рожденны, обуча-лися». Закінчується байка також авторською приміткою: «Сія о музыкантѣ Волкѣ казка успѣла до того, что пастырь добрый Іоасаф Миткевич (ректор Харківського колегіуму.— Б. Д.) больше 40 отроков и юнош свободил от училищнаго ига во путь природы их, ревнуя челоуколюбію — не тщеславію. Сему и аз ревнуя, написах книжицу «Алфавит мира». Г. С.»

Зберігся й латинський варіант цієї байки.

Благодарный Еродій

Уперше опубліковано у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1894, стор. 217—235.

Притча написана 1787 р., присвячена другу Сковороди С. Н. Дятлову. У супровідному листі до Дятлова автор писав: «Соплел я в сіє 1787-е лѣто маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную «Благодарный Еродій». Се тебѣ дар, друже!»

У цій притчі, як і в ряді інших творів, Сковорода розробляє тему виховання людини. Гостро осуджуючи дворянсько-аристократичну систему навчання і виховання, він обстоює демократичні погляди на виховання, водночас висміюючи загальне захоплення українського і російського дворянства всім іноземним, сліпе наслідування чужоземних зразків у побуті, у вихованні дітей.

Варсава.— «Вар, правдивѣ же Бар, есть слово еврейское, значит сын; Сава же есть слово сирское, значит, субботу, покой, праздник, мир. Итак, Вар-Сава — сын Савын, сирѣчь сын мира, так как Вар-Иона есть сын голубицы». (Прим. автора).

Іеремія.— Іеремія — біблійний пророк, який провіщав загибель Ізраїльської держави. «Книга пророка Іеремії» та «Плач Іеремії» — частини старого завіту біблії.

В Гунгаріи видѣл я на каминах.— Гунгарія, Унгарія — Угорщина.

Псалом — релігійна пісня, молитва. Псалми створені, за легендою, давньосередньовісним царем Давидом, ввійшли у псалтир.

И кошка блудлива.— «Блудливый, блудный есть то же, что невоздержный и роскошный или сластолюбный. Сей римски

слично зовется discinctus (дисцинктус), сієсть распоясан. Блуд — славенскій глас — то же, что расточение, разліяііе, нещадѣііе, мотовство, еллински — асотіа, сирѣчь нехранение. «О блуд! Разоритель царствам, домам, людам. Мати же его есть неблагодарность». (Прим. автора).

Выйми же, паки безобразит землю.— «Так обуздаються свиньи и пунѣ во Англіи. Сей обычай был и древле; как видно из Соломоновых «Притч»: «Яко же колцо златое в ноздрах свиньи» и протчая... (Прим. автора).

...всѣ вѣтроносныи их блонды и пукли с кудрями.— «Блонды, пукли, кудри — сіє значит вѣтшнее украшение, коим мыр сей, во злѣ лежащій, аки блудница, украшается, презрѣв совѣт Христов: «Лицемяре! Омый прежде внутренность скляницы». (Прим. автора).

«Много хитростей знает лис, а еж одно великое».— «Еллинска пословица есть так: Πολλά μὲν οἶδεν ἡ ἀλώπηξ, ἀλλ' ἐκιδνός ἐν μὲτα, римски — multa novit vulpes, sed echinus unum magnum. (Прим. автора).

...святого Ісїдора слово.— Ісидор — християнскій мученик. **...не всѣ же суть сердца Каиновы.** Суть и Авелевы жертвенники...— За біблійним міфом, Каїн, старший син Адама і Еви, убив свого рідного брата Авеля (перше вбивство на землі). Розгніваний бог поклав на чоло вбивці тавро злочину — «каїнову печать». У переносному значенні Каїн — убивця, злочинець, Авель — символ невинної жертви.

Вот вам Араратска гора! — Арарат — гора, на якій, за біблійною легендою, зупинився ковчег Ноя після потопу.

...нѣсть Елисея сих умонедужных и сердобольных отроков воскресити.— Елисей — біблійний пророк.

...блаженному епископу Іоасафу Горленку.— Горленко Іоасаф (1705—1754) — український письменник та церковний діяч.

Убогій жайворонок

Уперше надруковано окремим виданням з життям Сковороди М. Макарова та І. Решетникова заходом московського попечительного комітету «Человеколюбивого общества» у 1837 р.

Цю притчу Сковорода подарував своєму другові Ф. І. Дисському. Лист-присвята Дисському має дату: «1787-го лѣта, в полнолу́ніє послѣдніа луны осеннія».

Ця притча, як і «Благодарный Еродій», продовжує тему виховання. Розвиваючи далі свої педагогічні погляди, Сковорода виступає проти зажерливості і розбещеності, в'їдливо висміює нероб і хапуг. Глибокогуманістичні тенденції притч, образне бачення світу в них робило ці твори попередниками художньої прози в новій українській літературі.

Товія — син благочестивого ізраїльтянина Товіа; в його мандрах покровителем і супутником був, за легендою, архангел Рафаїл.

Салакон.— «Салакон есть еллинское слово, значит нищаго видом, но лицѣмърствующаго богатством фастуна. Сих лицѣмъров преисполнен мір. Всяк до единого из нас больше на лице кажет, нежели имѣет; даже до сего сатанинское богатство нищету Христову преодолѣло, осквернив сим лицѣмъріем і самыя храмы божіи, и отсюду вигнав нищету Христову, и отсюду; и нѣсть человѣка, хвалящагося с Павлом — нищетою Христовою». (Прим. автора).

Сабаш.— «Сабаш значит праздный, спокойный, от сирскаго слова саба, или сава, сирѣчь мир, покой, тишина. Отсюду и у евреев суббота — сабаш, отсюду і сіе имя Варсава, то есть сын мира; бар еврейски — сын». (Прим. автора).

В селе Ровенках...— «Ровеньки есть то же, что ровенники, сирѣчь по ровам живущіе воры. «Да не сведет во мнѣ ровенник уст своих» (Псалом). (Прим. автора).

«Концы в воду».— «Коль прельщаются нечестивыи притчею сею беззаконною своею: концы в воду. «Нѣсть бо тайна, яже не открывается». (Прим. автора).

...как мудро глаголют наши юристи.— «Христос же вопреки говорит: «Славы от человек не хочу. Есть прославляяй мя отец мой. На пути свидѣній твоих насладихся». Ах! Убойтесь, нечестивыи, свидѣній божіих! Не убойтесь от убивающих тѣло. Скажите с Давидом: «Прокленут тїи, и ты благословиши». Бумажка, о лицѣмъри, человекская оправдит тебе у человек, но не у бога. Се тебѣ колесница без колес, таково без бога всякое дѣло». (Прим. автора).

...будто бендерская, осада.— Тут порівнюється ловіння птахів сіткою з облогою і взяттям молдавського міста-фортеці Бендери російськими військами у вересні 1770 р. під час російсько-турецької війни 1768—1774 рр.

Лети жь, друже мой...— «И спасайся, да будет...». (Прим. автора).

Алауда...— «Алауда — римски значит жайворонок, alauda — хвалю, римски — laudo, лаудо; лаудон — хвалящий». (Прим. автора).

...Алаудин брат Адоній.— «Адоній еллински значит пѣвца, ода — пѣсня». (Прим. автора).

Имя мое есть Астрыя.!— «Астрыя — слово еллинское, значит звѣздная, сіе есть горняя, лучезарная». (Прим. автора).

...мерзок человек видѣніем своим.— «Сіе слово есть сираховское. Оно тот же имѣет вкус со Христовым оным: «Не на лица зряще судите, и с оным Самуила-пророка, пришедшаго помазать на царство всѣх братій своих меньшаго Давида». «Человек зрит на лице, а бог зрит на сердце». (Прим. автора).

Крина.— «Крин — слово еллинское, римски — лилія, крина, крины сельныя, то есть дикіи, полевые». (Прим. автора).

...пили... сикеру...— «Сікера есть слово еллинское, значит всякое питье, упоевающее, пьяное, или хмѣльное, кромѣ единого грозднаго вина, хлѣбное же (называемое) вино в том же все-родном имени заключается, сего ради пишется: «Вина и сікеры не имать пити». (Прим. автора).

...ублажится сердце.— «Экклесиаст». (Прим. автора).

Баволна...— «Баволна значит от древа рожденная волна; это есть слово немѣцкое баумволле; баум — дерево, волле — волна». (Прим. автора).

Дверь нам отверзи...— «Отверзи на дверь...» (Прим. автора).

[С о н]

Зміст твору викладено в «Жизни Григория Сковороды» М. Ковалінського (див.: Г. Сковорода. Твори в двух томах, т. II. 1961, стор. 494—495).

Уперше опубліковано за автографом у виданні: Г. Сковорода. Твори в двух томах, т. II. 1961, стор. 474—475. В автографі твір назви не має.

Оскільки у виданні 1961 р. текст твору надрукований з помилками, подаємо його за автографом, що зберігається у відділі рукописів Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, ф. 86, № 24.

Р. Terentii Comoedia, quae vocatur adelphi

Уперше опубліковано за автографом П. М. Поповим у журн. «Радянське літературознавство», 1960, № 4, стор. 101—106.

Текст є перекладом зробленого М. А. Муре змісту-конспекту комедії Теренція «Брати» («Adelphi»). Латинський виклад у прозі змісту твору Теренція супроводжував ряд видань комедій Теренція у XVI—XVIII ст. ст.

ЗМІСТ

«САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЪСНЕЙ...»

Пѣснь 1-я	11
Пѣснь 2-я	13
Пѣснь 3-я	15
Пѣснь 4-я	16
Пѣснь 5-я	18
Пѣснь 6-я	19
Пѣснь 7-я	20
Пѣснь 8-я	22
Пѣснь 9-я	23
Пѣснь 10-я	25
Пѣснь 11-я	27
Пѣснь 12-я	28
Пѣснь 13-я	30
Пѣснь 14-я	32
Пѣснь 15-я	35
Пѣснь 16-я	36
Пѣснь 17-я	37
Пѣснь 18-я	38
Пѣснь 19-я	39
Пѣснь 20-я	40
Пѣснь 21-я	42
Пѣснь 22-я	45
Пѣснь 23-я	47
Пѣснь 24-я	49
25-я пѣснь отходная	51

Пѣснь 26-я	53
Мелодія	55
Пѣснь 27-я	56
Пѣснь 28-я	58
Пѣснь 29-я	60
Пѣснь 30-я	62

«БАСНИ ХАРЬКОВСКІЯ»

Басня 1. Собаки	71
Басня 2. Ворона и Чиж	72
Басня 3. Жаворонки	73
Басня 4. Голова и Тулуб	74
Басня 5. Чиж и Щиглик	75
Басня 6. Колеса часовин	77
Басня 7. Орел и Сорока	78
Басня 8. Голова и Тулуб	79
Басня 9. Мурашка и Свинья	80
Басня 10. Двѣ курицы	82
Басня 11. Вѣтер и Філософ	84
Басня 12. Оселка и Нож	86
Басня 13. Орел и Черепаха	87
Басня 14. Сова и Дрозд	88
Басня 15. Змія и Буфон	89
Басня 16. Жабы	90
Басня 17. Два цѣнныи камушки: Алмаз и Смарагд	92
Басня 18. Собака и Кобыла	94
Басня 19. Нетопыр и два птенца — горлицын и го- лубинин	96

Басня 20. Велблюд и Олень	98
Басня 21. Кукушка и Косик	100
Басня 22. Навоз и Алмаз	102
Басня 23. Собака и Волк	105
Басня 24. Крот и Линкс	107
Басня 25. Лев и Обезьяны	110
Басня 26. Щука и Рак	112
Басня 27. Пчела и Шершень	114
Басня 28. Оленица и Кабан	117
Басня 29. Старуха и Горшечник	119
Басня 30. Соловей, Жаворонок и Дрозд	121

ІНШІ ТВОРИ

П'єсня («О жизнь безпечна! О драгій покой!») . .	131
O delicati blanda etc. (О ніжна, мила...)	133
Fabula («Как толко сонце к вечеру запало...») . .	136
Epigramma («Скажи миѣ кратко мужа мудра дѣло!»)	137
Fabula de Tantalō (Міф про Тантала)	138
Quid est virtus? (Трудно покорити гнѣв и прочіи страсты...)	140
In natalem Jesu (На день народження Ісуса)	141
De Libertate (Про свободу)	143
Est quaedam maerenti flere voluptas (У горі певну втіху приносять сльози)	144
Фабула («Старичок нѣкій Філарет в пустинѣ...») . .	146
Похвала астрономіи	149
«Все лице морщиш, печален всегда ты...»	150

Разговор о премудрости	151
Oda Horatiana (Libri II, XVI) «De animi tranquillitate» [Ода Горация (книга II, XVI) «Про спокій душі»]	153
Ода (Jesuitae Sidronii Hosii)	155
Басня Есопова	162
Благодарный Еродій	164
Убогий Жайворонок	198
[Сон]	223
P. Terentii Comoedia, quae vocatur Adelphi	225
Примітки	229

ГРИГОРИЙ САВВИЧ СҚОВОРОДА

Избранные сочинения
в двух томах, т. I
(На украинском языке)

Видавництво «Дніпро»,
Київ, Володимирська, 42.

Редактор С. А. Захарова
Художній редактор В. В. Машков
Технічні редактори
Б. С. Куйбіда, Ю. З. Тронік
Коректори
М. С. Західна, Н. О. Маслова.

Виготовлено
на Книжковій фабриці «Жовтень»
Комітету по пресі при Раді Міністрів УРСР,
Київ, вул. Артема, 23-а.

Здано на виробництво 25.IV 1972 р. Підпи-
сано до друку 21.VI 1972 р. Папір ілюстр.
Формат 60×108¹/₃₂. Фізичн. друк. арк. 8,5.
Умовн. друк. арк. 7,060. Обліково-ви-
давн. арк. 7,535. Ціна 59 коп. Замовл. 564.
Тираж 15 000.

У1
С44

7-4-3
22-72M